

**А. А. Никишенков, И. П. Перстнева,
А. В. Титорский**

**ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
(СОЦИОНОРМАТИВНАЯ
КУЛЬТУРА)**

Учебно-методическое пособие

**Москва
Новый хронограф
2010**

УДК [342.542.5:39] (470+571) (07)''18/20''
ББК 63.3(2)6-282.2я7+63.521 (=411.2)-5я7+63.521(=411.2)-7я7
Н62

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского Фонда Фундаментальных Исследований
в соответствии с планом исследовательского проекта
«Русские крестьяне: соционормативная культура и экология»
(№ 08-06 0004 А и № 08-06-10029 К)

Руководитель проекта и ответственный редактор
д. и. н., проф. А. А. Никишенков

Р е ц е н з е н т ы:

д. и. н., проф. М. Н. Губогло, д. и. н., проф. Н. С. Борисов

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова (протокол № 4 от 28 июня 2010 г.)

Н62 Никишенков А. А., Перстнева И. П., Титорский А. В.
Проблемы этнографического изучения русского крестьянства
(соционормативная культура). Учебно-методическое пособие /
Никишенков А. А., Перстнева И. П., Титорский А. В. — М.:
Новый хронограф, 2010. — 161 с., ISBN 978-5-94881-141-3.

Учебно-методическое пособие посвящено анализу актуальных проблем этнографического изучения соционормативной культуры русского крестьянства в сферах хозяйственной деятельности, обычного права, этноэтики и воспитания детей. Пособие охватывает этнографический материал XIX—XXI вв., оно содержит общеметодическое обоснование перечисленных предметов изучения, характеристику имеющихся источников и обзор литературы, разбор основных исследовательских проблем, список источников и научных трудов по каждому из разделов, а также методические рекомендации по сбору полевого эмпирического материала.

Пособие может служить учебным материалом для студентов-историков и этнологов, источником для исследователей в области истории и этнографии русского крестьянства и полезным чтением для всех, кого интересует судьба российского крестьянства.

ISBN 978-5-94881-141-3

© Исторический факультет МГУ, 2010

© Никишенков А. А., Перстнева И. П., Титорский А. В., 2010

© Издательство «Новый хронограф», 2010

Введение

Настоящее учебно-методическое пособие задумано как средство стимулирования интереса студентов к проблематике изучения русского крестьянства и организации их научно-исследовательского поиска в работе с литературным наследием, архивными материалами, но главным образом, в полевых наблюдениях современного состояния крестьянства. Нам представляется это важным для современного исторического образования вообще, а для этнографического в особенности, по ряду причин. Во-первых, отечественная этнография сформировалась в середине XIX в. как особая научная дисциплина преимущественно при изучении крестьянства России и поэтому многие ее исследовательские традиции связаны с этой проблематикой, что важно для познания истории науки. Во-вторых, развитие отечественной этнографии за последние более чем полвека привело к значительному расширению ее предметной сферы за счет включения этнической проблематики («теории этноса», «национальный вопрос» и т. п.), занявшей в ней центральное место и потеснившей крестьяноведение на периферию научных интересов, что привело к образованию значительных пробелов в этнографическом изучении русского крестьянства. К тому же, явные и скрытые тенденции советской власти, направленные на раскрестьянивание, не способствовали углубленному изучению этой категории населения России. И наконец, в-третьих, социально-экономические, демографические и культурные процессы прошедших полутора веков радикально изменили облик крестьянства, оно утратило вид замкнутой сословными границами социокультурной группы, классовые границы также были всегда размытыми, а порой и искусственными — чего стоят «научные» дискуссии советских времен о соотношении колхозного *крестьянства* и и совхозного *рабочего класса*. Все это привело к тому, что новое крестьянство потребовало новых исследовательских подходов в изучении, а разработка таких подходов оставляет желать лучшего.

Необходимо признать, что сама категория «русское крестьянство» в настоящее время выглядит неопределенной — «дачная индустрия» и миграционные процессы, принесшие в русскую деревню, наряду с выходцами из деревень иных регионов России, самые неожиданные

иноэтничные группы (горожане, вьетнамцы, среднеазиаты, кавказцы и др.), а с другой стороны, десятилетиями выносившие из нее коренных жителей (раскулачивание, индустриализация, бегство в поисках заработка в перестроечные и постперестроечные времена). Все это служит поводом для некоторых утверждать, что никакого русского крестьянства уже нет, как нет и культуры русского крестьянства. Авторы настоящего издания, основываясь на своем опыте этнографического изучения, исходят из того, что феномен культуры обладает относительной самостоятельностью, т. е. существует и воспроизводится вне прямой и жесткой зависимости от полного состава коренных жителей. Разные люди могут приезжать и уезжать, те же, кто надолго оседает в пространстве культуры, не могут не воспринимать ее нормы и ценности. Разумеется, в каждом конкретном случае исходная культурная традиция меняется в разной степени — от полного исчезновения (заброшенные деревни — не такая уж редкая деталь русского пейзажа) и полной смены населения до хорошей сохранности, подвергшейся некоторым влияниям урбанизации и технического прогресса. По наблюдениям авторов, первый случай — отнюдь не господствующий количественно в пространстве русской крестьянской культуры. К слову сказать, культура в настоящем издании трактуется не как набор раз и навсегда данных элементов, а скорее, как способ жизнедеятельности, находящийся в состоянии постоянного и неустранимого изменения под воздействием вызовов извне и изнутри, это, если угодно — не вещь, а процесс. В этом, по нашему мнению, заключается сущность культурной традиции.

В таком качестве современная нормативная культура русского крестьянства демонстрирует определенную преемственность с историческим прошлым. Изучение этой преемственности — актуальная задача современного этнографического крестьяноведения. Тех, кто ориентирован на это направление, не должны смущать ни эсхатологические прогнозы СМИ о конце крестьянского мира, погрязшего в пьянстве и праздности, ни выкладки некоторых экономистов о принципиальной нерентабельности отечественного сельского хозяйства, ни суждения некоторых демографов о неизбежности (или желательности) вытеснения русских крестьян иноэтничными элементами, ни рассуждения о том, что современный уровень образования сельских жителей принципиально несовместим с крестьянскими традициями. Принять всерьез все эти установки означает априорно отказать в будущем не только крестьянству, но и всей русской культуре. Для нас существенным представляется то, что в основе крестьянского образа жизни и, соответственно, культуры лежат фундаментальные факторы, такие как связь земледельца с землей и со всей окружающей его природой. Специфика этой связи такова, что природа для крестьянина — это не просто средство производства, но «партнер», с которым нужно поддерживать постоянные сложные (порой непредсказуемые) отношения. Эти

отношения не сопоставимы ни с каким иным производством, они не устранимы на обозримое будущее и императивно определяют не только технологию сельскохозяйственного производства, но и особую этику, мораль, социальные нормы, короче говоря, то, что принято именовать культурой.

Учебно-методические задачи, лежащие в основании настоящего издания и определяющие его структуру, ориентрованы на следующие темы, каждой из которых посвящена особая глава:

1. Трудовые традиции и образ жизни русского крестьянства предполагается рассматривать не статично, а в исторической динамике. Поэтому этнографическое изучение русского крестьянства предусматривает реконструкцию жизненного уклада в его региональных и общерусских особенностях, который сложился к рубежу XIX—XX вв. Эта реконструкция предполагает выявление основных параметров образа жизни — земледельческий календарь, приемы животноводства, собирательства, домостроительства, пищевой рацион, половозрастное разделение труда и пр. Совокупность этих элементов предполагается рассматривать в контексте конкретной природной среды, рыночной экономики региона и страны, а также политико-административной системы. Особое внимание в настоящем издании уделяется традиционным ценностным установкам крестьянства на труд вообще и на различные его виды, т. е. на то, что является основанием для некоторых исследователей именовать крестьянство «моральной экономикой». Причем, эти ценностные установки рассматриваются нами как детерминированные системой вышеприведенных факторов. Соответственно, изменение этих факторов в ходе истории (революция, гражданская война, коллективизация, ликвидация колхозов и пр.) кардинальным образом меняли крестьянский этос, что порой называют процессом раскрестьянивания. Насущной задачей историко-этнографического изучения крестьянства является выявление динамики и содержания этого процесса.

2. Обычное право русского крестьянства в предлагаемом учебно-методическом пособии рассматривается как система воззрений на механизм справедливого урегулирования имущественных, семейно-брачных, производственных, межличностных и межобщинных противоречий. Система, в которой собственно юридические аспекты неотделимы от морально-нравственных, религиозных, экономических и пр. В плане реализации задач настоящего издания предусматривается реконструкция обычно-правовых норм на материале многочисленных сборников народно-юридических обычаев русского крестьянства, составленных на рубеже XIX—XX вв. Специальной задачей является изучение процесса трансформации правовой культуры крестьянства с начала XX в. до современности.

3. Традиционная культура поведения при общении (этноэтикет) в настоящем издании представлена как особый срез крестьянского

образа жизни, как условно выделяемый набор социальных норм, регулирующих взаимоотношения в различных сферах жизни — в семье, в общественных местах, во время работы в поле, в лесу, на охоте и рыбалке, при приеме гостей и во время трапезы, а также в молодежной среде. Особое внимание уделяется нормам обращения с природными объектами — синтетический характер крестьянского образа жизни вовлекает в регламентированный круг общения не только людей, но и домашних и диких животных, «землю-матушку», деревья лесные и садовые, хлеб, избу и пр. Исследовательской задачей данной темы является и сопоставительный анализ крестьянских поведенческих моделей дореволюционной поры и современности, на основе чего возможны содержательные выводы об исторической трансформации этой сферы соционормативной культуры.

Учебно-методический характер данного издания продиктовал необходимость построить его материал по следующей схеме, которой авторы старались придерживаться: 1) общеметодические замечания, заключающие в себе обоснование того или иного предмета изучения; 2) характеристика имеющихся источников и обзор литературы по той или иной теме; 3) основные проблемы изучения той или иной темы; 4) список источников и научных трудов по каждой из тем; 5) методические рекомендации по сбору полевого эмпирического материала по каждой из тем.

Введение, Глава вторая, «Нормы обычного права русского крестьянства», Глава третья, «Традиционные нормы поведения при общении (этноэтикет) русского крестьянства» и Заключение написаны А. А. Никишенковым; Глава первая, «Трудовые традиции в соционорматике русского крестьянства» — А. В. Титорским; Глава четвертая, «Традиционные нормы воспитания детей в крестьянской среде» — И. П. Перстневой. Ответственное редактирование А. А. Никишенкова.

Г л а в а п е р в а я

Соционормативные практики в хозяйственной деятельности

1. 1. Общеметодические замечания **(к обоснованию предмета изучения)**

При рассмотрении вопроса о соционормативных практиках в этнографической науке обычно подразумеваются две сферы народной культуры: обычное право и этикет. Именно здесь существуют устойчивые формы поведения, которые оцениваются обществом как правильные, нормативные. Скажем, за столом, «на миру» (на сходке), на свадьбе и т. д., если речь идет об этикете, или в ситуациях раздела наследства, решения имущественных споров и т. д., если речь идет об обычном праве.

Нормы ведения хозяйства к соционормативным практикам, как правило, не причисляются. Считается, что при принятии хозяйственных решений человек руководствуется представлениями о личной выгоде, экономической целесообразности и т. д., но не общепринятыми формами поведения в той или иной ситуации. Возникает вопрос: регулируется ли хозяйственная деятельность некими правилами, принятыми в обществе, или же она подвержена влиянию исключительно экономических факторов? Разберем соотношение тех и иных факторов на примере использования сохи в крестьянском хозяйстве и попыток внедрения плужной пахоты. Это новшество начиная со второй половины XVIII в. некоторые прогрессивные помещики старались распространить среди своих крестьян, чему те активно сопротивлялись.

В крестьяноведческой литературе это нежелание объяснялось косностью крестьянского быта, общинной ментальностью, противостоящей всем нововведениям. Типичный пример такого отношения мы находим в описании крестьян села Кошелева Тверского уезда Тверской губернии священника Н. Лебедева, опубликованном в первом «Этнографическом сборнике». Автор пишет: «Сверх домашних и, так сказать, необходимых работ, только некоторые из них занимаются посторонними работами: большая же часть проводят свободное от полевых работ время в бездействии. Ленивые, под разными предлогами, находят всякую работу невыгодною; „из-за чего тут ломаться”, говорят они; а кто ломается, тот и обогащается»¹.

¹ Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сб., издаваемый Имп. Русским географическим о-вом. Вып. 1. СПб., 1853. С. 175.

Из этого высказывания, а также из подобных высказываний других помещиков, священников и государственных деятелей о крестьянах, часто встречающихся на страницах работ по аграрному вопросу, можно заключить, что крестьянин боялся любых нововведений — от новых орудий (плугов, веялок, конных граблей) до новых видов деятельности (разнообразных отхожих промыслов или введения травосеяния). Причем, с позиции сторонников такого подхода, неважно было, в чем непосредственно заключалось нововведение, важно было то, что крестьянин испытывал почти мистический страх перед любой попыткой изменить привычный ему уклад жизни.

Однако более детальный анализ вскрывает иные механизмы противодействия введению плужной пахоты. В материалах земской статистики по Зубцовскому уезду Тверской губернии крестьяне объясняли невозможность использования плуга в их хозяйстве причинами, не имеющими ничего общего с метафизическим страхом перед всем новым. Например: «на гористых местах дождь чересчур размывает глубокие борозды, делаемые плугом». Или: «на каменистой почве жаль изломать плуг, дорого стоящий сравнительно с сохой»; «при плужной пахоте выворачивается неплодородная подпочва»; «плуг слишком ровно укладывает пашню и ее плохо боронить»². Мы видим, что крестьянские объяснения связаны с совершенно определенными недостатками плуга. Никакого принципиального неприятия нововведений в них нет.

Те же крестьяне указывали случаи, когда использование плуга было предпочтительным. Например, «в деревне Михеево Белогуrowsкой вол. сохами пахать трудно, часто ломаются; кроме того, в плуг запрягают пару коней, а в соху пары не запряжешь, один иногда не вывезет». В целом по уезду действовало такое объяснение использования плуга: «плуги стали заводить, как льны в ход пошли»³. Здесь опять-таки нет никакого предубеждения перед плужной пахотой, наоборот.

Завершая разговор о попытках введения плужной пахоты, хотелось бы отметить, что крестьяне часто не использовали плуг именно по причине дороговизны эксплуатации этого орудия. Крестьянское хозяйство не могло позволить себе покупку и эксплуатацию плуга, в то же время высокое качество обработки земли плугом крестьяне хорошо знали. Поэтому в крестьянских хозяйствах была распространена практика одалживания плугов у помещиков и жителей «образцовых сельскохозяйственных коммун», которые организовывались приезжавшими в деревню толстовцами в начале XX в.⁴. В этом случае крестья-

² Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Отдел хозяйственной статистики. С. 156.

³ Там же.

⁴ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872—1887 гг. М., 1999. С. 385; Мазурин Б. В. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян толстовцев. 1910—1930-е годы. М., 1989. С. 101.

нин мог использовать плуг для обработки земли, но не нес обременительных затрат на содержание большого количества лошадей и починку плуга.

Итак, предубеждения у крестьян по отношению к введению плужной пашни не существовало, при этом многие хозяева наотрез отказывались использовать плуг в собственном хозяйстве. Наиболее общие причины этого явления раскрывает ярославский корреспондент ИВЭО Е. Ладыженский. Он писал в середине XIX в., что часто соха не заменяется плугом, поскольку «делается и чинится самостоятельно» почти каждым крестьянином, в то время как «починка железного плуга оборачивается дальним и дорогостоящим путешествием». Кроме того, лошадь после зимних кормов не может тащить тяжелый плуг одна⁵. Дополнительным аргументом против использования плугов во второй половине XIX в. в России можно назвать их низкое качество. Эту мысль высказывает дворянин и исследователь народного хозяйства А. П. Мертваго, наблюдавший за использованием новой техники в хозяйстве А. Н. Энгельгардта: «Поломки в плугах происходили чуть не ежедневно, за ними следовала починка у местного кузнеца, после которой плуги становились еще менее годны»⁶.

Данный пример показывает, что переход к плужной пахоте требовал коренной перестройки всего крестьянского хозяйства. В нем должно было иметься не менее двух лошадей, поскольку тащить такое тяжелое орудие, как плуг, могла только пара животных. А по данным статистики, к 1917 г. более одной лошадью располагали только 23,6% хозяйств (в т. ч. 17,6% — всего двумя)⁷. И одного увеличения поголовья лошадей в хозяйствах было мало для решения проблемы: использование плуга требовало хорошего корма. Для этого крестьянин должен был вводить у себя в хозяйстве травосеяние. Кроме того, требовалось расширение самой запашки, поскольку применять плуг на небольшом крестьянском наделе, разбросанном на общинной земле в 10—15 местах, было почти невозможно⁸.

Таким образом, можно утверждать, что противодействие крестьян нововведениям не было связано с особой «ментальностью» или косно-

⁵ Ладыженский Е. С. О некоторых выгодах русской сохи // ТРИВЭО. 1855. Т. 4. С. 473.

⁶ Мертваго А. П. Не по торному пути. Сельскохозяйственные воспоминания (1879—1893). СПб.: Хозяин, 1896. С. 209.

⁷ Литопенко А. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 106.

⁸ В. Орлов, выполнявший статистическое обследование Московской губернии, пишет, что ему «приходилось слышать от некоторых многосемейных крестьян, что им приходится владеть 60 полосами в разных местах». См.: Сб. статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. В. Орлов. М., 1877. С. 36.

стью и ленью. По всей видимости, существовали определенные нормы и правила ведения хозяйства. И нам необходимо ответить на вопрос, в чем же заключалась функция этих нормативов.

Попытаемся сравнить нормы ведения хозяйства и этноэтикетные нормы. Если последние позволяли координировать общение людей, делали их действия, слова и поступки понятными друг для друга, то нормы ведения хозяйства также позволяют координировать человеческую деятельность, организовывать и направлять ее. Во-первых, в условиях многопрофильности крестьянского хозяйства следует нормировать различные виды хозяйственной деятельности, регулировать ситуации, в которых занятие одними работами может привести к убыткам в других. Например, регулировать соотношение трудозатрат крестьянина в сельском хозяйстве и на отхожих промыслах. Во-вторых, необходимо координировать деятельность различных хозяйств, поскольку некоторые виды деятельности (вывозка навоза, вырубка леса на новом участке под пашню) были возможны при объединении нескольких дворов. В-третьих, необходимо временное координирование различных видов деятельности. В-четвертых, максимально эффективная организация труда отдельных членов хозяйства разного пола и возраста.

Поведенческие нормативы существовали в крестьянской культуре не в виде памяти о конкретных неудачных попытках введения тех или иных новшеств, а в виде аксиом — утверждений, не требующих доказательства: «так исстари заведено», «так деда и прадеды делали». Краткость формулировок и приверженность нормативам не свидетельствуют о догматичности мышления русского крестьянина, а скорее отражают его ценностную систему. Для запоминания важной информации представители многих традиционных обществ пользовались ссылкой на авторитет предков, а не перечислением ряда эффективных вариантов, которое создает возможность выбора, порой иллюзорную. Именно такой способ аргументации характерен для современной культуры. Устойчивые же формулировки нормативов в крестьянской культуре обеспечивали более легкое запоминание и компактное хранение в народной памяти необходимой информации.

Важно отметить, что правила охватывали не только сферу традиционного (дореформенного, трехпольного) сельского хозяйства (пахота сохой, посев ржи или пшеницы), но и новые формы хозяйствования — использование плуга, введение льносеяния и т. д. Вспомним правило крестьян Зубцовского уезда: «плуги стали заводить, как льны в ход пошли»⁹. Таким образом, нормативные практики представляют собой не отжившую архаику, а функционирующую, постоянно обновляющуюся реальность.

⁹ Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Отдел хозяйственной статистики. С. 156.

Изучение этой реальности может дать ответы на ряд вопросов, с которыми сталкиваются исследователи крестьянства. Например, для чего в земледельческом календаре существуют приметы, не отражающие наиболее благоприятные сроки посева (так называемые календарные приметы)? Или почему крестьяне твердо противились введению новых сортов пшеницы, но при этом легко стали вводить у себя хозяйствах травосеяние?

1. 2. Литература и основные источники для изучения традиционного хозяйства русских крестьян

Любое описание культуры, этнографических особенностей традиций, быта, хозяйственных занятий и трудовых традиций русского крестьянства, как правило, получает ярко выраженную идеологическую окраску. Сторонники единых для Европы и России принципов хозяйствования (условно — «западники») видят в национальных экономических традициях «убогое равенство», «искорененную крепостным правом предприимчивость» и все те же «косность и тупость» крестьян. Сторонники противоположных взглядов, считающих экологические и исторические условия, в которых сформировалось русское крестьянское хозяйство, уникальными (условно — «почвенники»), видят в русских хозяйственных традициях производную особого социального устройства — общинности¹⁰.

Можно условно выделить четыре этапа изучения соционорматики крестьянского хозяйства. Первый этап связан с накоплением эмпирических знаний. Его хронологические рамки — примерно 1765—1880-х гг. — от появления Императорского Вольного экономического общества и до проведения массовых статистических исследований земствами. Второй этап связан с появлением земской статистики и развитием на основании полученных данных двух школ изучения крестьянского хозяйства: «московской», под руководством А. В. Чаянова и «харьковской», под руководством А. Н. Литошенко. Он охватывает примерно 1880—1930 гг. В советское время специальных исследований крестьянских традиций и особенностей организации крестьянского хозяйства не проводилось. Вместе с тем в публикациях историков, в первую очередь, изучавших феодальную формацию, содержалось немало упоминаний о нормах ведения сельского хозяйства. Третий этап связан с возрождением представления о наличии уникальных особенностей российского крестьянского хозяйства во второй половине 1980-х — 2000-х гг. Для него характерна попытка адаптировать к российской истории и культуре понятия ментальности,

¹⁰ Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002. С. 97.

появление работ по изучению «православных традиций хозяйствования», а также фундаментального труда Л. В. Милова «Великорусский пахарь», в котором на основании обширных архивных данных повторно доказывается обусловленность хозяйства русской деревни климатическими данными.

Для первого этапа характерны два типа работ. Во-первых, наблюдения отдельных помещиков, в которых скрупулезно описываются отдельные черты хозяйства, отрасли садоводства, промыслы, хозяйственные машины или другие приспособления, используемые в крестьянском хозяйстве¹¹. Иногда в них встречаются описания собственных результатов проверки примет и т. д.¹²

Во-вторых, сочинения авторов — сторонников распространенной в начале XIX в. точки зрения, что организация хозяйства определяется не объективными экономическими законами или крестьянскими традициями, а психологией крестьян, прилежностью в работе. Поскольку психологическое учение в то время еще только-только начинало формироваться, а психологическая компетентность авторов этих трудов весьма относительна, то описания хозяйственных традиций в них выглядят для современного читателя несколько комично. Скажем, помещик Бабарыкин из Нижегородской губернии дает такую характеристику местным жителям: «члены их также пропорциональны, кроме необыкновеннейшего развития плечных мышц, отчего многие из них переносят на себе кули соли в 12 пудов; темперамента они флегматического; занимаются преимущественно пилой досок и т. п.; но нередко попадаются меж ними люди с замечательными механическими способностями, а потому много из них мельников и маслобойников»¹³. Автор считает возможным подтверждать особенности психологического склада хозяйственными занятиями: флегматики, потому что занимаются распиловкой досок. Или наоборот, обосновывает выбор профессиональных занятий психологической предраспо-

¹¹ Напр.: Захаров А. О кортоме, или найме земель, в отношении чересполосности // Земледельческая газ. 1839. № 32; Карнович Е. С. Об обширных запашках // Журн. М-ва гос. имуществ. 1845. Ч. 16. № 5. Земледельческая хроника; Скворцов А. С. О возделывании ржи // Московские губ. ведомости. 1853. № 23; Ханенко. О конопляниках // Земледельческая газ. 1853. № 23; Целинский. Удобрение золою // Там же. 1855. № 96. Фалевич. О возможности возратить истощенным папням их натуральное плодородие // Эконом. зап. 1860. № 7, и мн. др.

¹² Курнатов Н. Зима, начало весны и простонародные приметы об урожаях // Земледельческая газ. 1846. № 34; Епанчин. Крестьянское замечание узнавать по состоянию малины, в какое лето сеять старой рожью, в какое — новою // Там же. 1847. № 64; Архангельский С. О приметах над явлениями природы, с которыми соотнобщаются при полевых работах крестьяне южной полосы Ковровского уезда // Сел. хозво. 1861. № 8, и др.

¹³ Бабарыкин В. Сельцо Васильевское Нижегородского уезда Нижегородской губернии // Этногр. сб. Вып. 1. СПб., 1853. С. 7—8.

ложенностью: обладают механическими способностями, поэтому становятся мельниками и маслобоями. В этнографических описаниях середины XIX в. можно найти множество подобных примеров.

Для второго периода характерны как эмпирические работы, опубликованные в виде сборников статистических сведений по различным губерниям России, так и теоретические исследовательские сочинения ученых-аграрников.

Следует сказать несколько слов в защиту материалов земской статистики. В. И. Ленин в статье «К вопросу о задачах земской статистики» дал двоякую оценку материалам, собранным земствами. С одной стороны, он критиковал издателей материалов за то, что по таблицам невозможно было проследить динамику развития хозяйства и выделить в деревне более богатых дворов, за усредненные данные по общине в целом. С другой стороны, он высоко оценил качество методики анкетирования. Он писал: «крестьянское хозяйство было изучено, при выполнении этой программы, превосходно — несравненно лучше, чем при западноевропейских переписях»¹⁴.

Обыкновенно при упоминании данных земской статистики вспоминают лишь первую часть оценки. А между тем в «Сборниках статистических сведений» по различным губерниям, помимо таблиц, опубликованы такие материалы, как формы разверстки (до семи различных вариантов по отдельным уездам); чередование различных культур в том виде, в каком оно существовало, а не в виде сведения к двуполью или трехполью; конкретные случаи решения спорных вопросов при пользовании землей и т. д. Эти материалы делают данные земской статистики особенно ценным источником для исследования соционормативной культуры русского крестьянства.

Наиболее важные исследовательские достижения этого периода — труды московской и харьковской школ ученых-аграрников, о которых следует рассказать более подробно.

Представители «харьковской» школы уделяли традициям организации хозяйства меньше внимания — их больше занимали политические инструменты регулирования землепользования. К этой школе, получившей свое название по месту издания основного ее печатного органа — харьковского «Агрономического журнала», принадлежат А. П. Сокальский, К. А. Мацеевич, А. Н. Литошенко, Б. Д. Бруцкус и ряд других ученых. Они не занимались изучением особенностей русского крестьянского хозяйства — оно было для них лишь этапом — причем не самым важным и продолжительным — в эволюции земледельческих хозяйств. Они считали, что в будущем сельское хозяйство России должно развиваться по фермерскому пути, и призывали держать курс на «чистую Америку».

¹⁴ Ленин В. И. К вопросу о задачах земской статистики // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. М., 1967. Т. 24. С. 276.

Для фермерского же, или, как называл его А. Н. Литошенко, «вольного», хозяйства жесткими рамками не могут быть ни «естественное плодородие», ни «расстояние от рынка», ни «местные хозяйственные традиции» [курсив мой. — А. Т.]. «Перед сельским хозяином открывается широкая возможность выбора различных организационных схем. Успех или неуспех предприятия зависит от организационных талантов хозяина, от его умения найти наивыгоднейшее сочетание имеющихся в его распоряжении элементов производства между собой и по отношению к вечно колеблющимся условиям рынка и атмосферы»¹⁵.

Основной причиной плохого положения крестьян в России он считал аграрное перенаселение центральных губерний. В течение XIX в. земельная обеспеченность крестьянства резко снизилась из-за быстрого роста населения. Если в 1861 г. средний надел составлял 4,8 десятин, то к 1900 г. эта площадь уменьшилась вдвое. «В конце концов, Россия превращалась не только в страну мелкого хозяйства, но в ней пускало прочные корни и хозяйство мельчайшее, парцеллярное, не способное доставить своему владельцу самых необходимых средств к существованию», — писал ученый в начале XX в. Он приводил сравнительную статистику по обеспеченности земель в разных европейских странах и регионах России. По его данным, количество пахотных земель в Центрально-промышленных губерниях равнялось 40 десятинам на 100 душ населения, что сопоставимо с количеством пахотной земли в Нидерландах (39 десятин). А в самых «земельно-достаточных» Прибалтике и Новороссии количество пахотных земель было сопоставимо с Данией — 122 и 126 десятин соответственно¹⁶.

Работы ученых харьковской школы содержат значительное количество статистических данных, позволяющих судить о распространении тех или иных форм хозяйствования, а также о нормативах поведения.

К московской школе, которую называли также «организационно-производственным направлением», принадлежали А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, А. Н. Челинцев, А. А. Рыбников и ряд других ученых. Они считали, что крестьянин по своим особенностям нацелен не на получение прибыли, а на максимально эффективное использование трудовых ресурсов своей семьи, которую они считали краеугольным камнем крестьянского хозяйства. Исходя из идеи коллективизма крестьянской психологии, сторонники этой школы видели будущее крестьянского хозяйства в развитии кооперации¹⁷.

Теорию «московской школы», если не вдаваться в ее детальный анализ, можно свести к нескольким постулатам. 1) Основой крестьян-

¹⁵ Литошенко А. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 81—82.

¹⁶ Там же. С. 105, 108.

¹⁷ См. подробнее: Никонов А. А. Наследие А. В. Чаянова // Чаянов А. В. Избр. тр. М., 1993; Данилов В. П. Русская революция в судьбе А. В. Чаянова // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М., 1996.

ского хозяйства является семья. Именно демография семьи, или соотношение «работников» и «едоков», по терминологии А. В. Чаянова, определяли хозяйственную стратегию семьи. 2) Крестьянское хозяйство является комплексным, включая в себя не только земледелие, но и скотоводство, различные надомные промыслы, а также многочисленные формы отхожих промыслов, от наиболее традиционного для жителей деревни ямского (извоза) до работы на городских предприятиях. Все формы хозяйственной деятельности крестьянской семьи являются взаимосвязанными. Невозможно понять закономерности функционирования этого хозяйства, изучая только одну из сфер его деятельности, например, только земледелие. 3) Крестьянин, принимая хозяйственные решения, выступает одновременно в роли хозяина земледельческого предприятия, с одной стороны, и рабочего, желающего максимально приложить свою рабочую силу — с другой. Таким образом, интересы крестьянина-рабочего часто могут входить в конфликт с интересами крестьянина-предпринимателя. 4) Трудозатраты в крестьянском хозяйстве распределяются неравномерно на протяжении годового цикла. Вследствие этого в определенные периоды (жатва, покос) крестьянское хозяйство сталкивается с недостатком рабочей силы, в другие (посев, пахота) сил достаточно, а в зимний период — крестьянское хозяйство сталкивается с невозможностью полностью использовать своих работников. Все эти черты создают экономическое своеобразие крестьянского хозяйства.

На основании статистических данных А. В. Чаянов и его единомышленники выявили особые закономерности функционирования крестьянского хозяйства: зависимость размера дохода хозяйства от количества членов семьи, временные колебания дохода семьи в зависимости от ее возраста, взаимосвязь интенсивности хозяйства и размера семьи и др.¹⁸

Многие исследователи «московской школы» были осуждены по делу «Трудовой крестьянской партии», а их труды были забыты. В 1990-е гг. они были повторно изданы и во многом заново открыты научным сообществом.

Из литературы третьего периода наиболее важной работой является монография академика А. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса»¹⁹. Одной из несомненных заслуг ученого является возрождение подхода к изучению крестьянского хозяйства, опирающегося на учет влияния климата на него.

Влияние природно-климатического фактора на хозяйство обязательно рассматривается этнологами при описании традиционных обществ, однако для русского крестьянского хозяйства потребовалось

¹⁸ Чаянов А. В. Избр. тр. М., 1993. С. 48—49.

¹⁹ Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

доказывать эту взаимосвязь специально. Исследователь начинает свою книгу с объяснения некорректности простого сравнения климатических условий России со странами, лежащими на той же широте. В Северной Европе и Америке идет «постепенное охлаждение континента», здесь «не бывает длительных похолоданий или жары». А «зимы в Канаде, хотя и суровы, и температурный минимум может достигать - 45 градусов, но морозы нестойки...» грунт земли промерзает не так сильно и обильны осадки в виде снега²⁰.

Основные характеристики российского климата — его непредсказуемость, сильная изменчивость и непродолжительность лета. «Для подмосковной зимы характерны резкие перепады погоды. А в декабре могут быть значительные потепления. <...> Лето в Подмосковье начинается с середины июня, точнее, со второй декады, и завершается в середине сентября. Весьма часто оно холодное и дождливое. Длительные периоды обложной облачности ведут к тому, что все растет медленно». Осенью «быстро растет влияние арктического воздуха. Это вызывает ранние ночные заморозки»²¹. Таким образом, особенности русского крестьянского хозяйства во многом определяются отсутствием нужного количества времени для осуществления сельскохозяйственных работ, а также непредсказуемостью погоды.

Влияние климатического фактора на отечественное сельское хозяйство, по Л. В. Милову, проявляется в возникновении особых патерналистских отношений между богатыми земледельцами (в первую очередь дворянами, а позже крестьянами-капиталистами) и рядовыми общинниками. Именно эта неразрывная связь и взаимозависимость богатых землевладельцев и рядовых крестьян определяет особый вектор развития русской государственности.

В 1990-е гг. возникло также направление, изучающее хозяйство русских крестьян как своеобразную систему, регулирующую православными традициями и обычаями. Сторонники этого подхода считают, что религиозные ценности укоренены в крестьянском сознании намного глубже ценностей свободного предпринимательства и рыночной экономики. В их работах предложены объяснения ряда специфических феноменов жизни русской деревни, например, «тайной милостыни», «православного трудничества», трудящихся отшельниц «черничек», «эгалитарной этики», экономического смысла «прощенного воскресения» и др. В них как правило изучаются явления конца XIX — начала XX в.²²

²⁰ Милов Л. В. Указ. соч. С. 8.

²¹ Там же. С. 9.

²² См. подробнее: Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях // *Вопр. экономики*. 1993. № 8; Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // *Вопр. экономики*. 1993. № 8; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения, М., 1995; Тульцева Л. А.

Следует возразить, что хозяйственная деятельность крестьян испытывает влияние не только православных норм, но и ряда других, которые не могут быть сведены к православию. Данное исследование является попыткой восполнить этот пробел.

1. 3. Основные проблемы изучения традиционного хозяйства русских крестьян

Крестьянская культура производства конца XIX — начала XX в., то есть во время, которое представляется отправной точкой в настоящем исследовании, представляла собой весьма эклектичный комплекс предметов и явлений. Например, в число используемых орудий труда, наряду с бороной-суковаткой и обыкновенной крестьянской сохой, входили новые шведские плуги. Точно также в социальной сфере сосуществовали община, сохранявшая позиции в значительной части селений, артельные папши, земледельческие товарищества и индивидуальные капиталистические хозяйства (на отрубях и хуторах или подмосковных огородах).

Как уже говорилось, соционормативные практики в хозяйстве можно свести к четырем блокам: 1) взаиморегуляция различных отраслей хозяйства (скотоводства и земледелия, отхода и сельского хозяйства и т. д.); 2) нормы регуляции коллективных работ; 3) нормы временной организации хозяйства и 4) нормы распределения работ между половозрастными группами.

Взаиморегуляция основных отраслей крестьянского хозяйства. Перед тем как непосредственно перейти к описанию норм, регулирующих соотношения различных отраслей крестьянского хозяйства, следует сделать существенную оговорку. В отечественной этнографической литературе, в первую очередь в работах второй половины XIX и начала XX в., исходной точкой рассуждений служит тезис о преимущественно земледельческом характере крестьянского хозяйства. Это утверждение не совсем верно, в особенности применительно к реалиям начала XX в.

А. В. Чаянов, давая определение хозяйственной деятельности крестьян в 1920-х гг., писал следующее: «Под термином „объем хозяйственной деятельности” в данном случае <...> мы будем подразумевать *все виды хозяйственной деятельности семьи* [курсив мой. — А. Т.] как в земледелии, так равно и в промыслах во всей их совокупности. Всякий иной подход к хозяйственной деятельности семьи будет

Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках. М.: Наука, 2002; Кузнецов С. В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских XIX — начало XX в. М., 2008.

ошибочным, так как основной проблемой трудового хозяйства является правильная и совокупная организация своей годовой работы, стимулируемой единой потребностью семьи в покрытии своего годового бюджета»²³.

Оставляя за рамками исследования комплексный характер хозяйства, ученый сталкивается с необъяснимыми фактами. Например, как объяснить целесообразность занятия земледелием при условии, что его продукции хватает не более чем на четверть года? По данным опросов, проводившихся во время историко-бытовых экспедиций ГИМ в 1950-е гг., крестьянам Московской губернии зерна хватало до Покрова (15 октября), а реже до Рождества (7 января). Если рассматривать крестьянское хозяйство как исключительно земледельческое, мы окажемся перед неразрешимой проблемой: как же крестьянам удавалось прожить основную часть года? При учете отхожих промыслов решение этой проблемы становится очевидным.

Изучая комплексный характер хозяйства, следует иметь в виду, что реальное значение отраслей крестьянского хозяйства и крестьянское представление об этом сильно разнятся. Так, крестьяне села Тропарево Можайского уезда говорили, что «скотоводство — это необходимое зло»²⁴. А крестьяне Московского уезда считали, что скотоводство необходимо лишь для того, чтобы давать удобрения под хлеб. Ведь «нет удобрения — нет и хлеба»²⁵. Совершенно противоположной точки зрения придерживаются земские статистики и ученые-агрономы, изучающие сельское хозяйство. В. Орлов, описывавший имения крупных землевладельцев в 80-е гг. XIX в., приходит к такому выводу: «Общая черта сходства всех описанных выше имений состоит в том, что хозяйство их из чисто зернового постепенно переходит в скотоводческое»²⁶.

Аналогичными примерами можно проиллюстрировать и соотношение сельского хозяйства и отхожих промыслов. Например, этнограф Е. С. Радченко, автор монографического описания села Бужарово Воскресенского района Московского округа, пишет: «Для уяснения роли сельского хозяйства в жизни бужаровского населения укажем прежде всего то, что семей не ведущих такового — нет совсем; хозяйства, имеющие сельское хозяйство единственным источником

²³ Чаянов А. В. Избр. тр. М., 1993. С. 41—42.

²⁴ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Хозяйство частных землевладельцев Московской губернии. Ч. 3. Описание отдельных имений / Сост. К. Вернер. М., 1883. С. 38.

²⁵ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. В. Орлов. М., 1877. С. 93.

²⁶ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Хозяйство частных землевладельцев Московской губернии. Ч. 3. Описание отдельных имений / Сост. К. Вернер. М., 1883. С. 171.

существования, составляют 32%, остальные хотя и имеют внеземледельческий заработок, но основным источником существования считают (разрядка моя. — А. Т.) сельское хозяйство. Подчеркиваю „считают”, потому что этим выражается не столько объективное положение вещей, сколько субъективная оценка»²⁷.

Таким образом, при выяснении соотношения различных отраслей хозяйства следует ориентироваться как на фольклорные данные, так и на реально практикуемые поведенческие модели. В значительном числе случаев декларируемые нормы и практикуемые модели совпадают.

По сведениям А. Н. Пушкарева, изучавшего пословицы и поговорки, из всех видов работ наиболее престижным крестьяне считали земледельческий труд. Вот типичные примеры: «Ловцы рыбные — люди гиблые», «Красная нужда — дворянская служба», «Кто орет — тот поет, кто служит — тот тужит», «Дёхтем торговать — дёхтем и вонять»²⁸. В сказках братья, которые выбирают торговлю или воровство, остаются ни с чем, а младший труженик добывается в жизни счастья²⁹. Подобные убеждения встречаются и в записях этнографов XIX в.: «Крестьяне по природе вселены иметь прямое занятие земледелием»³⁰.

Фольклорные максимы подтверждаются статистическими данными. Наиболее известная в крестьяноведческой литературе закономерность — обратная зависимость цен на рабочую силу от урожайности хлеба. А. Н. Энгельгардт в девятом письме «Из деревни» формулирует это правило так: «хлеб дорог — мужик дешев»³¹. Это наблюдение нашло подтверждение статистически в исследованиях известных ученых-аграрников начала XX в.³² Эта зависимость существовала даже в Московской губернии в начале XX в. Исследователь-агроном Н. Ф. Анненский приходит к такому выводу: «Во всех случаях оказывается, что при повышении урожаев повышаются и рабочие платы»³³. Крестьянин предпочитал с возрастающими усилиями и нуждой кормиться с меньшей площади, чем идти на фабрику или переселяться в неизведанные страны.

²⁷ Радченко Е. С. «Село Бужарово», Воскресенского района, Московского округа. (Монографическое описание деревни). М., 1930. С. 19.

²⁸ Пушкарев А. Н. Русские народные пословицы в записях XVII века // Вопр. истории. 1974. № 1. С. 45.

²⁹ Пушкарев А. Н. Труд, как основа социальных взглядов в традиционной волшебной сказке // Тр. Ин-та этнографии. Н. С. Т. 20. 1953. С. 138.

³⁰ Цит. по: Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975. С. 157.

³¹ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 347.

³² Литтошенко Л. Н. Указ. соч. С. 119; Чаянов А. В. Избр. тр. М., 1993. С. 89—90.

³³ Анненский Н. Ф. Цена на земледельческий труд в связи с урожаями и хлебными ценами // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны российского сельского хозяйства. СПб., 1897. С. 521.

Другая норма функционирования крестьянского хозяйства — минимизация затрат в невыгодной в определенное время отрасли хозяйственной деятельности. Так, один из аграрников «московской школы», А. Н. Челинцев, вывел следующую закономерность: цена на мясо обратно пропорциональна своей себестоимости. В годы высоких урожаев кормовых растений крестьяне запускали на зиму очень большое количество скота, из-за чего количество молодняка, продаваемого на убой, резко падало. Это влекло за собой повышение рыночных цен на мясо. В годы же бескормицы и дорогого сена крестьяне, не имевшие возможности прокормить свой скот, стремились сбыть его по любым ценам. В результате цена на мясо иногда падала ниже цен на хлеб, что случилось, например, в ряде районов России во время голода 1921 г.³⁴

Закономерности взаиморегуляции различных сфер крестьянского хозяйства требуют дополнительного исследования. Изучение этой стороны хозяйственной деятельности крестьян может разрешить многие «трудные вопросы» крестьяноведения.

Нормы, регулирующие коллективные работы. Регуляцией коллективных работ — как созданием рабочего коллектива, так и распределением работ в группе — в деревне занималась община. В России начала XX в. — стране, выпускавшей самолеты и автомобили, стране, где железные дороги давно перестали вызывать удивление, община, по мнению многих, выглядела анахронизмом. Почему же она все еще существовала, и какие функции выполняла?

Прежде всего, следует отметить, что уже в конце XIX в. община как производственный коллектив потеряла всякое значение. Некоторое время после реформ крестьяне обрабатывали землевладельческие поля коллективно, по их выражению «огульно», но очень скоро наем на работы стал производиться исключительно артелями. В этом случае после заключения сделки крестьяне делили работу между собой³⁵. В статистическом обследовании крестьянских хозяйств Московской губернии отмечается, что «каждый отдельный домохозяин, имеющий земельный надел, пользуется им самостоятельно и отдельно от других домохозяев. Общей обработки земли, общего скота, общих земледельческих орудий, общих семян, общей жатвы и т. п. не встречается в Московской губернии»³⁶.

Основными функциями общины на рубеже XIX—XX вв. были посредническая деятельность между рядовыми общинниками и госу-

³⁴ Чайнов А. В. Избр. тр. М., 1993. С. 218.

³⁵ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 167.

³⁶ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 4. Крестьянское хозяйство. Формы крестьянского землевладения в Московской губернии / Сост. В. Орлов. М., 1879. С. 266.

дарством и коллективная помощь временно нетяглоспособным крестьянам. Такое разделение отчасти условно, поскольку посредничество между государством и рядовыми общинниками состояло, в частности, в том, что община осуществляла раскладку повинностей на своих членов. В этом случае помощь нетяглоспособным общинникам была закономерным продолжением раскладки повинностей, т. к. община обеспечивала свою экономическую устойчивость на будущее, не давая разориться пострадавшим вследствие различных чрезвычайных ситуаций крестьянам. Однако в крестьянской культуре между этими двумя видами деятельности проводилось различие, поэтому я разберу их как отдельные виды деятельности.

Широко распространено мнение, что основная задача крестьянской общины — осуществление земельных переделов. Это не совсем так. Во-первых, во многих регионах России, где имелся избыток свободных земель, переделы не проводились совсем. Каждый хозяин обладал так называемым трудовым правом на землю. В таких регионах любой крестьянин мог выехать на пустующие земли и обработать их, это называлось выезд «вольной сохой». Обработанная земля, поскольку в нее был вложен труд крестьянина, считалась принадлежащей ему. Пока крестьянин обрабатывал участок, его права владения не подлежали сомнению. Если участок не обрабатывался несколько лет подряд, он вновь переходил в категорию пустующих земель.

Во-вторых, община занималась не столько перераспределением земли, то есть земельной разверсткой, сколько раскладкой государственных повинностей — тягла. Но в условиях аграрного перенаселения и острой нехватки земли, вместе с повинностями, которыми облагалось то или иное хозяйство, ему выделялось и соответствующее количество земли из общинных владений. Для иностранцев, равно как и для русских людей с европейским образованием, перераспределение земли — было наиболее наглядным нарушением принципа частной собственности. Именно поэтому земельные переделы оказались в центре внимания многочисленных исследователей общины.

Существовало множество различных способов земельной разверстки, среди которых можно выделить три основных. Первый — по ревизским душам, когда каждое хозяйство получало надел пропорционально числу душ, зафиксированных в нем во время последней ревизии. «Ревизской душой» назывался любой человек мужского пола, от младенца до ветхого старика. Разверстка по ревизским душам была распространена среди государственных крестьян. Они имели значительные земельные угодья — как пахотные так и неземледельческого назначения. Переделы при подушной, или ревизской, разверстке проводились примерно раз в 25—30 лет, сразу после очередной ревизии.

Второй вид — потяговая разверстка, вариант, при котором основанием для выделения земли хозяйству служили наличные трудовые силы. Существовала целая система оценки трудовых сил

человека, разнившаяся от деревни к деревне. При условии, что взрослый женившийся человек брал тягло в две души, градация могла выглядеть следующим образом: с 18 лет за человеком разверстывали тягло в одну душу; по достижении 22 лет, когда выяснялся вопрос об отношении к воинской повинности, — в две; за тем, о ком наверное было известно, что его в солдаты не возьмут, и раньше разверстывали тягло в две души, если речь шла о женатом человеке. Рамками рабочего возраста обыкновенно служили 18 и 60 лет. Но от этой нормы существовало много отступлений, и только в немногих случаях от земли разрешалось отказываться старику по достижении 55 лет. Этот тип разверстки (в различных вариантах) был наиболее широко распространен в европейской России.

Третий вид земельной разверстки — по едокам, то есть количеству людей, которых надо прокормить. Это самый демократичный вид разверстки, и именно он применялся в крестьянских хозяйствах в 1920-х гг., когда государство почти не вмешивалось в поземельные отношения деревни. Однако до 1917 г. он был мало распространен.

Существовало множество переходных видов разверстки. Так, в некоторых деревнях земля после ревизского обследования распределялась по душам, но каждые 3—4 года осуществлялась т. н. свалканавалка. Если люди, посчитанные во время ревизии, умирали, то землю с хозяйства снимали — «сваливали». Тем же хозяйствам, где рождались мальчики, землю прибавляли — «наваливали». В других случаях применялась разверстка по хозяйственной силе, при которой учитывались не только трудовые ресурсы хозяйства (работники), но и умение хозяев вести дела, а также доходы, получаемые от отхожих промыслов. В очень редких случаях тягло разверстывали на все дворы поровну.

В Калязинском уезде Тверской губернии распространение типов разверстки было следующим. «Наиболее распространенной разверсткой являлась разверстка по работникам (36,3%), за нею ревизская (28,0%), переходная от ревизской (19,9%) и по силе (13,1%); остальные типы разверстки распространены мало»³⁷.

После коллективизации переделы земли прекратились, но уравнивательные принципы сохранились при начислении трудодней, которые работнику необходимо было отработать в течение года. Например, экспедицией кафедры этнологии МГУ 2006 г. в Архангельскую область было установлено, что в деревне Кеврола (Пинежский район) норма трудодней зависела от возраста работника: детская норма составляла 200 трудодней в год, взрослая — 300³⁸. Так же начислялись трудодни в

³⁷ Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. 5. Калязинский уезд. Тверь, 1890. С. 76.

³⁸ Арахангельская этнографическая экспедиция (далее — АЭЭ) 2006 г. Информатор Черемный. В 2006 г. АЭЭ кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова работала в Пинежском районе Архангельской области.

деревне Шотовой того же района. Норма зависела от размера семьи: на большую семью накладывался больший налог, на маленькую — меньший. Семье, где погиб сын, устанавливали льготную норму³⁹.

Обязательной нормы трудодней не существовало для вдов, для семей, где было больше пяти детей и для хозяйств, пришедших в расстройство вследствие пожара⁴⁰. Последний повод предоставления льгот, по всей видимости, не имел широкого распространения. Как отмечают некоторые информаторы, «человек, хозяйство которого пришло в упадок из-за пожара, от выплат не освобождался. Они переносились на следующий год и прибавлялись к новым нормам»⁴¹.

Другой формой нормативов служили способы организации коллективных работ, например, общедеревенского покоса на общинной земле. В этом случае роль общины и общинного приговора сводилась к назначению дня, в который работники от каждого двора или более крупных хозяйственных единиц (осьмаков или вытей) выезжали на общинный луг. Косьба на общинном лугу не предполагала однократного выезда и работы всех членов общины.

После сбора работников осуществлялась жеребьевка. Например, в составной общине, состоявшей из трех деревень с совокупным населением в 540 человек, покос общинных лугов происходил следующим образом: «Сначала общинный покос делится на восемь утр. <...> Каждое утро делится на выти, а каждая вытевая часть разделяется на 15 осьмаков. <...> Каждая осьмачная доля скашивается *вся сразу* [курсив мой. — А. Т.] и затем шабры, входящие в состав осьмака, делят между собою скошенную траву кучами и копнами»⁴².

Нормы временной организации хозяйства. Этот раздел нормативных практик, пожалуй, наиболее изучен и традиционен. Каждый период времени отводился для определенных работ и в сознании крестьянства неразрывно сливался с этими работами. Например, старославянское и украинское название воскресного дня — неделя. То есть период, в который не проводятся работы, день, посвященный Богу. Основными хронологическими отрезками, которые нормативами отводились для определенных видов работ, являются сутки, неделя и год. Наиболее изучена проблема нормативов, связанных с годовым циклом, или крестьянский календарь. Чуть меньше публикаций о нормативах, связанных с определенными днями недели. Наименее изучены нормативы, регулирующие ежедневную деятельность крестьян.

³⁹ АЭЭ-2006. Шульгина, 1937 г. р.

⁴⁰ АЭЭ-2006. Яковлев, 1927 г. р.

⁴¹ АЭЭ-2006. Чуркина, 1927 г. р.

⁴² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 4. Вып. 1. / Сост. В. Орлов. М., 1879. С. 253—254.

На первый взгляд, день делится очень просто. Светлое время суток посвящалось работе, ночь — сну. Также обязательным этапом дня для крестьян во все времена был обеденный сон. Это явление было столь обыденным, что многие этнографы просто не отмечали его в своих записях. Зато описание послеобеденного сна мы находим у многих писателей XIX — начала XX в. Так, И. А. Бунин в рассказе «Кастрюк» пишет: «В полдень деревня вся точно вымерла»⁴³.

Ночью тоже никто не работал. «День на вечер, а работа на завтра», — говорится в крестьянских поговорках. Обычай предписывал не доделывать работу, причем речь идет именно об обычае, потому что он присутствует во многих сказках, отражен в высказывании: «Утро вечера мудренее». Впрочем, на Русском Севере покосом травы часто занимались именно ночью. Не последнюю роль в таком «распорядке суток» играл то, что летние ночи на севере — светлые или «белые ночи». Перенос работы с дневного времени на ночь связан с тем, что лошади легче переносят укусы комаров, чем оводов, которые свирепствуют днем. В центральной России также известны случаи, когда крестьяне работали и по ночам: в страду по ночам возили зерно или молотили в поле при свете костров⁴⁴. Но за исключением отмеченных случаев никакой работой ночью не занимались.

Русские крестьяне также соблюдали очень строгий порядок в еде — выть. На время обеда прекращались все работы, и собиралась вся семья. Как писал писатель-деревенщик В. Белов в книге «Лад и ритм», специально посвященной распорядку крестьянской жизни, «отменить обед или завтрак даже в XX веке было никому не под силу»⁴⁵.

Помимо определенного распорядка работ в течение суток, существовал особый распорядок работ по дням недели. Существовали так называемые «тяжелые» дни — понедельник, среда и пятница, и «легкие дни» — вторник, четверг, суббота. В легкие дни можно было начинать любой вид работы, в тяжелые же ряд работ табуировался. Судя по всему, противопоставление «тяжелые/легкие» дни легче всего раскрыть через другую бинарную дихотомию «мужской/женский».

В русской культуре пятница традиционно посвящена покровительнице женщин — Параскеве-пятнице⁴⁶. В этот день женщинам предписывалось заниматься домашними работами, то есть убирать, готовить еду, заниматься детьми, при этом запрещалось «прядево мыкать да прясть». Такое ограничение, видимо, связано с тем, что прядение было символом женской работы на прибыль, на себя⁴⁷.

⁴³ Бунин И. А. Собр. соч. в 4 т. М., 1988. Т. 1. С. 184.

⁴⁴ Селиванов В. В. Год русского земледельца. // Рус. беседа. 1856. Т. 2. С. 82.

⁴⁵ Белов В. А. Повседневная жизнь Русского Севера. М., 2000. С. 150—151.

⁴⁶ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1903. С. 516—518.

⁴⁷ Селезнев С. С. Этнографические сведения о Рязанской губернии. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губернии,

Налицо противоречие с представлениями о том, что женщина — это хранительница домашнего очага, а св. Параскева, или матушка Параскева, как ее называли крестьяне, покровительствует семье и семейной сплоченности.

Итак, пятница является женским днем, который накладывает отпечаток на характер работы женщин. Однако его «женские» дни не исчерпывались: к пятнице примыкает среда. В. И. Чичеров пишет, что запрет на прядение действовал также и в среду⁴⁸. По косвенным данным к женским дням недели можно прибавить еще и понедельник. Если среда и пятница — традиционные постные дни, то «понедельничали», то есть постились по понедельникам, только женщины-«келейницы».

«Женские» дни недели накладывали отпечаток и на мужской труд. Многие исследователи крестьянского быта отмечали, что в понедельник, среду и пятницу нельзя было начинать пахоту или сев⁴⁹. Кроме того, у крестьян с женщиной ассоциировалась земля (ср. земля рождает). М. М. Громыко приводит интересное высказывание сибирского крестьянина: «Нам бабушка запрещала бить по земле палкой, как только траве быть — не бейте, ребяташки, землю — она, матушка, тепери брюхата»⁵⁰. Видимо, с такого рода воззрениями связан запрет для мужчин «тревожить» — боронить и пахать — землю. Скорее всего, это связано с тем, что «женские», в понимании крестьян, работы, как и многие предметы, связанные с женщиной, в традиционных обществах табуируются для мужчин⁵¹.

Можно предложить также более прагматичное или физиологическое объяснение ограничений работ в понедельник, среду и пятницу. Это — постные дни, а крестьяне хорошо знали: «Ешь картошку — на картошку сработаешь, ешь кашу — на кашу сработаешь». Граборы, которых описал А. Н. Энгельгардт, имели представление о том, что работоспособность резко повышается, если есть «прочную пищу — сало, кашу»⁵². Поэтому в постные дни земледельцы старались не заниматься сложными, ответственными работами.

Самым большим повторяющимся промежутком времени в крестьянской жизни был годовой цикл. Календарь был предметом исследования ученых этнологов и любителей старины еще с начала XIX в.

собранные действительным членом статистического комитета, священником Селезневым, Рязань, 1871. С. 11.

⁴⁸ Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. // Тр. Ин-та этнографии. Н. С. Т. 40. 1957. С. 58.

⁴⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивиной, М., 1991. С. 55.

⁵⁰ Громыко М. М. Указ. соч. С. 136.

⁵¹ Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России XIX — начало XX века. М., 1999. С. 21.

⁵² Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 322.

Однако обширная историография не означает, что поняты все загадки бытовых святцев. Попробуем вкратце ответить на несколько вопросов, которые отражают связь календаря с трудовым земледельческим циклом.

Наиболее важный вопрос: что же регулируют нормативы, связанные с календарем? Как считает большинство исследователей, календарные нормативы отражают наиболее благоприятные, с точки зрения климата, сроки посадки. Эта мысль высказана в работе А. В. Милова «Русский пахарь»: «В основе этих особенностей [различий в сроках посадки сельскохозяйственных культур. — А. Т.] лежит, видимо, качество почвы („теплые“) и микроклимат»⁵³. Однако ряд существенных противоречий не позволяют считать данное объяснение полностью удовлетворительным.

Для иллюстрации принципа действия календарных нормативов обратимся к срокам посадки яровых хлебов. Начнем с одной из самых северных точек наших экспедиционных исследований — д. Вожгора Лешуконского района Архангельской области. На вопрос, когда надо начинать сев, бывший агроном местного совхоза ответила: «ячмень сажают, как сойдет снег, почва просохнет, сразу после вспашки и бороньбы»⁵⁴. Ее слова подтвердила в виде своеобразной агрономической аксиомы одна из старейших жительниц деревни: «Как снег сойдет, у нас земля завсегда готова»⁵⁵. Столь ранний сев в этнографической литературе традиционно объясняется тем, что на Русском Севере лето весьма коротко и сев следует производить сразу после оттаивания земли, чтобы ячмень успел вызреть.

Аналогичный норматив был зафиксирован и в Никольском районе Вологодской области, расположенном на 600 км южнее Лешуконий. Причем, ранние сроки посадки необходимы для всех растений без исключения: «А картошка тоже до Николы всегда высевается и высаживается. Все овощи на Никольской неделе». Тезис «чем раньше, тем лучше» распространяется и на овес: «Овес в любой день, только чтобы не опоздать»⁵⁶. Николин день — это 9 мая по старому стилю и 22 мая — по новому. К этому времени в Вологодской области завершается таяние снега, сход воды и высыхание почвы. Иными словами, перед нами тот же пример сева «сразу после снега». Следует отметить, что норматив в данном случае терминологически обретает черты поверья: «Кто до Николы не посадит — тот урожая не увидит». Ранние сроки сева для всех культур вряд ли связаны с

⁵³ Милов А. В. Указ. соч. С. 113.

⁵⁴ СЭЭ-2007. Ирина Альбертовна, 1967 г. р., д. Вожгора, Лешуконский р-н, Архангельской обл.

⁵⁵ СЭЭ-2007. Фелицата Максимовна, 1927 г. р., д. Вожгора, Лешуконский р-н, Архангельской обл.

⁵⁶ СЭЭ-2008. Жеребцова Анна Сергеевна, 1929 г. р., д. Кеба, Никольский р-н, Вологодской обл.

климатическим фактором, поскольку разные растения имеют разные температурные и почвенные предпочтения. Кроме того, лето в Вологодской области длится на несколько недель дольше, чем в Архангельской.

И, наконец, максимально ранние сроки сева распространены в Курской области, которая расположена южнее Никольска на тысячу, а Лешуконского района — на 1 600 км. Поскольку по данному региону у нас нет полевых материалов, обратимся к данным А. В. Милова, исследовавшего сроки посева различных культур на территории России. Он цитирует слова известного агронома конца XVIII в., А. Т. Болотова: «Яровая пшеница сеялась здесь [в Курской губернии. — А. Т.] „по исходе снега”, т. е. раньше, чем на севере Тульской губ. <...> Просо (его в Туле не сеяли) сеяли необычно рано — „по исходе снега”»⁵⁷. Столь ранние сроки высева такой теплолюбивой культуры, как пшеница, с точки зрения благоприятных климатических условий объяснить чрезвычайно трудно. Фактор «короткого северного лета» не применим к Курской области. Чем же можно объяснить такое широкое распространение ранних сроков высева, на столь различной по показателю среднегодовой температуры территории?

По всей видимости, эти нормативы основываются не на максимальном учете погодных условий, а на наиболее эффективном распределении работ в течение короткого времени, пригодного для земледельческих занятий в Европейской России. Играет свою роль и представление крестьян о ценности тех или иных сельскохозяйственных культур.

Стремление к наиболее раннему высеву связано с тем, что на рассматриваемой территории России в течение части вегетационного периода культурных растений бывают заморозки — весенний и осенний. Возможность уложиться при выращивании сельскохозяйственных культур в период без заморозков практически исключена. Но осенние заморозки для растений опаснее, чем весенние. Весной непроросшее зерно не боится заморозков, а недавно взошедшее растение в случае заморозка теряет только надземную часть. Корневая же система сохраняется, и растение может регенерироваться.

Кроме того, существуют способы уберечь всходы от заморозков. Простейший из них — это окучивание картофеля. При этом уровень почвы, относительно корневой системы растения повышается, и та ее часть, что остается незатронутой заморозками, увеличивается. С. В. Максимов в книге «Куль хлеба и его происхождения» описывает более сложный способ спасения всходов — на примере озимых: «Когда все кругом начинает вымирать, желтеют и краснеют листья и трава — озимь отливает яркой зеленью, как веселая весенняя трава, но недолго. Осенний холод и ее не помилует, скоро травка озимой ржи поблекнет,

⁵⁷ Милов А. В. Указ. соч. С. 120.

замерзнет и обвалится. Когда долго стоят светлые дни, и озими продолжают расти, то, чтобы они не вышли в дудку, на них напускают скот, чтобы он стравил всю траву и спас в зерне силу. Это зовется толокой или потравой»⁵⁸.

Но все описанные выше приемы не позволяют спасти уже выросшие растения со сформировавшимися плодами. Так что, с технологической точки зрения, весенние заморозки оказываются менее вредными, чем осенние.

Другая причина, влияющая на сроки посева, — необходимость координировать работы по уборке различных культур. Здесь чрезвычайно важны представления крестьян о том, какие растения являются более важными, а какие — менее. Многие исследователи отмечали, что из всех полевых работ важнейшей крестьяне считали посадку «хлебов». Под словом «хлеб», или «жито», понимались разные виды злаковых растений, но общее представление о важности зерновых существовало всегда и продолжает существовать до сих пор. Так, в 2002 г. один из жителей Клепиковского района Рязанской области рассказывал: «Колхоз здешний „Красный путь” назывался. А в 70-х все рухнуло. Здесь ведь поля были везде: пшеница, помидоры, огурцы, лен. Не было ни жуков, ничего. А сейчас американцы 40 лет нас травят, все зараженное»⁵⁹.

Это высказывание содержит ряд мифологем. Во-первых, это пример своеобразного представления о «советском золотом веке», когда «все было хорошо». Во-вторых, в высказывании в качестве причины ухудшения положения в деревне и сельском хозяйстве названы происки внешних врагов. Кстати, когда мною было записано это интервью, возраст информатора составлял 48 лет. Таким образом, его личные воспоминания как раз могли охватывать указанный период в 40 лет. И, в-третьих, мифологемой является набор высеваемых растений. Информатор не работал в колхозе, но был абсолютно уверен в правильности своего ответа.

Действительный набор культур, высевавшихся в Мещере в 1950—60-е гг., был иным. Вот как описывает его жительница той же деревни, но проработавшая в местном колхозе всю жизнь: «Огурцов сажали, разве две-три грядки, да и то для конторы только. Помидоров — нет, совсем не сажали. Картошка, рожь была. Пшеницы тут не было, на центральных полях совхоза только»⁶⁰. В качестве основных культур называются картошка и рожь. Примечательно, что первый информатор о картошке не упомянул.

⁵⁸ Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. СПб., 1894. С. 82.

⁵⁹ Мещерская этнографическая экспедиция кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова, июль 2002 года [далее: МещЭЭ-2002]. Беликов В., 1954 г. р., д. Подсвятъе, Спас-Клепиковского р-на, Рязанской обл.

⁶⁰ МещЭЭ-2002. Силонова З. А., 1933 г. р., д. Подсвятъе, Спас-Клепиковского р-на, Рязанской обл.

Мифологема о важности зерновых культур зафиксирована земскими статистиками для Московской губернии. Но, на наш взгляд, это именно мифологема, и отражает она реальное положение дел в крестьянском хозяйстве в XVI—XVIII вв. Трансформации же, происшедшие в крестьянском хозяйстве в XIX—XX вв.⁶¹, остались незамеченными в фольклорной традиции.

Рожь — основная зерновая культура — чаще всего высаживалась на озимом поле. Иными словами, наиболее важными крестьянам представлялись работы по подготовке озимого поля и сев, производимые в августе (по старому стилю, или конце августа — начале сентября — по новому). По всей вероятности, столь ранние сроки сева прочих культур связаны не только с технологическими особенностями ухода за растениями, но и со стремлением освободить август от других полевых работ.

Последний тезис подтверждает норматива, или календарная примета, о посеве гречихи, которую надо сеять «или за неделю до „Акулин“, или спустя неделю после „Акулин“»⁶². Срок вегетации гречихи — примерно 60 дней, следовательно, данная примета освобождает земледельца от работ по уборке гречихи в период с 6 по 20 августа (по старому стилю, или с 19 августа по 2 сентября — по новому). Это именно период работ, связанных с посевом озимых (вспашка, сев, боронование). Объяснение же этой календарной приметы с точки зрения выбора наиболее благоприятного периода для посева — затруднительно.

Словом, нам кажется перспективной попытка истолкования календарных примет как нормативов, связанных с организацией сельскохозяйственной деятельности и ее мифологическим осмыслением, а не с приспособлением к климатически благоприятным периодам. Кроме этого, следует иметь в виду то, как русские крестьяне воспринимали время.

Календарные нормы не воспринимались крестьянами буквально. Например, то, что на 23 мая (по ст. ст.) приходится день Левона Огуречника, не означало для крестьян, что только в этот день надо сажать огурцы. Это можно делать и на Фалалея Огуречника (20 мая ст. ст.), и на Константина Огуречника (21 мая ст. ст.). Конкретный день посадки не мог зависеть только от времени года. Важно и давление, и состояние почвы, и степень завершенности прочих работ, и многие другие обстоятельства. Для измерения давления и иных параметров состояния природы, недоступных для непосредственного наблюдения,

⁶¹ Вспомним точку зрения земских статистиков и ученых-агрономов, например, В. Орлова, на тенденции, происходившие в хозяйствах крупных землевладельцев в конце XIX в., отмеченную в начале главы.

⁶² Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаньев, поверьев, обычаев и пословиц русского народа. М., 1994. С. 229.

крестьянин использовал знания о поведении животных (напр. если появились комары — пора сеять рожь⁶³). Таким образом, календарь представлял собой систему нормативов, своеобразных общих сведений, о том, какой отраслью хозяйства следовало заниматься в данное время. Календарные нормы корректировались приметами и общим ходом земледельческих работ.

В XIX в. характер взаимоотношений времени и труда менялся. Под давлением рациональных причин традиция сдавала позицию за позицией. Крестьянские общины оставались островками традиционной жизни в море развивавшихся капиталистических структур, отношений и мышления. Сложилось определенная двойственность: в области традиционных занятий деревни (в земледелии, скотоводстве) продолжали действовать старые ценности, а в сфере нововведенных занятий — в садоводстве, ямской службе и пр. — господствовали капиталистические ценности. Так, в воскресенье в деревне никто не работал, но уйти в этот день на поденщину в город или соседнюю деревню — разрешалось⁶⁴. Во время многодневной поездки «под извоз» нарушался дневной ритм.

Нормы распределения работ между половозрастными группами. Каждый этап жизни человека связан не только с изменением его физических сил, приобретением сноровки и опыта, но и с изменением его социальной роли. Часто тот или иной запрет или разрешение, связанные с работой, определялись именно положением в обществе.

Мальчик включался в трудовую деятельность очень рано: если верить крестьянской пословице — на четвертый год. «Сынок-сосунок — не век сосун: через год — стригун, через два — бегун, через три — игрун, а затем и в хомут»⁶⁵. Поначалу сын выполнял разные мелкие поручения: стерег гусей, пригонял корову из общего стада и т. п., — то есть дела, требующие минимальных знаний.

Сакральным актом приобщения к работе служило «посажение на коня», хотя значение данной церемонии этим не ограничивалось. Это происходило примерно на 11-м году жизни, и с этого момента парень боронил пашню и считался «бороноволоком». Его постепенно учили пахать, сеять, косить, однако заниматься этими работами он мог только вместе с отцом и на семейном участке. Кроме полевых работ, юноша учился делать топорище, вязать верши, запрягать лошадь, рубить хвою, драть корье, пасти скот, удить рыбу⁶⁶.

⁶³ Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. 5-е изд. СПб., 1873. С. 106.

⁶⁴ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, сельской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 78.

⁶⁵ Листова Т. А. Традиции трудового воспитания в деревне // Русские. Ист.-этногр. этюды, М., 1999. С. 125.

⁶⁶ Белов В. И. Указ. соч. С. 121.

Примерно с 18—19 лет парень становился физически взрослым и равным по силе другим мужчинам. С этого времени, если он овладел всеми необходимыми навыками, его допускали к участию в общинных работах. (Эти работы служили и своего рода смотринами, где выбирали будущих женихов и невест.) Считалось, что к этому времени он овладевал всеми навыками полевых, лесных и хозяйственных работ. Только его профессиональное мастерство требовало дальнейшего совершенствования⁶⁷. Вступление в брак не вносило качественных изменений в работах парня. Однако значительные изменения в трудовом соционормативном поведении совершались, когда молодой человек становился большаком.

Основная функция главы семьи — координация действий всех членов семейного коллектива. Большак раздавал задания мужчинам и следил за работой женщин. Однако организационная деятельность не должна была наносить ущерба занятиям простым физическим трудом. Хорошим хозяином считался «человек распорядительный, но и сам в работе правдивый, кроткий и справедливый»⁶⁸.

Имеются косвенные свидетельства, что одной из работ, которой традиционно занимался большак, было изготовление сложных вещей: саней, коника, прялок и пр. Крестьянская поговорка гласит: «Не захочется ведь старшему после скобли борону тесать»⁶⁹. Это можно истолковать так: человек, ставший хозяином, не захочет снова превратиться в подчиненного в семье. Скобель — это нож с двумя поперечными рукоятками на обоих концах лезвия, который использовался при изготовлении телег и саней⁷⁰. Видимо, большак имел непосредственное отношение к скобелю, то есть либо выполнял самую престижную, завершающую работу — скоблил, либо мастерил телеги и сани, а также занимался их починкой. Точнее выяснить это пока не удалось.

Ряд производственных занятий были для взрослых мужчин под запретом. «Тесать хвою, драть корье и бересту мужчине, находящемуся в полной силе, было просто неприлично»⁷¹.

Мужской труд — прежде всего труд физический, и понятно, что до конца жизни мужчина не мог заниматься теми же делами, что в молодости и зрелости. С этим связан этап жизни — период старости. В этот период человек мог оставаться и большаком, но чаще уходил с общественной должности в семье и брал на себя страховочную функцию. Следил за соблюдением традиционного хода работ, проверял утром конскую упряжь и т. п. К сфере его особой компетенции относилось проведение засева. «Когда начинали сеять озими, стаскива-

⁶⁷ Белов В. И. Указ. соч. С. 122.

⁶⁸ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1—3. М., 1891—1896. С. 338.

⁶⁹ Там же. С. 339.

⁷⁰ Скоблить // Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1991.

⁷¹ Белов В. И. Указ. соч. С. 132.

ли ветхого старика с печи — старинного пахаря»⁷². Особое, двойственное отношение к труду стариков выражается в пословице: «Есть старик — так убил бы, нет — так купил бы».

Труд женщин имел несколько иную организацию. Маленькая девочка включалась в трудовую жизнь очень рано. Лет с четырех она пряла втайне от взрослых, следила за детьми. Но официально она могла трудиться только после совершения определенного обряда: будущая работница лет пяти-шести должна была съесть кусочек сожженной пряжи или вдохнуть дым от лучины⁷³. С этого момента, вплоть до замужества, она переходила в трудовую категорию «девки».

Период девичества давался будущей жене, чтобы она овладела всеми навыками женского труда. Это было очень важно, особенно для того, чтобы девушка вышла замуж. По суслившимся холстам парни определяли, кто из девушек их деревни лучше тклет. Мать жениха, придя на смотрины невесты, старалась тем или иным путем — прямым вопросом или иносказанием — выведать, что та умеет, а что нет⁷⁴.

Однако не все виды домашних женских работ позволялись девушкам. Девки в семье считались временными обитательницами, и на их работу в отцовском доме смотрели сквозь пальцы. Девушка могла работать в поле, прогонять встречать скотину, мыть ложки, хорошо прясть и плести. Характерной работой ее было метение полов (потому как жених мог пожаловать, и в доме должно было быть чисто). Но она не могла месить хлеб или топить печь. Часто девушки вообще освобождались от домашних работ⁷⁵. Видимо, такое отношение связано с тем, что девушки не останутся в семье навсегда, и потому их не приобщали к сакральным локусам: печи, деже с тестом и др. В XIX—XX вв. эти табу носили характер совета, пожелания. В случае надобности девушка могла и хлеб замесить и печь истопить, но этого ей не доверяли⁷⁶. Однако все они становились строгим императивом, когда дочь становилась «сговоренкой», то есть просватанной.

По выходе замуж девушка становилась «младшей снохой», которая занимала почти самую нижнюю ступеньку в семейной иерархии. Теперь она могла заниматься домашними работами, более того: обычно ей давали самые тяжелые и неприятные поручения. Она подметала пол, когда все уже легли спать, смотрела, не закатился ли куда уголек от лучины⁷⁷. Как и прежде, молодуха занималась полевыми работами, прядением и ткачеством.

Постепенно сноха приобретала все большую значимость в семье, а ее занятия по мере этого переставали нести на себе уничижительный

⁷² Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. СПб., 1873.

⁷³ Добровольский В. Н. Указ. соч. С. 349.

⁷⁴ Листова Т. А. Указ. соч. С. 117.

⁷⁵ Никишенков А. А. Указ. соч. С. 36.

⁷⁶ Белов В. И. Указ. соч. С. 121.

⁷⁷ Добровольский В. Н. Указ. соч. С. 349.

оттенков; со временем она могла даже стать старшей снохой. Старшая сноха осуществляла общую координацию действий всех женщин семьи, т. е. играла руководящую роль. Кроме того, она становилась как бы полюсом, противоположным девушкам, и на полевую работу «уж не ходила». Ее компетенцией, как хозяйки дома, была дойка коров и выдача сала: кроме нее этого никто не имел права делать⁷⁸. Эти два вида деятельности были очень важны, поскольку молоко и сало — основные источники энергии в крестьянской еде. Таким образом, основной заботой «большухи» были домашние хлопоты.

Итак, у мужчин возрастные и социальные изменения, отражавшиеся на формах их трудовой активности, имели последовательность: ребенок—отрок—юноша—мужчина—старик, у женщин — ребенок—девушка—молодуха—большуха. Сравнение периодов трудовой деятельности, связанных с этими изменениями, у мужчин и у женщин показывает, что у первых они больше зависели от физического состояния, а у вторых — от социального статуса.

Другим характерным отличием женских половозрастных групп от мужских является то, что они опережали по возрасту соответствующие мужские группы на два-три года. Это связано с естественными физиологическими особенностями взросления полов.

Представляется важным еще такое соображение. И у мужчин, и у женщин в производственном соционормативном поведении особое внимание уделялось домашним и полевым работам. Именно эти виды деятельности чаще всего служили предметом запретов или наоборот поощрений. Тогда как такие занятия, как плетение лаптей, починка жилища и т. п., практиковались в течение всей жизни и не имели социально-статусной окраски.

В заключение следует сказать, что большуха получала ключ от ларя с мукой и маслом, а большак — право работать скобелем не без причины. Не потому, что он или она — главные и могли заниматься самым почетным делом. Зависимость скорее была обратной. Главу семьи в крестьянских семьях выбирали. И больше шансов было у того, кто лучше пек хлеб, лучше взбивал масло, был более искусным плотником или иным мастером: «Раз ты хлеб лучше всех месить, то и ключ от мучного ларя — у тебя»⁷⁹.

⁷⁸ Белов В. И. Указ. соч. С. 129.

⁷⁹ Там же.

1. 4. Источники и литература

Источники

- Авдеева Е. А. Ручная книга русской опытной хозяйки, составленная из сорокалетних опытов и наблюдений доброй хозяйки русской. СПб., 1865.
- Александров Вл. Деревенское веселье в Вологодском крае (Этнографические материалы) // Современник. 1864. № 7.
- Алексеев В. Н. Дания под Москвой. Рассказ о том, как разбогатела деревня Бурцево, Волоколамского уезда, Московской губернии. М.: Нов. деревня, 1925.
- Алексеев В. Н. Опыт монографического описания деревни Курово Дмитровского уезда. М., 1923.
- Анненский Н. Ф. Цена на земледельческий труд в связи с урожаями и хлебными ценами // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского сельского хозяйства. СПб., 1897.
- Архангельский С. О приметах над явлениями природы, с которыми соотносятся при полевых работах крестьяне Южной полосы Ковровского уезда // Сел. хоз-во. 1861. № 8. Особое прил.
- Ахов А. Под Москвой // Деревня в 1905 году (по воспоминаниям селькоров). М., 1926.
- Бабурин И. А. Село Иваново // Владимирские губернские ведомости. 1855. № 53.
- Бажаев В. Очерки крестьянского сельского хозяйства и сельскохозяйственных земских мероприятий в московской губернии. М., 1892.
- Балов В. А. Очерки Пошехонья // ЭО. 1899. № 1—2.
- Белов В. И. Повседневная жизнь Русского Севера. М., 2000.
- Белов В. И. Раздумья на родине. М., 1986.
- Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда, Вятской губернии // Сб. свед. для изучения быта крестьянского населения России. (Обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889.
- Богатырев П. Г. Верования великорусов Шенкурского уезда Архангельской губернии // ЭО. 1916. № 3—4.
- Богораз-Тан В. Г. Новое крестьянство. Очерки деревенских настроений. М., 1905.
- Бондаренко В. Н. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // ЭО. 1890. № 4.
- Брейр Л. К. Сдача и съем надельных земель // Очерки по крестьянскому вопросу / Под ред. проф. А. А. Мануилова. Т. 2. М., 1905.

- Быстров А. Город Мезень в 1834 году // Журн. М-ва внутр. дел. 1844. Кн. 2.
- Быт крестьян Тверского уезда Тверской губернии // Экон. сб. Вып. 1. 1853.
- В. Б. Хозяйственные приметы и присловья // Эконом. 1843. Т. 4. Тетр. 149.
- Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881.
- Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. М., 1925.
- Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870.
- Глаголев А. Записки русского путешественника, с 1823 по 1827 г. Ч. 2. СПб., 1837.
- Градовский В. Некоторые приметы относительно к перемене погоды // Земледельческая газ. 1848. № 23 (19 марта).
- Градовский В. Приметы, по которым сеют у нас (в Смоленском уезде) яровые хлебы // Земледельческая газ. 1848. № 23 (19 марта).
- Градовский В. Простейшие способы предугадывания погоды // Земледельческая газ. 1848. № 23 (19 марта).
- Гусев А. Поверья, праздники, песни и сказки в станице Ардонской Терской обл. // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16.
- Гусев И. «Иванов день» — местный праздник в городе Твери // Тверские губ. ведомости. 1898. № 65.
- Давыдова С. Кружевной промысел в Рязанской губернии // Тр. комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1881. Вып. 7.
- Дилакторский П. А. Егорьев день на Руси // Живописное обозрение. СПб., 1896. № 16.
- Добровольский В. Н. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями. // Живая старина. 1898. № 3—4.
- Добровольский В. Н. Егорьев день в Смоленской губернии // Живая старина. 1902. Вып. 2.
- Добровольский В. Н. Значение народного праздника «Свечи» // ЭО. 1900. № 4.
- Добровольский В. Н. Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний. // Живая старина. 1908. Вып. 2.
- Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1—3, М., 1891—1896.
- Добрынкин Н. Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875. Вып. 1.
- Дорофеев Я. Деревня Московской губернии. М.: Московский рабочий, 1923.

- Дубенский Н. Крестьянское и господское хозяйство в опольщине Владимирской губернии // Совр. летопись. 1871. № 3—5.
- Дыский К. К. Опыт монографического описания деревни Бурцевой Волоколамского уезда. М., 1923.
- Епанчин. Крестьянское замечание узнавать по состоянию малины, в какое лето сеять старой рожью, в какое — новой // Земледельческая газ. 1847. № 64 (12 авг.).
- Еремеева Ю. С. Агрономическая помощь крестьянскому населению // Тр. Императорского вольного экономического о-ва [далее — ИВЭО]. 1909. № 3.
- Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1890—1905. (Т. 1. Народный месяцеслов. 1890; Т. 2. Всенародная агрономия. 1905; Т. 3. Животный мир в воззрениях народа. 1905; Т. 4. Народное погодоведение. 1905.)
- Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1906.
- Есипович. О признаках, по которым можно предузнавать благоприятное время посева разных хлебов // Эконом. 1848. № 16.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта.
- Журавлев В. О причинах худых и хороших урожаев на одних и тех же полях // Земледельческая газ. 1850. № 11.
- Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. 1914. № 3/4.
- Звездин А. Кунавинский «козий праздник» // Волгарь. 1892. № 50.
- Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Пг., 1914—1916. Вып. 1—3.
- Землеустройство в Костромской губернии за 1907—1912 гг.
- Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3.
- Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1912—1926 гг.) // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.
- Зубрилин А. А. По родной стране. Мысли и воспоминания. М.: Агроном, 1913.
- И. Х[арузин] Помочь (Из обычно-общинных отношений) // Рус. богатство. 1879. № 1.
- Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. (Обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889.
- Из Медынского уезда (Калужской губернии) // Тр. ИВЭО. 1879. Т. 3. Вып. 2.
- Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990.

- Копылов П. Д. Очередные задачи по улучшению крестьянского хозяйства в приозерном крае // Тр. ИВЭО. 1909. № 1—2.
- Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказания, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1994.
- Королев Н. О пахальных орудиях // Тр. ИВЭО. 1878. Ч. 2.
- Крестьянское хозяйство в Орловской губ. // Тр. ИВЭО. 1866. Т. 1.
- Кретов Ф. Деревня после революции. М., 1925.
- Кторский Несколько слов о помочах в Вологодской губернии // ЭО. 1894. № 2.
- Курнатов Н. Зима, начало весны и простонародные приметы об урожаях // Земледельческая газ. 1846. № 34 (26 апр.).
- Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. Ч. 1. М., 1929. (Изд. Музея ЦПО).
- Ладыженский Е. С. О некоторых выгодах русской сохи // Тр. ИВЭО. 1855. Т. 4.
- Лебедева Н. И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М., 1927.
- Лежнев П. Н. и Савченко К. Д. Как живет деревня. М., 1925.
- Леопольдов А. Что лучше: соха или плуг? // Журн. М-ва Гос. имуществ. 1843. № 4.
- Личное крестьянское землевладение в Московской губ. 1907—1912. М., 1913.
- Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913.
- Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. 5-е изд. СПб., 1873. [6-е изд.] СПб., 1894.
- Малинка А. Этнографические мелочи (Из местечка Веркиевки, Нежинского уезда, Черниговской губернии). По записям Герасименко сообщил А. Малинка // ЭО. 1898. № 1.
- Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Московской губернии. Вып. 2. Урочное положение по культурам картофеля и льна. М.: Изд-во Московского земельного отд., 1927.
- Межов В. И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границею. 1764—1864. СПб., 1865.
- Мертваго А. П. Не по торному пути. Сельскохозяйственные воспоминания (1879—1893). СПб.: Хозяин, 1896.
- Мозговой В. Г. Плуг и соха // Тр. ИВЭО. 1881. Ч. 3.
- Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг. Т. 1. Поселенные таблицы и поуездные итоги. Вып. 3. М.: Тов. «Печатня С. П. Яковлева», 1904.
- Обновленная деревня / Сост. В. Г. Богораз-Тан. А., 1925.
- Описание хозяйства слободы Чернянки Новооскольского уезда // Тр. ИВЭО. 1865. Т. 3—4.

- Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России. СПб., 1913.
- Пажитов К. К вопросу о трудовом дне при крепостном праве // Архив истории труда в России. Кн. 3. М., 1922.
- Поздняков Т. Народные обычаи в Александровском уезде Владимирской губернии. Владимир: Типо-литография губ. правления, 1902.
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1—3. Пг., 1916—1917.
- Пругавин В. С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1882.
- Пругавин В. С. Промыслы Владимирской губернии. Вып. 1. Александровский уезд. Исслед. В. С. Пругавина. М.: Изд. Асафа Баранова, 1882.
- Прыжов И. Г. Из деревни // Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934.
- Пузырев Н. и Н. Н. Н-лов. Помочи у крестьян Томской губернии и у моравы // ЭО. 1892. № 2/3.
- Пупарев А. К. Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Т. 1. Орел, 1877.
- [Пурлевский С. Д.] Воспоминания крепостного. 1800—1869 (по подлинной рукописи) // Рус. вестн. 1877.
- Радченко Е. С. «Село Бужарово», Воскресенского района, Московского округа. (Монографическое описание деревни). М., 1930.
- Разумихин С. Село Бобровки и окружный его околоток (Тверской губернии, Ржевского уезда) // Экон. сб. Вып. 2. СПб., 1854.
- Руднев А. Село Голунь и Новомосковское Тульской губернии, Новосильского уезда // Экон. сб. Вып. 2. 1854.
- Рудольф Э. Земледельческий календарь // Журн. М-ва гос. имуществ. Ч. 12. СПб., 1844.
- Саковнин П. Н. Агрономическая помощь крестьянскому хозяйству и земские мероприятия в этой области // Тр. ИВЭО. 1895. № 1.
- Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880.
- Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Промыслы Московской губернии / Сост. И. Боголепов. М., 1880.
- Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 2. Статистические сведения о хозяйственном положении селений Московского уезда. Ч. 2. Подмосковное сельское хозяйство. М., 1882.
- Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 2. Материалы для определения ценности и доходности земель / Сост. В. Орлов и Н. Каблуков. М., 1878.

- Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 4. Крестьянское хозяйство. Формы крестьянского землевладения в Московской губ. / Сост. В. Орлов. М., 1879.
- Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отд. хоз. статистики. Т. 1. Вып. 1. Статистические сведения о хоз. положении Московского уезда / Сост. В. Орлов. М., 1877.
- Сборник статистических сведений по Орловской губ. Т. 2. Елецкий уезд; Т. 5. Карачевский уезд; Т. 8.
- Сборник статистических сведений по Тверской губ. Т. 5. Калязинский уезд. Тверь, 1890.
- С-в П. Страницы Московского и Дмитровского уездов // Тр. ИВЭО. 1879. Т. 3. Вып. 1.
- Селиванов В. В. Год русского земледельца. // Рус. беседа. 1856. Т. 2, 4; 1857. Т. 3, 4.
- Сельское хозяйство в Елецком и Данковском уездах // Тр. ИВЭО. 1874. Т. 2.
- Сельскохозяйственные заметки до г. Орла // Тр. ИВЭО, 1869. Т. 1.
- Смирнов Я. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1850.
- Сумароков П. Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда // Сел. хоз-во. 1860. Т. 3. № 10. Отд. 6. Смесь.
- Трифонов А. А. Плуги, молотилки и веялки в крестьянском хозяйстве Тульской губ. Тула, 1902.
- Фалькерзам. Замечания о крестьянских приметах насчет погоды // Земледельческая газ. 1845. № 61 (31 июля).
- Феноменов Н. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования деревни. Ч. 1. Производительные силы деревни. Ч. 2. Старый и новый быт.
- Фет А. А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. М.: Нов. лит. обозрение, 2001.
- Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. (Обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889.
- Хозяйство Щигровского уезда // Тр. ИВЭО. 1873. Т. 1.
- Хозяйство, жизнь и настроения деревни. М., 1925.
- Шамшева А. Из Тихвинского уезда (Новгородской губернии) // Тр. ИВЭО. 1879. Т. 3. Вып. 2.
- Шелехов Д. П. Народное руководство в сельском хозяйстве. Ч. 1. СПб., 1839.
- Шелехов Д. П. По русским проселочным дорогам. СПб., 1842.
- Шипов Н. История моей жизни // Карпов В. Н. Воспоминания. 119.
- Шипов Н. История моей жизни. М.—Л., 1933.
- Шлиппе Ф. В. Крестьянское хозяйство в Верейском уезде Московской губернии. СПб., 1905.

- Щуров Н. Календарь народных примет, обычаев и поверьев на Руси // Чтения в О-ве истории и древностей российских. 1867. Кн. 4.
- Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872—1887 гг. М., 1999.
- Этнографические сведения о Рязанской губернии. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губернии, собранные действительным членом статистического комитета, священником Селезевым. Рязань, 1871.
- Яковлев Я. А. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М., 1924.
- Яковлев Я. А. Деревня, как она есть (Очерки Никольской волости). М.: Красная Новь, 1923.

Литература

- Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.
- Александров В. А. Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.). М., 1976.
- Александров В. А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVIII — начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Анохин Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.
- Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.
- Бежкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры: Определитель. М., 1959.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этногр. очерки. Л., 1983.
- Бруцкус Б. Д. Землеустройство и расселение за границей и в России // Тр. ИВЭО. 1909. № 3.
- Буденный Л. М. Некоторые вопросы планировки колхозных селений. М., 1953.
- Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских: По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989.
- Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // СЭ. 1982. № 6.
- Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII — XVIII вв. М., 1984.

- Громов А. В. Словарь: Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992.
- Громыко М. М. Жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия XIX в. как источник для изучения массового религиозного сознания // ЭО. 2000. № 6.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в., М.: Наука, 1986.
- Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX века). Новосибирск: Наука, 1975.
- Гусев В. Е. О реконструкции праславянского календаря // СЭ. 1978. № 6.
- Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
- Дурасов Г. П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополья в XIX — начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Елеонская Е. Н. Сельскохозяйственная магия. М., 1929.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Ист.-этногр. очерки. М., 1974.
- Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи) // Зеленин Д. К. Избр. тр. Ст. по духовной культуре 1901—1913. М.: Индрик, 1994.
- Зеленин Д. К. «Спасова борода», восточнославянский земледельческий обряд сбора урожая // Зеленин Д. К. Избр. тр. Ст. по духовной культуре 1917—1934. М.: Индрик, 1999.
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной. М.: Наука, 1991.
- Зеленин Д. К. Восточнославянские земледельческие обряды — катание и кувыркание по земле // Зеленин Д. К. Избр. тр. Ст. по духовной культуре 1917—1934. М.: Индрик, 1999.
- Зеленин Д. К. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая (Краткое изложение большого исследования) // Зеленин Д. К. Избр. тр. Ст. по духовной культуре 1917—1934. М.: Индрик, 1999.
- Зеленин Д. К. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма // Зеленин Д. К. Избр. тр. Ст. по духовной культуре 1917—1934. М.: Индрик, 1999.
- Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907.
- Карпенкова Т. В. Охранительные тенденции и попытки аграрных преобразований в пореформенной России. М., 1992. 23 с. Деп. в ИНИОН РАН 27. 10. 1992. № 47214.
- Клутин А. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII — нач. XX в. / Сост. С. В. Карпущенко. М.: Воениздат, 1999. С. 175—202.
- Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губ.). М.: Рос. политическая энцикл., 2002.

- Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М., 1995.
- Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Пушкарев А. Н. Труд как основа социальных взглядов в традиционной волшебной сказке // Тр. Ин-та этнографии. Н. С. Т. 20. 1953.
- Струве П. Б. Крепостная статистика: Из этюдов о крепостном хозяйстве. СПб., 1901.
- Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII—XIX вв. М., 1913.
- Тихоницкая Н. Н. Сельскохозяйственная толока у русских // СЭ. 1934. № 4.
- Тульцева Л. А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001.
- Тульцева Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках. М.: Наука, 2002.
- Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. // Тр. Ин-та этнографии. Н. С. Т. 40. М., 1957.
- Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельных общественных форм // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Вып. 1. М., 1996.

**1. 6. Методические рекомендации по сбору эмпирического материала по крестьянскому хозяйству.
Вопросник для полевой работы**

1. Основные виды деятельности. Сельское хозяйство, виды отхожих промыслов, домашние занятия, лесное собирательство. Иерархия занятий с точки зрения их важности и престижности. Виды деятельности, запретные для мужчин и женщин. Приобщение детей к труду.
 - Какие работы возлагаются на мужей (мужчин) и какие — на жен (женщин)?
 - Какие работы считаются делом замужних женщин и какие — девушек?
 - Случается ли, что бабы освобождаются от работ на семью и работают на себя (бабья неделя)?
 - Чем помогают взрослым подростки и дети?
2. Отношение к труду. Труд в жизни человека. Что считается трудом, а что нет. Религиозная составляющая труда. Коммунистическая идео-

логия и труд. Приметы, поговорки, присловья. Шутливые прозвания ленивых людей. Прозвания наиболее искусных работников.

■ Какие приметы, связанные с погодой, вам известны?

■ Как определялся наиболее подходящий период для посева тех или иных культур?

■ Как относится информатор к приметам? Верит в них или нет?

3. Трудовые миграции. Участие во всесоюзных стройках. Ежегодные отхожие промыслы. Работа на лесопунктах, предприятиях лесохимии и т. д.

■ Кто преимущественно отправляется на заработки?

■ По охоте или по принуждению? Каковы результаты?

■ Присылает ли ушедший на заработки деньги семье, или ей приходится довольствоваться тем, что он прокормил себя (и лошадь, взятую с собой)?

■ Уходят ли на сторонние заработки жены, вдовы, девушки?

4. Хозяйственные коллективы. Колхоз, артель, бригада, звено. Негласные коллективные мероприятия (коллективное содержание коров, коллективное проживание детей во время работы матери на лесопункте).

■ Существует ли практика объединения нескольких хозяев принадлежащими им средствами производства — рабочим скотом (лошадьми, волами), телегами — для выполнения общей работы; какие отношения при этом устанавливаются?

■ Работы на общий счет. Выезды для работы на покосе или на сообща снятых угодьях. Подробное описание жизни на таких работах. Рубка леса. Гонка плотов.

■ Кто и как распоряжается этими работами?

■ Существует ли практика найма артелей рабочих или подручников для работы на временной или постоянной основе и если да, то каковы условия такого найма?

■ Существуют ли товарищества парней и девушек для выполнения общих работ или для добывания денег (например, в благотворительных целях или для организации пиршества)? Существует ли сходка или собрание парней или девушек для полевой работы в праздничные дни или так называемые гульки, и на каких условиях нанимают такие гульки?

■ Какие существуют артели в данной местности?

— для совместного приобретения сырья для изготовления каких-либо изделий;

— производства и сбыта изделий;

— общего пользования заведением, автомашиной, судном и пр.;

— харчевые (потребительные) — для общего пользования столом, одеждой, помещением и т. д.;

— взаимного вспомоществования, страхования или с круговой порукой, в смысле ответственности перед хозяином и т. п.

— смешанные, преследующие несколько указанных выше или каких-нибудь иных целей одновременно?

■ Заключаются ли особые договоры об организации артели, и если да, то в какой форме — словесной или письменной? Как осуществляется дележка прибыли и убытков? Как выбирают старосту? Какие существуют меры наказания неисправных членов артели?

■ Кто представляет артель в случае тяжбы или какой-либо ответственности перед финансовыми органами (отбывание повинностей, получение промыслового свидетельства и т. д.) — все члены артели или только ее староста?

■ Как решаются вопросы, возникающие внутри артели: при помощи выборных или артельным сходом? Каков порядок счетоводства, отчетности и вообще расчетов внутри артелей? Как осуществляются взыскания с членов артели в случае неисполнения договора или условий.

5. Традиционные представления о природе, связанные с сельскохозяйственной деятельностью. Пахота, сев, жатва, покос. Деление полей на участки при покосе. Возможность передачи участков из года в год одной семье. Сельскохозяйственные работы вне колхоза (подкос «кулиг», «носов» и т. д.)

6. Отношение к деньгам. Использование денег в деревне. Расчеты между колхозниками. Расчеты с руководством колхоза. Расчеты с городскими жителями. Хранение денег, формы накопления богатств. Представление о цене вещей. Представление о цене услуг. Ритуальные формы передачи денег.

■ Какой вид богатства считается предпочтительным: в деньгах, земле, постройках, скоте, одежде, утвари и т. п.?

7. Договоры.

■ Какое значение придают крестьяне договору или данному кем-либо обещанию? Считает ли народ за грех, стыд или проступок не исполнить слово, обещание или договор (поговорка: до слова держись, а за словом крепись)? Каковы понятия крестьян, выражаемые в пословицах, например: уговор дороже денег; на чем рядишь, на том и идешь, и т. п.?

■ Есть ли какие-нибудь распространенные сроки (например, с весеннего Егорья по Семён-день или по Покров), на какие крестьяне заключают разного рода договоры — по поводу найма, сделок, торговли и т. п.?

■ Что предшествует заключению разного рода договоров (предварительные переговоры)? Какими обрядами и символическими действиями оно — а также исполнение договоров — сопровождается (могарычи или литки, чаепитие, рукобитие, молитва, еда земли и пр.)? Какое они имеют значение, и после каких из них договор считается окончательно заключенным? Кто дает могарычи, кому и сколько? Значение рукобития (заложить правую руку значит — дать

слово; выкупить правую руку — исполнить слово). В каких формах выражается рукобитие (например, рукобитие вообще между договаривающимися сторонами; рукобитие обернутой, а не голой, рукой; разнятие рук посторонним лицом-свидетелем)? Используется ли передача какой-нибудь вещи (например, повода, узды — при купле-продаже лошади и т. п.) для обозначения заключения договора?

■ Прибегают ли крестьяне к взиманию (уплате) неустойки, как обеспечение договоров? Как велика она бывает и какую форму имеет: денежную, вещами, работой?

■ Какое значение имеют задатки при заключении договоров? Кто и кому дает задаток — нанимающийся нанимателю или наоборот? В каких случаях задаток возвращают лицу, давшему задаток, и в каких он теряется? Бывают ли двойные задатки, т. е. взыскание, сверх задатка, еще такой же суммы в качестве неустойки? Существуют ли вещественные задатки, или так называемые залого, т. е. оставление в обеспечение договора той или иной вещи: шапки, рукавицы, телеги, паспорта и т. д., дача вперед каких-нибудь продуктов из условленной платы? Считается ли залогом, когда кто-то после совершения договора принудительно забирает в обеспечение платежа ту или иную вещь (например, предмет одежды пассажира за неоплату перевоза)? Бывают ли случаи принудительного залога?

8. Взаимопомощь в деревне. Взаимопомощь в колхозе, в семье. Помощь незнакомым: путешествующим и т. д. Взаимопомощь работой, зерном, деньгами, сеном, продуктами питания.

■ Существует ли у крестьян данной местности обычай помогать друг другу (в полевых и иных работах, при вывозе леса для крестьянских построек и в особенности после пожара) и если да, то на каких условиях?

■ Как называют такие работы (помочи, толоки, работа на вино, на кашу и т. д.)?

■ Каково общее отношение помочан к хозяевам? Что побуждает крестьян участвовать в помочах? Угощение. Из чего оно состоит? Обязан ли хозяин лично угощать помочан?

■ Практикуются ли общие помочи, т. е. когда сначала помогают одному, потом другому, третьему и т. д., или помочи «по призыву»? Помогают ли за одно угощение, или еще за какое-нибудь вознаграждение?

■ Какие существуют условия и договоры по поводу исполнения работ общими силами?

9. Коллективные праздники в деревне. Первая борозда, первый стог, первый сноп, окончание жатвы, окончание сева и др. Блюда, состав участников трапез, продолжительность. Виды развлечений.

■ Бывают ли в деревне или ближайшем селе большие празднества? Насколько обязательно для крестьянина и членов его семейства

бывать на них? Кто в семье настаивает на этом и почему? Как крестьяне проводят время на празднике?

■ Какие бывают пирушки? Прибегают ли к складчине для их устройства?

■ Организуются ли специальные празднества: связанные с началом сенокоса, жатвы, закладкой церкви, общественного здания и т. п.?

■ Замечают ли соседи, когда кто-либо из крестьян не принимает участие в таких празднествах, и как они к этому относятся?

10. Магические представления. Приговоры, гадания и приметы на Рождество. Приговоры во время работ. Ритуальное обозначение начала и конца работ. Длительность работы, перерывы. Отдых, разговоры и игры во время перерывов.

■ О чем обыкновенно разговаривали во время перерывов в работе?

■ Существовал ли перерыв с обязательным дневным сном?

Г л а в а в т о р а я

Нормы обычного права русского крестьянства

2. 1. Общеметодические замечания (к обоснованию предмета изучения)

Активное изучение обычного права в России началось с середины XIX в. Оно было вызвано реформами 60-х гг. Отмена крепостного права в 1861 г. упразднила юрисдикцию помещиком в отношении значительной части крестьянских общин. Были введены волостные суды, в которых по «Положению о крестьянах» и по «Закону о волостных судах» допускалось разбирательство дел на основании местных обычаев. В этой исторической ситуации оказалось, что российская юстиция и российская общественность в целом не знают, в сущности, что собой представляет обычное право (народные юридические обычаи).

С этого времени началась активная деятельность по сбору сведений о крестьянском праве. На теоретическом уровне уже в конце XIX — начале XX вв. специалисты поставили проблему сущности «юридических обычаев», их соотношения с моралью, религией и государственным правом. Возвращение к этой проблематике в российской этнологии и правоведении, наметившееся в последние 15—20 лет, значительно углубили наши представления об обычном праве и наметили новые перспективы для дальнейшего его изучения.

Отталкиваясь от разработок отечественных и зарубежных специалистов в этой сфере, сейчас можно сформулировать общие принципы подхода к изучению феномена крестьянского права. В настоящее время ряд ученых, в частности Ю. И. Семенов, склонны противопоставлять право обычное и право государственное: «Исследователи, характеризуя обычное право, нередко используют понятия „преступление“, „преступник“, „суд“, „приговор“, „наказание“. А между тем эти понятия совершенно чужды первоначальному обычному праву... Официальное право с самого начала возникло для регулирования отношений людей внутри общества, сразу же уточним, конкретного отдельного общества, или социоисторического организма¹... Обычное право возникло первоначально для достижения совершенно иных

¹ См. об этом подробнее: Семенов Ю. И. Общества, страны, народы // ЭО.1996. №2; он же. Секреты Клайо: Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

целей»². Оно возникло на стадии первобытности для регулирования отношений не внутри, а между родовыми, позже общинными, коллективами. Внутри же этих коллективов социальное регулирование осуществлялось на основе таких, стадияльно сменяющихся форм общественной воли, как табуитет, мораль, этикет³.

А. И. Першиц, в отличие от Семенова, считает неуместным говорить об обычном праве применительно к первобытному обществу. Он полагает, что это явление представляет собой особый аспект правовой культуры государства. Обычное право, по его мнению, — это «совокупность так называемых юридических обычаев, которые были санкционированы государством и составили древнейший слой права»⁴. Применительно к первобытному обществу он считал уместным говорить о так называемых моонормах — социорегулятивных образованиях, сочетающих в себе и правовые, и моральные аспекты⁵.

Относительно нашего исследовательского объекта различия между концепциями Ю. И. Семенова и А. И. Першица не столь существенны. Важно то, что их объединяет. Крестьянское право — это особое явление, в котором органично сочетаются и природа первобытных норм, и влияние государственных институтов, в особенности государственного права.

Связь древних элементов крестьянской правовой культуры с официальными законами Российского государства делает оправданным условное выделение в этой культуре таких сфер, как уголовное право, гражданское право и процессуальное право (правосудие), чего нельзя без ущерба для познания сделать при анализе собственно первобытного права. Для настоящего исследования это обстоятельство существенно, так как изучение крестьянского права представляет специальный интерес, разумеется, в контексте правовой культуры, включающей правосознание (идеалы справедливости и правды; соотношение представлений о преступлении и о грехе, о наказании и возмездии и т. п.), институты общинного самоуправления, семейно-брачные обычаи, отношения власти и подчинения, отношения собственности и др.

В науке уже давно бытуют два представления об обычном праве крестьян: 1) как о своеобразном «пережитке» первобытности, сохранившемся в государствах, сельская экономика которых базируется на крестьянской общине; и 2), связанное с первым, — правовые обычаи

² Семенов Ю. И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 15.

³ Семенов Ю. И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997. С. 44.

⁴ Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 222.

⁵ Там же. С. 214.

крестьян сохранили исходные принципы, которые легли в основу государственного права. Оба этих тезиса нуждаются в доказательстве, которое, как нам представляется, только лишь на материале российского права вряд ли возможно. Тут нужны широкие сравнительно-исторические параллели, охватывающие конкретный материал, адекватно представляющий логику межформационных переходов. Российский же исторический материал по развитию обычного права весьма ограничен.

Дело в том, что письменные документы по истории русского права, в особенности наиболее ранних его периодов, практически не содержат сведений о конкретных положениях собственно крестьянского права. Причинами этого обстоятельства, по нашему мнению, являются следующие: во-первых, правовые документы вплоть до XIX в. касались лишь государственных интересов, крестьянские общины выступали как обособленный субъект в системе права государственного, из юрисдикции которого изымались все серьезные преступления, а оставались лишь незначительные, государство и его агенты мало интересующие; правовое бытие крестьян в государстве, если судить по письменным источникам, регламентируется не столько народными правовыми обычаями, сколько особыми разделами государственных юридических актов о крестьянстве, определяющих исключительно обязанности и права последнего по отношению к государству и правящему классу; во-вторых, обычное право, как особый феномен, в принципе не нуждается в письменной фиксации, так как бытует в малых коллективах (общинах) в виде самоочевидных для всех его членов установок и опирается на авторитет старины, т. е. «стариков», функционирует в устной форме, подобно фольклору.

Тем не менее, юридические документы прошлого позволяют в какой-то степени осветить историю крестьянского права. Речь идет преимущественно о той нише, которую оставляло государство в системе официального права «самодельности» крестьянских общин, отдавая на волю последних содержание и способы социально-нормативного регулирования. Разумеется, подобное состояние источниковой базы позволяет говорить преимущественно о косвенных свидетельствах о крестьянском праве прошлого.

2.2. Из истории крестьянского обычного права в юридической системе Российского государства.

Крестьянство в судебной системе Русского государства XI—XIV вв. Община земледельцев была, без сомнения, социальной базой древнерусского государства. К сожалению, в дошедших до нашего времени редакциях Русской правды внутренний правопорядок общины почти никак не отражен, если не считать статей, регламентирующих

права всякого свободного «мужа»⁶, к числу которых в древнерусском государстве относилось большинство земледельцев. Есть лишь косвенные указания на круговую поруку в виде «дикой виры», которая представляла собой раскладку платежа, наложенного на одного из членов общины, на всю общину⁷. Что касается порядка судопроизводства, то в Русской правде есть указание на принцип состязательности разбора уголовных дел, который должен был начинаться с «заклича» — публичного объявления потерпевшего о преступлении. Само разбирательство предписывалось проводить не позднее, чем через три дня после того, как все члены общины будут оповещены о преступлении. Разбирательство включало следствие, опрос свидетелей («послухов», «видок») и публичное выслушивание истца и ответчика. Такой характер судопроизводства характерен как раз для крестьянских общинных судов, материалы о которых содержатся в источниках XVIII—XIX вв., в то время как государственные суды довольно рано стали переходить на односторонне обвинительную модель производства (розыскной, инквизиционный процесс). По крайней мере, в судебныхниках 1497 и 1550 гг. «розыск» является основой судопроизводства, а к XVIII в. его формы еще более ужесточаются.

Крестьянство в судебной системе Русского государства XV—XVII вв. С формированием централизованного Русского государства были созданы первые общегосударственные правовые кодексы — судебники 1497 и 1550 гг., основными источниками которых, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, были отдельные статьи Русской правды, Псковской судной грамоты и уставные грамоты XVI в., а нормы обычного права практически не прослеживаются⁸. Есть лишь косвенные свидетельства о том, что местные правовые обычаи Русского севера были отражены в уставной грамоте царя Федора Иоанновича, которая до наших дней не дошла⁹.

К XVII в. сложилась общегосударственная иерархия судебных органов, в которой определенное место занимали и судебные инстанции, ведавшие крестьянством: «Суд помещиков и вотчинников, компетенция которого определялась... иммунитетными грамотами, распространялся на крестьян и слуг помещиков. Из его ведения... изымались наиболее важные уголовные дела — разбой с поличным и душегубство; споры с лицами иной подсудности подлежали сместному суду.

⁶ Наиболее архаичные 1—18-я статьи Краткой редакции Русской правды (скорее всего относящиеся к концу XI в.) содержат нормы, установленные Ярославом Мудрым и его сыновьями, которые еще не знают привилегий и относятся ко всякому свободному человеку. См.: История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1972. С. 84.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. 5-е изд. Вып. 2. Киев, 1915. С. 82—108.

⁹ См.: Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. М., 1986. С. 35.

Виды вотчинного суда соответствовали разрядам владельцев вотчин. Крестьянами дворцовых вотчин ведал дворцовый суд, центральным органом которого являлся Большой дворец в Москве; в селах и волостях судили посельские и приказчики. В вотчинах светских владельцев такими органами был „приказ” при особе боярина в Москве, главные приказчики и „вотчинная съезжая изба”. Суд над чернотяглыми крестьянами осуществлялся выбранными ими судьями: земскими судейками или так называемым слободчиком, которому были подсудны все споры между чернотяглыми крестьянами с изъятием тех же дел, что и для суда духовных и светских феодалов. В вотчинном суде, так же как и в суде государственном, дела разбирались в присутствии „лучших” представителей местного населения: сотских, старост, судебных мужей¹⁰.

В Московском царстве крестьянская община, независимо от категории (дворцовая, помещичья, черносопная), находилась под защитой царской администрации, ибо от ее благосостояния во многом зависело благосостояние государства. Защита эта касалась и крестьянского судопроизводства. Так, в «Уставной грамоте великого князя Ивана Васильевича крестьянам дворцового села Андреевского» от 20 апреля 1544 г. сказано: «Яз, великий Иван Васильевич всеа Руссии, тех своих дворцового села Ондреевского крестьян, селчан и деревеньщиков, пожаловал, дал им свою грамоту жалованную несудимую: наместницы наши звенигородские и волостели и их тиуны тех моих крестьян Ондреевского, селчан и деревеньщиков папшенных и оброчных, не судят ни в чем (выделено мной. — *А. Н.*), опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным, и кормов своих у них не емлют и не высылают к ним ни по что. А кто у них в том моем великого князя селе мой посельский ни будет, и он у них ходит о всем по тому, как в сей грамоте... а без старосты ему и без лутчих людей суда не судити»¹¹.

Отмечая патерналистскую тенденцию государства по отношению к крестьянским общинам, имеющую целью защиту их от произвола чиновников, надо признать наличие и другой тенденции — усиления государственного контроля над крестьянами и все большее ограничение их прав. В частности, по судебникам 1497 и 1550 гг. общины были лишены древнего права защиты своих членов посредством выплаты коллективной («дикий») виры за их преступления. Судебники обязывали общину преследовать своих членов за целый ряд преступлений¹². Все меньшее число общин сохраняло судебный иммунитет, даже если и обладали древними жалованными грамотами. К XVII в. стало правилом наделять особыми судебными полномочи-

¹⁰ Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. С. 221.

¹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук. В 5 т. Т. 1. СПб., 1836. С. 179—180.

¹² История государства и права СССР. С. 191.

ями в общинах помещичьих, дворцовых и особенно монастырских крестьян приказчиков и посельских¹³.

Крестьянство в правовой системе России XVIII — начала XIX вв. В XVIII — начале XIX вв. значительно возросло количество и разнообразие письменных документов позволяет более подробно охарактеризовать судебную деятельность крестьянского мира, хотя, как и в документах предыдущих эпох, конкретное содержание правовых норм народных юридических обычаев остается за рамками большинства источников. XVIII век стал временем окончательного оформления крестьянского сословно-правового статуса, так как Российская империя законодательно и фактически превратилась в иерархическую сословную систему, в которой дворянство стало господствующим сословием. Эта система, правда, долгое время не имела унифицированной законодательной базы. Со времен Соборного уложения 1649 г. в России почти 200 лет не создавался единый правовой кодекс, а масса накопившихся законодательных актов представляла собой довольно хаотическое и противоречивое явление, открывавшее путь судебному произволу, от которого в первую очередь страдало крестьянство. Попытки комиссии, учрежденной Екатериной II в 1767 г., создать Уложение не увенчались успехом, так же как и попытки М. М. Сперанского в 1804—1826 гг. Свод законов Российской империи был введен в действие лишь в 1835 г.¹⁴

Крестьянство попало в жесткую зависимость во всех сферах своей жизни. В XVIII в. резко сократилось число черносошных крестьян, они сохранились преимущественно на Севере, в Заволжье и Сибири, а в центральных губерниях они почти все превратились в помещичьих, дворцовых и заводских. Усиление зависимости крестьян, тем не менее, не привело к распаду общинного строя, так как в этом не было заинтересовано ни государство, ни помещики. Крестьянское правосудие, как особый тип социального контроля и регулирования, сохранилось в качестве феномена, необходимого для воспроизводства общины.

Состояние крестьянского правосудия в рассматриваемое время отличается значительным разнообразием, так как в судебной системе Российской империи различные категории крестьянства занимали разное место. Эта система к 1775 г. приобрела ярко выраженный сословный характер. «Для дворян создавался верхний земский суд в губернии и уездный суд в уезде; для горожан — магистрат в губернии и уезде; для государственных крестьян — суды с весьма показательным

¹³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук. Т. 1. С. 284; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря: (1506—1613). Ч. 2. Л., 1983. С. 437.

¹⁴ См.: История государства и права СССР. С. 377.

названием — верхняя расправа в губернии и нижняя — в уезде. Но еще более показательны то, что для половины населения страны — помещичьих крестьян — никаких судов не создавалось. Тем самым помещики получили неограниченное и бесконтрольное право судить и наказывать своих крепостных (за исключением наиболее тяжких случаев преступлений — разбоя, убийства, поджогов и т. п.)»¹⁵. Для государственных крестьян (к этой правовой категории примыкали и крестьяне экономические, дворцовые, а также однодворцы) верхняя расправа выступала апелляционной инстанцией для нижней. Верхняя расправа включала два департамента: уголовный и гражданский. Судьи назначались правительством в верхнюю расправу и губернским правлением — в нижнюю. Заседатели избирались по волостям из крестьян¹⁶.

По-прежнему наибольшей мерой судебной самостоятельности отличались черносоловьиные (государственные, экономические) крестьяне, фактически располагавшие выборными волостными судами. Правда, при Петре I «Приказ и Канцелярии забрали в свои руки весь суд, не только по важным, но даже по маловажным делам. Если в крестьянских общинах в первой половине XVIII века и существовали остатки общинного мирского суда, то это было делом факта, а не признанного законом права, — выражением невозможности для Приказа и Канцелярии проникнуть так глубоко в крестьянское самоуправление, а не явлением, которое законодатель готов был покровительствовать»¹⁷. Подобным же образом в первой половине XVIII в. дело обстоит и с общинными судами в дворцовых волостях.

Со второй половины XVIII в. начинается отход от жесткой регламентации судебной деятельности к некоторым элементам земской судебной независимости. В указах от 1764 и 1774 гг. отмечалось, что «Для прекращения крестьянских волокит и происходящего от того разорения дабы, за пространством маловажных и легкому суждению подлежащих дел письменным производством, не было напрасного канцелярских дел умножения» и разрешалось судиться между собой словесным судом выборных по незначительным делам. В развитие этого положения в течение второй половины XVIII и в первой четверти XIX в. было издано несколько законодательных актов: указом 17 февраля 1764 г. было разрешено однодворцам формировать свои

¹⁵ Белявский М. Т. Сословия и сословный строй // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 42.

¹⁶ См.: Вдовина А. Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. С. 173.

¹⁷ Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Тр. этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Зап. отд. Материалы и исслед., собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 6, изданный под наблюдением чл.-сотр. П. А. Гильтебрандта. СПб., 1872. С. 7.

суды из выборных; по указу от 13 августа 1764 г. такие же права получили бывшие монастырские крестьяне, получившие статус экономических крестьян, несколько позднее в специальных статьях ряда указов директорам экономий запрещалось вмешиваться в их судопроизводство по определенному перечню правонарушений¹⁸.

Наиболее полным и подробным правовым актом XVIII в., регламентирувавшим порядок волостного судопроизводства, стало Уставление сельского порядка в казенных селениях Екатеринославского наместничества 1787 г. Как полагают некоторые исследователи, этот документ стал прообразом законов Российской империи о крестьянских судах XIX в. По этому Уставлению «...сельское управление состояло из старшины, старосты, выборных или словесных разборщиков и сборщика. Число выборных или словесных разборщиков зависело от числа дворов местечка или села. Выборные обязаны были чинить разбирательство в сельской сборной избе по сущей справедливости и все способы принимать к примирению спорящих; в случае несогласия спорящих, выборные приглашали старшину и старосту на общее суждение. Если и этим способом не будет достигнуто примирения, то спорящим предоставлялось право выбрать сельских посредников. Не согласившиеся выбрать этих посредников или недовольные их приговором, имели право обратиться к суду Нижней Расправы. В малочисленных селениях, где не положено выборных, суд чинили старшина и староста через представленных от спорящих посредников»¹⁹.

Указом от 7 августа 1797 г. для государственных крестьян было введено волостное управление, обязанность разбирательства незначительных правонарушений была возложена на волостного голову, но все недовольные его решением имели право обращаться в государственные судебные инстанции в соответствии со своим сословным статусом. В 1812 г. указ этот был дополнен положением о том, что волостные головы должны разбирать дела на мирском сходе. Сельский и волостной суд в этот период не были, строго говоря, официальными. В них обращались по желанию тяжущихся сторон и чаще всего с целью достичь примирения. Как пишет А. Кистяковский, «в таком виде сельский и волостной суд находился до учреждения Министерства Государственных Имуществ, учреждения, обнявшего устройство казенных крестьян во всех его частях. Очевидно, до этого времени суд этот не имел строгой организации и определенности: свойство его зависело от тех, остающихся нам неизвестными, обычаев, которые издавна присущи были крестьянскому населению. Для исследования его свойств нет писанных материалов: можно было бы определить его

¹⁸ См.: Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение.

¹⁹ Там же. С. 8.

свойство только посредством тщательного собрания устных преданий»²⁰.

Лишь в 1838 г. было издано первое общее законодательное положение о судопроизводстве у государственных крестьян, а в 1839 г. были изданы сельский и судебный уставы. По этим актам сельский и волостной суды определялись как «суд домашний», состоящий из двух инстанций: сельской расправы и волостной расправы. «Сельская Расправа состояла под председательством сельского старшины, из двух добросовестных: одного старшего и другого младшего, избираемых по выбору на три года из государственных крестьян, отличающихся хорошим поведением и доброй нравственностью; Волостная же Расправа состояла под председательством волостного головы также из двух выборных волостных добросовестных. Письмоводство в Сельской Расправе возложено на сельского писаря, в Волостной — на волостного. Сельская Расправа имела свое местопребывание в главном селении и помещалась в том доме, где занимались делами сельский старшина и сельский писарь, а Волостная Расправа — при волостном правлении. Эти инстанции суда, следовательно, соответствовали двум инстанциям сельской администрации, так как каждый округ государственных имуществ разделялся на волости, а волости — на сельские общества»²⁰.

Помещичьи крестьяне были полностью отданы во власть своих господ, наделенных государством правами почти полного правового иммунитета. Как отмечают исследователи, в XVIII — начале XIX вв. государство никак не регламентировало и не регулировало помещичье судопроизводство²¹. Поэтому характер крестьянского правосудия и мера его независимости у этой категории крестьянства полностью зависели от воли, а часто и прихоти помещиков.

Основным источником по этой проблеме являются помещичьи «наказы вотчинным приказчикам», которых обнаружено в архивах не менее полусотни. Некоторые из них представляют собой весьма объемные документы, определяющие обязанности, права и меры наказаний за правонарушения, относящиеся как к отдельным крестьянам, так и к органам крестьянского самоуправления. Наиболее обстоятельными кодексами помещичьего вотчинного права были «наказы» Черкасских-Шереметевых (1719—1764 гг.), А. П. Вольнского (1725 г.), П. А. Румянцева (1751—1766-е гг.), М. М. Щербатова (1758 г.), В. Г. Орлова и И. И. Шувалова (1790-е гг.), Н. П. Панина (1820 г.), Строгановых (1837 г.)²². «Наказы приказчикам» были, конечно же, частным делом помещиков, но государство и общественность относи-

²⁰ Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение. С. 10.

²¹ См.: Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1899. С. 179—202; Вдовина А. Н. Право и суд. С. 161.

²² См.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 51, 319—322.

лись к этому жанру весьма серьезно, о чем говорит, в частности, «конкурс на лучший наказ для приказчика имений», объявленный в 1768 г. Вольным экономическим обществом. Материалы этого конкурса показывают, что дворянство «обладало и опытом и традициями в кодификации своих частновладельческих прав»²³.

В. А. Александров в своих трудах²⁴ собрал обильный материал, который представляет широкий диапазон вариантов сочетания помещичьей власти и крестьянского самоуправления. Им было выделено три основных типа такого сочетания: 1) «вотчинно-полицейский режим», характерный преимущественно для барщинных имений, при котором «помещики, „осваивая“ общину и развивая вотчинное законодательство, присваивали себе все права по управлению и регулированию жизни деревни во всем ее многообразии; при этом община могла существовать больше в сознании крестьян, нежели в действительности»²⁵; 2) «общинная организация вотчин», при которой помещик, «оставляя за собой лишь общий надзор и доверяя общине, чаще оброчной, давал более или менее широкие права по самоуправлению, оставляя на ее усмотрение выборность всей администрации, ведавшей как собственно вотчинными, так и общинными делами»²⁵; 3) наиболее распространенные «смешанные формы вотчинно-общинного управления, при которых представители деревни, выборные или назначенные феодалом либо его управляющим (приказчиком), составляли низшее звено вотчинной администрации, связующее вотчину и общину и обеспечивавшее административный и полицейский надзор за крестьянами и повседневное выполнение ими барщинных работ... Тем самым община сохраняла в известной степени роль органа с выборными представителями, регулирующего хозяйственную и бытовую жизнь деревни»²⁶.

Проанализированные Александровым «наказы для приказчика имений», относящиеся к первому типу, демонстрируют и такие правила, по которым вотчинно-полицейский режим полностью исключал какие бы то ни было права крестьян и регламентировал их жизнь вплоть до мельчайших деталей. Судопроизводство в условиях вотчинно-полицейского режима осуществлялось примерно так, как это предписывалось в «Инструкции» А. П. Волынского своему дворецкому. «Замеченные нарушения докладывались десятскими приказчику, после чего творились розыск, суд и наказание. Эта важнейшая функция была поручена „общему собранию“ приказчика, старост, выборных и десятских»²⁷. Такие же, если не еще более жесткие предписания содержались

²³ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 54.

²⁴ См.: там же; он же. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984 и др.

²⁵ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начале XIX в.). С. 112.

²⁶ Там же. С. 113.

²⁷ Там же. С. 56.

в наказе В. Н. Татищева, в котором можно обнаружить детальный перечень возможных крестьянских прегрешений в общественной и личной жизни, вплоть до несоблюдения чистоты в избе. Каждому проступку соответствовало определенное наказание — от содержания в вотчинной тюрьме до насильной отдачи «в батраки без заплаты» к состоятельным односельчанам²⁸.

Показательны порядки в имениях В. Н. Самарина, который в 1809 г. издал распоряжение «О неприличности бабам и девкам сиречь без тяглов; ни мужеску полу старикам, не содержащих тягол, жить домами»²⁹. В таких вотчинах вся судебная власть сосредоточивалась в руках приказчиков помещика, которые порой регламентировали не только порядок и исход судебных разбирательств, но и время тупения света в избах по вечерам, принимали решения о том, кому и на ком жениться и т. п. Как показывает анализ экономического развития таких вотчин, они рано или поздно приходили в упадок и нелепые ограничения, доходящие до самодурства приходилось отменять, давая крестьянам минимум самостоятельности. Примечательно, что наследник В. Н. Самарина Ф. В. Самарин основательно изменил принципы управления своими имениями, отказавшись от мелочной регламентации крестьянской жизни, и сделал это, насколько можно судить по документам, по причине значительного падения их доходности в последние годы жизни отца³⁰. Довольно точно положение крепостного крестьянства в условиях вотчинно-полицейского режима охарактеризовала Л. Н. Вдовина: «Власть помещика над крестьянами превышала пределы, установленные законом, и поэтому действительное положение крепостного было хуже его юридического положения»³¹.

Второй тип взаимоотношений между помещиком и общиной, отмеченный порой значительной независимостью органов крестьянского самоуправления, наиболее полно отражен в кодексе графа В. Г. Орлова, составленном в 1790-х гг. В соответствии с указаниями графа все управление в общине передавалось мирскому сходу, причем, в гигантских владениях Орлова вводилось три уровня этого органа самоуправления — сельские, волостные и валовые (ведавшие делами всей вотчины) сходы. В каждой сельской общине на сходе избирались староста и шесть судей (думчих). Все споры между крестьянами и прочие общинные дела отдавались на решение схода и выборных, которые распределяли земельные наделы, раскладывали оброк и казенные повинности. Крестьянский мир в вотчинах Орловых сам

²⁸ Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 12. М., 1852. С. 20—29.

²⁹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 63.

³⁰ См.: там же. С. 64.

³¹ Вдовина Л. Н. Право и суд. С. 175.

выдавал разрешения крестьянам на временные отлучки, выступал поручителем за своих членов перед помещиком и нес ответственность за все их повинности на основе круговой поруки³².

Князь С. Б. Куракин в своих имениях всю судебную власть отдал выборным бурмистрам и крестьянским поверенным, оставив за своими приказчиками лишь контроль за выполнением финансовых и экономических обязанностей крестьян³³.

Третий тип правовых отношений между помещиком и общиной ярко представлен в инструкциях своим приказчикам Д. А. Шепелева, гофмаршала двора Петра I, датированных 1718 г. Судопроизводство по этим инструкциям осуществлялось приказчиком помещика, но обязательно на мирском сходе, причем, основанием для принятия судебных решений предписывалось брать государственные законы и указы помещика: «всякая расправа чинить между крестьян по указу великого государя и по уложению и по новоуказным статьям и по присланным домовым указам»³⁴.

Во всех отмеченных вариантах сочетания помещичьей власти и общинного самоуправления содержание норм обычного права мало интересовало помещиков — одних потому, что они сами взяли на себя судебные функции, а других интересовал лишь результат крестьянского правосудия — поддержание социального порядка, как условия выполнения экономических обязанностей крестьян. Все это объясняет скудость информации об обычном праве в исторических документах XVIII — первой половины XIX вв. А. А. Новосельский, исследовавший по помещичьим наказам порядки в вотчине А. И. Безобразова, отмечает: «Приказчику не дано было право судить единолично. Этот основной пункт деревенской конституции твердо знали крестьяне, хотя указы почти ничего не говорят об этом; такое положение подразумевалось; в наказах находим лишь одно лаконичное замечание о том, что приказчик должен был вершить суд и карать „огурщиков“ не единолично, а „на всем мире“, т. е. на сходе. Наказы не регулируют вотчинного суда вовсе... все определялось издавна действовавшим обычаем»³⁵. Глухие указания на действие обычного права у крестьян иногда встречаются в документах, подобных приказу В. Г. Орлова, направленному в 1775 г. в ярославскую вотчину, в котором по поводу одного случая крестьянского наследства сказано: «пожитки его отдать наследникам законным так, как у вас водится в таковых случаях»³⁶. Сколько-нибудь же детального отражения норм обычного крестьянско-

³² См.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 75.

³³ Там же. С. 71.

³⁴ Цит. по: Петровская И. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Ист. архив. Т. 8. М., 1953. С. 235.

³⁵ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929. С. 73.

³⁶ Цит. по: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 303.

го права в документах XVIII — первой половины XIX вв. обнаружить не удастся.

Крестьянское судопроизводство в пореформенной России.

После отмены крепостного права в 1861 г. Россия вступила в эпоху реформ, среди которых была и судебная реформа. «По судебной реформе были созданы две самостоятельные судебные системы — местные суды и общие суды. Местными судами являлись мировые и волостные суды, общими — окружной суд и судебные палаты. Во главе всей судебной системы России продолжал оставаться Сенат»³⁷.

Волостные суды в том виде, в каком они были учреждены после реформы 1861 г., получили свое начало в 1839 г., когда была сделана попытка государства реставрировать древние формы народного судопроизводства среди казенных крестьян и придать им официальный правовой статус, введя в Свод законов Российской империи соответствующие положения. По закону от 16 февраля 1861 г. 22 миллиона крепостных крестьян получили право своего суда по незначительным преступлениям и проступкам. Общие принципы волостных судов, содержащиеся в законе 1861 г., вводились в действие с 1864 по 1867 г., причем не для всех крестьян сразу, а отдельно для разных его категорий. Для лично свободных крестьян, живущих на помещичьих землях в западных губерниях, — Указом от 25 июля 1864 г.; для территорий, населенных башкирами, — Указом от 2 июля 1865 г.; для заводских крестьян Ижорского, Сестрорецкого и Райволовского заводов — Указами от 22 ноября 1866 г. и 7 февраля 1867 г.; для крестьян Закавказского края — Указами от 13 октября 1864 г., 20 июня 1865 г., 13 октября 1865 г. и 28 сентября и 1 декабря 1866 г. В 1866 г. законоположения о волостном суде были введены в действие для всех государственных крестьян, после чего законы о крестьянском суде стали официально действующими для всего сословия. Позже правительство неоднократно издавало правовые акты, вносящие в деятельность волостных судов изменения и дополнения.

Все перечисленные акты имели свои особенности (к примеру, в Указах, относящихся к крестьянским судам Закавказского края, нет такой меры наказания, как порка розгами, хотя для других регионов она предусматривалась), но в целом они не противоречили закону 1861 г. Организация крестьянского суда по этому закону в значительной степени была построена на принципах законодательства 1839 г., однако либеральный дух времени сказался в том, что в положении о крестьянском суде административная и судебная власти были отделены друг от друга. Несмотря на то, что сельский староста и волостной старшина имели право собственной властью подвергать наказаниям крестьян за совершение ряда проступков, в деятельности волостного

³⁷ История государства и права СССР. С. 498.

суда они не принимали никакого участия, им было запрещено вмешиваться в производство волостного суда и даже присутствовать на его заседаниях. Однако позже, по Временным правилам о волостных судах от 1889 г., принцип разделения судебной и административной власти был отменен — председателем волостного суда теперь стал волостной старшина по должности, волостной сход по этим правилам избирал только кандидатов в судьи, а назначал их земский начальник (вновь введенная должность)³⁸.

Крестьянский суд в 1861 г. был образован из одной инстанции — волостного суда. На волостном сходе выбиралось ежегодно от четырех до двенадцати очередных судей. Определение числа судей и установление между ними очереди зависело от волостного схода в соответствии со следующими правилами: заседание суда должно состоять не менее, чем из трех судей; судьи могли быть избраны или для бессменного исполнения своих обязанностей в течение года, или по очереди, порядок которой устанавливался сходом; сход мог, если признавал нужным, определить судьям вознаграждение по своему усмотрению за время отправления ими этой должности³⁹.

По положению о волостном суде ему были подсудны крестьяне за те преступления и проступки, которые совершались одними крестьянами — без участия лиц других сословий — и, притом, в пределах волости и против лиц своего сословия, когда эти проступки не были связаны с преступлениями, подсудными общим судам. В виде исключения волостному суду были подсудны крестьяне за проступки, совершенные и против лиц других сословий, если потерпевшие от проступка выражали желание обратиться к этому суду. Волостной суд данной волости судил как крестьян своей волости, так и крестьян других волостей за проступки, совершенные на территории, ему подсудной.

В законе 1861 г. нет перечня преступлений, подсудных волостному суду, но есть ссылка на судебный устав 1839 г., в котором имеется определение мер наказания за целый ряд преступлений, совершаемых государственными крестьянами. Волостной суд по закону 1861 г. имел право присудить виновного к следующим наказаниям: к общественным работам до 6 дней; денежному штрафу до 3 рублей; к аресту до 7 дней; и к наказанию розгами до 20 ударов⁴⁰.

В законе 1861 г. лишь два раза упоминается обычное право крестьян, регулирующее устройство волостных судов. В частности, говорится о том, что там, где суд уже существует на основании «местных обычаев», он сохраняется с условием, чтобы в избрании

³⁸ История государства и права СССР. С. 500.

³⁹ См.: Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение. С. 11.

⁴⁰ См.: Там же. С. 12.

судей участвовала целая волость, а также, что «волостному суду предоставлено право решать тяжёлые дела, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту». Характерно, что юристы — современники процесса введения волостных судов отмечают полное неведение официальной юстиции о том, «есть ли крестьянские суды, устроенные на основании обычаев»⁴¹.

Волостной суд по принятому положению должен был собираться через каждые две недели по воскресеньям, а в случае необходимости он мог созываться волостным старшиной в другие дни и чаще. Основаниями для возбуждения дел в волостном суде являлись: жалоба потерпевшего или его родителей, если он не достиг совершеннолетия; требование волостного старшины, его помощника или сельского старосты; заявления свидетеля преступления в том случае, если потерпевший по каким-либо причинам сам не мог обратиться с жалобой. Разбор дел в волостном суде производился словесно, но в каждой волости было предписано завести специальную книгу, в которую вписываются приговоры волостного суда, а также имя виновного, вина его и мера наложенного на него взыскания. Приговоры волостного суда считались окончательными и не подлежавшими отмене ни в апелляционном, ни в кассационном порядке. Это положение закона 1861 г. было изменено законом от 14 февраля 1866 г., по которому разрешалось приносить уездному съезду мировых посредников жалобу в следующих случаях: когда суд принимал решение по делу, которое по закону было неподсудно ему; когда суд приговаривал к наказанию в мере, превышавшей его полномочия; или решал дело с нарушением предписанного ему процессуального порядка (к примеру, не вызвал на процесс всех причастных к делу лиц). При рассмотрении представлений об отмене решений волостных судов мировой съезд ограничивался лишь обсуждением вопроса, он или возвращал дело в волостной суд для пересмотра его решения, или отсылал дело на рассмотрение суда, к чьей компетенции это дело относилось⁴².

2.3. Источники и литература по обычному праву российского крестьянства

В середине XIX в. отношение к обычному праву вообще и к крестьянскому правосудию в частности со стороны государственных органов и общественности России резко изменилось. Учреждение волостных судов после реформы 1861 г. вызвало потребность в

⁴¹ Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение. С. 13.

⁴² См.: там же С. 13—14.

информации о юридических обычаях крестьянства, которая была нужна для «встраивания» народной правовой культуры в систему российского законодательства, в частности, для издания законов о волостных судах и разработки инструкций для чиновников, призванных надзирать за их деятельностью. Все это породило значительный общественный интерес к традиционной правовой культуре крестьянства, а ряд научных дисциплин заставило переориентировать направление их исследований. Так, молодая научная дисциплина — этнография, конституировавшаяся в рамках Императорского Русского географического общества (ИРГО) в 1845 г., совершила в это время довольно резкий поворот от преимущественного изучения фольклора и обрядности к интенсивному изучению общины и обычного права народов России вообще и крестьянства, в частности⁴³. Это изучение началось, естественно, со сбора эмпирического материала о правовых аспектах народной жизни.

Пионером в этом деле можно считать Николая Васильевича Калачова, который с 1860 по 1865 г. руководил Отделением этнографии ИРГО. В 1864 г. он при содействии известного юриста П. А. Муллова разработал и издал в «Этнографическом сборнике» «Программу для собирания народных юридических обычаев»⁴⁴, которая была в скором времени выпущена отдельным изданием, а также перепечатана во многих «Губернских ведомостях».

Вслед за первой программой в столице империи и в губернских городах стали создаваться и публиковаться аналогичные документы. Так, Архангельский статистический комитет в 1864 г. опубликовал в «Архангельских губернских ведомостях» довольно подробную «Программу обычного права» секретаря комитета П. П. Чубинского⁴⁵. В 1866 г. в Архангельске же П. С. Ефименко опубликовал свою «Программу обычного права»⁴⁶, а в 1868 г. она вышла в переработанном и значительно расширенном виде⁴⁷. В 1875 г. вышла в свет «Программа юридических обычаев» В. Н. Майнова⁴⁸, а в 1877 и 1879 гг. две программы П. А. Матвеева⁴⁹.

Деятельность по организации сбора данных об обычном праве стала более планомерной и теоретически обоснованной после создания в феврале 1876 г. «Комиссии о народных юридических

⁴³ См.: Зеленин Д. К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917—1925 гг. // Этнография. 1926. № 1—2. С. 133.

⁴⁴ См.: Этнографический сборник. Вып. 6. СПб., 1864.

⁴⁵ См.: Архангельские губернские ведомости. 1864. № 25.

⁴⁶ См.: Там же. 1866. № 35.

⁴⁷ См.: Там же. 1868. № 4—12.

⁴⁸ См.: Майнов В. Н. Программа юридических обычаев // Знание. СПб., 1875. № 4.

⁴⁹ Матвеев П. А. Программа для собирания народных юридических обычаев. Гражданское право. СПб., 1877; он же. Программа для собирания народных юридических обычаев. Суд и расправа. СПб., 1879.

обычаях» при Отделении этнографии ИРГО под руководством Н. В. Калачова. В эту комиссию вошли известные юристы и этнографы П. А. Матвеев, И. Я. Фойницкий, С. В. Пахман и др. Целью комиссии было обобщение опыта составления программ для сбора материала по обычному праву, выработка общих теоретических принципов изучения обычного права и, в конце концов, создание более совершенной и полной программы собирательской деятельности. Такая программа была создана и после многократного обсуждения вышла в свет в окончательном варианте отдельным изданием в 1889 г.⁵⁰

Кульминационным моментом или даже качественным скачком в деятельности по систематическому сбору данных о крестьянском обычном праве стала создание в 1898 г. князем Вячеславом Николаевичем Тенишевым знаменитого Этнографического бюро. Это бюро было образовано со специальной целью собирать материалы о крестьянстве по составленной им лично программе⁵¹. Помимо «крестьянской», Тенишевым была составлена и «городская» программа, но она не была опубликована и не получила реализации. «Крестьянская» программа содержала значительное количество вопросов, касавшихся правовой культуры крестьян.

Обращая взор на более чем полувековую историю создания программ сбора сведений о крестьянском обычном праве, необходимо отметить, что в рамках этого жанра возникли документы весьма отличающиеся друг от друга, но, тем не менее, имеющие общие черты. До появления программы В. Н. Тенишева в подавляющем большинстве программ доминировала юридическая логика, ибо составлялись они юристами, выполняющими заказ государственной юстиции, издавались в государственных печатных органах и на государственный счет. Это приводило к тому, что сфера крестьянского обычного права вольно или невольно в этих документах приобретала вид некоего дискретного социального института, подобного системе государственного права. В частности, одна из наиболее полных и систематических программ — программа Комиссии собирания народных юридических обычаев 1889 г. — может служить образцом своеобразной «юридификации» народных обычаев. Об этом говорит даже сама структура этого вопросника — в ней три главы: 1) Гражданское право, 2) Уголовное право, 3) Судопроизводство. Сами вопросы программы априорно расчленяют целостность народной культуры на фрагменты, свойственные государственной юстиции, но не характерные для крестьянского быта. Подобный подход лишь в какой-то степени соответствовал

⁵⁰ Программа для собирания народных юридических обычаев. Издание Комиссии собирания народных юридических обычаев, состоящей при Отделении этнографии ИРГО. СПб., 1889.

⁵¹ Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянстве Центральной России. Смоленск, 1897; он же. Программа этнографических сведений о крестьянстве Центральной России. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Смоленск, 1899.

действительной природе обычного права, которое нигде у крестьян не воспринималось как конкретный набор четких норм и процедур.

Обычное право (имеются ввиду не кодифицированные представлениями государственного аппарата обычаи) всегда существует в виде аморфного пространства представлений о правде и неправедности, справедливости и несправедливости, праведности и грехе, воплощенных в мифоподобных конструкциях коллективного бессознательного (ментальность)⁵². Абстрактные понятия о преступлении и о мере ответственности за него нехарактерны для крестьянской правовой культуры. В ней каждое деяние может оцениваться не по отвлеченным нормативным критериям, а в контексте конкретной ситуации, в которой существуют личность участников, время и место. Осуждению и наказанию подлежат люди не за нарушение правовой нормы как таковой, а за ущерб, нанесенный конкретному человеку или общине, поэтому часто наказание сводится к возмещению ущерба. Нередко преступление отождествляется с грехом, что и определяет отношение к нему общества.

Необходимо отметить также, что программы по обычному праву 60—80-х гг. XIX в., большинство которых составлены членами и сотрудниками ИРГО и губернских статистических комитетов, были, выражаясь на жаргоне современной социологии, «слабы в операциональном отношении», т. е. у них не было конкретного адресата, они редко содержали указания о технике и методике опроса и наблюдения, о способах проверки полученных данных и т. п. Опубликованные в печатных органах ИРГО, в неофициальной части губернских ведомостей или в научных журналах, они были обращены ко всем образованным людям, интересовавшимся крестьянской жизнью и имевшим желание и досуг писать о своих наблюдениях и впечатлениях. В этих программах отсутствовали сколько-нибудь эффективные способы стимулирования собирательской деятельности. Максимум, что могли сделать редакторы научных изданий, получив от этнографов-любителей информацию о крестьянских правовых обычаях, — это опубликовать ее в своих журналах с выражением благодарности авторам. Нечего и говорить, что достоверность полученной информации члены редакций и комиссий, как правило, проверить не имели возможности.

Все это приводило к тому, что информация об обычном праве, содержащаяся в корреспонденциях, присланных из различных местностей, как правило, не охватывала всех пунктов программ —

⁵² Современные исследователи обратили внимание на несоответствие норм крестьянского обычного права категориям государственной юриспруденции. См.: Levin M. Customary law and the Russian rural society in the post-reform era // *Russian Review*. Columbus (Oh.), 1985. Т. 44. N 1. P. 424; Селина Т. И., Чеснов Я. В. Обычное право в менталитете российского крестьянства: истоки плюрализма // *Обычное право и правовой плюрализм*: Материалы XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму. Авг. 1997 г. Москва. С. 194—199.

каждый корреспондент писал о том, что ему казалось важным или интересным; местности, об обычаях крестьянства которых писали корреспонденты, также были представлены неравномерно — не везде были желающие собирать материал и писать о нем; сами корреспонденты в большинстве своем не принадлежали к крестьянскому сословию, они представляли весь спектр российского образованного общества, как-то связанного с крестьянством (помещики, уездные чиновники, учителя, священники, волостные писари), выражали различные общественные течения по вопросу о судьбе общины и крестьянского хозяйства, поэтому были в своей собирательской деятельности каким-то образом ангажированы, определение же меры и характера этой ангажированности было весьма затруднительным при публикации материалов.

Отмеченные слабости программ, о которых идет речь, тем не менее, не должны заслонять их достоинств. Они были первым опытом внесения научно разработанной системы в получение информации о почти неизвестной науке реальности — крестьянском правосознании и правосудии. Как и всякая анкета, сконструированная из т. н. открытых вопросов, эти программы давали свободу исследователю, не сковывали его наблюдательности, стимулировали понимающее отношение к изучаемой реальности. Если малограмотный, предвзятый и бесталанный наблюдатель, одержимый графоманскими побуждениями или тщеславием, мог проявить все эти качества при ответах на вопросы программ, то образованный, способный, совестливый и неравнодушный к крестьянству человек вполне мог с помощью таких программ собрать ценную информацию. Надо сказать, недостатка в корреспондентах последней категории в пореформенной России не было.

Перечисленные нами недостатки программной собирательской деятельности 60—80-х гг. XIX в. были учтены и в значительной степени преодолены В. Н. Тенишевым и сотрудниками его Этнографического бюро. Отправным пунктом и организующим началом в работе этого бюро стала т. н. крестьянская программа Тенишева, получившая при первой публикации название «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная на основании сообщений, изложенных в книге В. Н. Тенишева „Деятельность человека“ князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булакова»⁵³. Программа выгодно отличалась от существовавших в то время документов этого жанра, прежде всего тем, что объектом исследования в ней выступал не один какой-либо искусственно вычлененный аспект народной жизни, а крестьянская культура как

⁵³ Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная на основании сообщений, изложенных в книге В. Н. Тенишева «Деятельность человека» князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булакова. Смоленск, 1897.

целостное образование. Каждое явление крестьянского быта автором программы воспринималось в контексте функциональных взаимосвязей с прочими явлениями, с крестьянской культурой в целом и с окружающим крестьянский мир обществом. Элементы системности в подходе Тенишева были обоснованы теоретически в его книге «Деятельность человека»⁵⁴, написанной в духе господствовавшей в конце XIX в. философии позитивизма и прагматизма, в частности, под влиянием социологических концепций О. Конта и Дж. Г. Льюиса.

Программа Тенишева охватывала все существенные стороны крестьянского быта, каждой из которых посвящался особый раздел (всего их было десять), теоретически обоснованный в его монографии: «Отличительные свойства организма», «Окружающий мир в отношении к людям данного племени или класса народа», «Исторический очерк», «Образ жизни народа», «Общественные установления», «Отношения между соотечественниками», «Верования, знания, язык, искусства», «Семья», «Сближение полов. Брак», «Выходящие из ряда обстоятельства»⁵⁵. Каждый из разделов был весьма пространно детализирован по подразделам (более 130) и по отдельным пунктам (около 500), а общее число вопросов программы достигало 2500.

Примечательно, что вопросы программы, касающиеся крестьянского обычного права, содержатся не только в специальных параграфах «Преследование преступлений» (§§ 14—43), «Суд и расправа» (§§ 44—90) и других, но и в остальных разделах. В частности, в § 96 «Повинности» внимание корреспондентов обращается на необходимость фиксации обычаев, регулирующих отношения крестьян по поводу общинных и государственных работ и сборов, а также способов разрешения конфликтов и споров с ними связанных; в § 185 «Промыслы» содержатся вопросы, касающиеся нормативной стороны организации артелей; в § 459 «Разврат» отражены моменты половой морали и способы наказания за случаи ее нарушения (снохачество, прелюбодеяния, добрачные половые связи и т. п.); в § 246 «Язык» есть вопросы, связанные с тем, что можно назвать крестьянским этикетом.

Такой подход в целом соответствует природе обычного права, ибо эта сфера соционорматики не дифференцирована, она как бы растворена в народной культуре и проявляется в повседневной жизни в виде реакции общины на любое отступление от освященных традицией правил поведения, где бы эти отступления ни проявлялись — в семейном ли быту, на общинных праздниках, в труде, в ситуациях раздела имущества, при наследовании имущества, при переделах земли, на молодежных играх, при сватовстве и на свадьбе.

Более важным достоинством собирательской деятельности В. Н. Тенишева и его бюро, на мой взгляд, выступает даже не сама по

⁵⁴ Тенишев В. Н. Деятельность человека. СПб., 1897.

⁵⁵ См.: там же. С. 48—80.

себе «крестьянская программа», а система организации получения на ее основе этнографической информации. Этнографическое бюро было создано на средства князя Тенишева в 1898 г. и просуществовало чуть более двух лет. Его штат был невелик, в него входили известный писатель С. В. Максимов, врач Н. Н. Попов, а также несколько технических работников. Однако эта небольшая группа в столь короткий срок благодаря организаторскому таланту и энтузиазму самого Тенишева сумела выполнить гигантский объем работ и получить уникальный этнографический материал. Получилось это отчасти и потому, что сбор сведений по «крестьянской программе» осуществлялся корреспондентами, чей труд оплачивался. Причем, оплачивался аккуратно и дифференцированно в зависимости от качества проделанной работы. Качество определялось по следующим критериям: охват всех пунктов программы, полнота информации по каждому пункту, достоверность и конкретность этой информации. За один печатный лист корреспонденции среднего достоинства выплачивался гонорар в размере 15 рублей, корреспонденции выше среднего достоинства — 20 рублей, корреспонденции высшего достоинства — 30 рублей. Корреспонденции, признанные членами бюро неудовлетворительными, не принимались и не оплачивались.

Корреспондентам рассылались подробные инструкции по технике сбора информации. Всего на Этнографическое бюро работало более 300 корреспондентов, подавляющее большинство которых были сельскими учителями, но были среди них и лица духовного звания, представители сельской и волостной администрации и уездные чиновники. Всего за время работы бюро в него поступило и было принято 1844 корреспонденции объемом около полутора тысяч печатных листов, или 40 тысяч страниц машинописного текста⁵⁶.

Все эти материалы после смерти В. Н. Тенишева в 1903 г. были переданы его вдовой М. К. Тенишевой в Музей императора Александра III в Санкт-Петербурге, а ныне хранятся в Государственном Музее этнографии народов России. Они полностью никогда не были опубликованы. Князь В. Н. Тенишев планировал издание двухтомного труда на основе собранного его бюро материала под названием «Быт великорусских крестьян-землепашцев», но его смерть помешала осуществлению этих планов. Материалы тенишевского бюро еще при жизни его владельца и руководителя использовали его сотрудники в небольшом количестве публикаций: С. В. Максимов в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила»⁵⁷; М. Попов в книге «Русская народно-бытовая медицина»⁵⁸; А. Стеллинг в книге «Рассказы из народного

⁵⁶ См.: Фирсов Б. М. «Крестьянская» программа В. Н. Тенишева и некоторые результаты ее реализации // СЭ. 1988. № 4. С. 48—49.

⁵⁷ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

⁵⁸ Попов М. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

быта»⁵⁹. Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева обрабатывал после смерти отца его сын В. В. Тенишев, который опубликовал по сей день наиболее представительную сводку данных о крестьянском обычном праве, хранящихся в архиве бюро. Его книга «Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых материалами покойного князя В. Н. Тенишева», была напечатана в Брянске в 1907 г.

Активный сбор материалов по обычному праву во второй половине XIX — начале XX вв. породил большое количество литературы на эту тему. Эта тема стала одной из самых главных и популярных в этнографических и иных изданиях. Складывается впечатление, что о «народно-юридических обычаях» стали писать все — гимназисты, студенты, офицеры, земские деятели, политические ссыльные, столичные и губернские чиновники и, конечно же, этнографы. Характер этих публикаций различен — это коротенькие заметки в газетах и журналах; обстоятельные описания юридических обычаев, многие из которых были составлены чиновниками по поручению столичных, губернских и даже уездных властей; научные статьи и монографии, написанные профессорами и членами Императорского Русского географического общества. Публикации по обычному праву крестьянства с 60-х гг. XIX в. стали регулярно появляться в официальных юридических журналах России — в «Журнале министерства юстиции», «Судебном вестнике», «Правительственном вестнике» и др.⁶⁰ В этнографических сочинениях, написанных на любую тему, было принято делать особый акцент на юридической стороне народной культуры. Появились и теоретические работы об обычном праве — русские и переводные.

Довольно быстро публикации по обычному праву превратились в лавинообразный поток, и стала ощущаться потребность в специальных библиографических работах, позволяющих ученым и практикам ориентироваться в этом потоке. Такие работы на рубеже веков появились в довольно большом количестве, но особенное место среди них занимают библиографические труды Е. И. Якушкина.

Е. И. Якушкин не был профессиональным этнографом, но занял в истории отечественной этнографии почетное место благодаря изданным им пяти томам, посвященным библиографии обычного права. Первый выпуск труда «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права» (всего вышло четыре выпуска) был напечатан в Ярославле в 1875 г. Он содержал указания на 1542 работы. Второй выпуск появился тоже в Ярославле 21 год спустя, в 1896 г. Он охватывал литературу, вышедшую с 1876 по 1889 г. и содержал

⁵⁹ Стеллинг А. Рассказы из народного быта. СПб., 1903.

⁶⁰ См., например: Добротворский И. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии // Юридический вестн. 1888. № 6, 7; Скоробогатый П. Роль крестьянских судей в процессе // Юридический вестн. 1881. № 6.

указания на 2389 работ. В 1899 г. вышла отдельная книга «Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права». В ней содержались указания на 1197 работ, увидевших свет в период с 1876 по 1890 г. и отчасти раньше. Два последних выпуска труда «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права» — третий и четвертый — вышли уже после смерти автора соответственно в 1908 и 1909 гг. в Москве. Оба выпуска были посвящены преимущественно работам по поземельному праву русского крестьянства. Третий выпуск содержал указания на 1008 работ, появившихся в период с 1876 по 1885 г. В четвертом выпуске помещены указания на 1053 работы, опубликованные в 1886 — начале 1904 г.

подавляющее большинство работ по крестьянскому обычному праву представляли собой публикации материалов, собранных на основе многочисленных программ, помещенных в изданиях ИРГО и в Губернских ведомостях, о которых шла речь выше. Не случайно, что наиболее активными авторами их стали составители программ, в частности, Н. В. Калачов, который в конце 50-х гг. XIX в. организовал издание серии трудов под названием «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Он же написал ряд исследовательских работ по обычному праву⁶¹. С публикациями и обобщением собранного материала выступили и другие активисты «программного метода» — И. Я. Фойницкий⁶², П. С. Ефименко⁶³, П. А. Матвеев⁶⁴ и др.

Материалы, сбор которых был стимулирован программами по обычному праву, легли в основу огромного числа публикаций, среди которых стоит упомянуть работы К. Чепурного⁶⁵, Н. Кострова⁶⁶, А. Г. Смирнова⁶⁷, И. Шрага⁶⁸, И. Г. Оршанского⁶⁹, П. Скоробогатого⁷⁰,

⁶¹ Калачев Н. В. Юридические обычаи в некоторых местностях // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Вып. 2. СПб., 1859; он же. Артели в древней и новой России. СПб., 1864 и др.

⁶² Фойницкий И. Я. Народные обычаи по уголовному праву // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. Под ред. П. А. Матвеева // Зап. ИРГО. Т. 8. СПб., 1878.

⁶³ Ефименко П. С. Договор о найме пастуха. там же; он же. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869.

⁶⁴ Матвеев П. А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Сб. народных юридических обычаев. Т. 1.

⁶⁵ Чепурный К. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874.

⁶⁶ Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.

⁶⁷ Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877.

⁶⁸ Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний. М., 1877.

⁶⁹ Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.

⁷⁰ Скоробогатый П. Устройство крестьянских судов. М., 1880.

П. Березанского⁷¹, М. Н. Харузина⁷², В. Птицына⁷³, М. Ганенко⁷⁴, В. Ф. Мухина⁷⁵.

Можно сказать, что во второй половине XIX в. российские ученые и земские энтузиасты открыли не только для общественности и правительства своей страны, но и для мировой науки практически неизвестный ранее мир крестьянства со своеобразными укладом жизни, моралью и правом. Недаром известный британский ученый Теодор Шанин в своей статье, помещенной в книге с показательным названием «Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире», оценил этот вклад российских ученых как «мировое лидерство в изучении крестьянства». «Эта работа, — пишет он, — была начата выдающейся группой ученых, сосредоточенных в земствах и российских университетах и посвятивших себя вопросам сельского хозяйства, здравоохранения и общественных наук и изучавших в особенности сельское население страны. Они сочетали профессиональное мастерство с преданностью делу улучшения жизни большинства своего народа и последовательной серьезной работой в тяжелых, как правило, условиях. Их труд встречал поддержку со стороны многих тысяч „непрофессиональных” сельских помощников: учителей, духовенства, просвещенного дворянства, но больше всего — со стороны тех, кого тогда называли сознательными мужиками, представлявшими собою новую местную элиту — более умелых и тесно связанных с сельской интеллигенцией производителей»⁷⁶.

Источниковедческая характеристика основных материалов по дореволюционному крестьянскому правосудию. Во всем массиве материалов 2-й половины XIX — начала XX вв., отражающих особенности крестьянского правосудия по нормам обычного права, можно, не без условности, выделить три основные группы документов: 1) этнографические описания народных юридических обычаев, созданных учеными, чиновниками, представителями сельской интеллигенции, зачастую на основе «программ собирания народных юридических обычаев»; 2) документы крестьянского правосудия и официально-

⁷¹ Березанский П. Обычное уголовное право Тамбовской губернии. Киев, 1880.

⁷² Харузин М. Очерки юридического быта народностей Сарapulьского уезда Вятской губернии. М., 1883.

⁷³ Птицын В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886.

⁷⁴ Ганенко М. Семейно-имущественные отношения крестьянского населения в Елисаветградском уезде. СПб., 1886.

⁷⁵ Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888.

⁷⁶ Шанин Т. Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. М., 1992. С. 21.

го законодательства о крестьянских (волостных) судах; и 3) аналитические работы юристов, посвященные проблемам содержания норм обычного права, а также проблемам устройства народных судов и перспектив их развития в системе российской юстиции.

Можно зафиксировать широкий спектр профессиональных и идеологических позиций авторов, пишущих о обычном праве русского крестьянства во 2-й половине XIX — начале XX в. Наиболее существенные для данной темы мировоззренческие направления — народническое, официально-государственное, либерально-буржуазное — заслуживают особого внимания при использовании имеющихся материалов, в особенности в аналитических статьях юристов, современников учреждения и реформирования крестьянской юстиции.

В изучении обычного права крестьянства особенно важны тексты, представляющие собой эмпирические описания крестьянских правовых обычаев. Некоторые из них — это короткие заметки или статьи, освещающие либо отдельные аспекты крестьянского правосознания и судопроизводства, либо обычаи какой-либо ограниченной местности. К таким материалам, к примеру, относятся статьи анонимного автора «Заметки о крестьянской семье в Новгородской губернии»⁷⁷; П. А. Матвеева «Очерки народного юридического быта Самарской губернии»⁷⁸; Соколова «Судья-земля»⁷⁹; Е. Т. Соловьева «Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии»⁸⁰ и его же «Преступление и наказание по понятиям крестьян Поволжья»⁸¹; В. П. Тихонова «Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии»⁸².

Подобного рода материалы в сжатой форме представляют различные аспекты крестьянской правовой культуры фактами, полученными в различных местностях. В частности, в них представлена информация обо всех основных видах традиционного крестьянского правосудия — семейный суд, третейский суд, общинный суд, волостной суд, самосуд и ритуально-магическая форма разрешения споров.

Особое место среди материалов о правовой культуре крестьян дореволюционного периода представляют книги П. С. Ефименко

⁷⁷ Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 / Под ред. С. В. Пахмана // Зап. ИРГО. СПб., 1900.

⁷⁸ Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 8 / Под ред. П. А. Матвеева. СПб., 1878.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. Под ред. С. В. Пахмана // Зап. Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900.

⁸¹ Там же.

⁸² Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 3 / Под ред. Н. Н. Харузина. М., 1891.

«Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии»⁸³ и В. В. Тенишева «Правосудие в русском крестьянском быту...»⁸⁴ Книга Ефименко примечательна тем, что она является одной из первых объемных публикаций по обычному праву крестьян и, следовательно, отражает наиболее раннее его состояние. Кроме того, эта книга стала своеобразным эталоном систематизации и публикации материала по обычному крестьянскому праву, собранного на основе «программного метода», и поэтому во многом определила характер последующих публикаций на эту тему.

Определенный интерес для исследователя настоящей темы представляет статья Е. И. Якушкина «Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия»⁸⁵. Эта статья, строго говоря, не является эмпирическим описанием этнографического материала, так как автор ее поставил перед собой задачу сравнительно-исторического анализа ряда религиозно-магических представлений на широком материале мировой этнологии с привлечением теоретических обобщений (во многом устаревших) видных ученых XIX в. Тем не менее, львиная доля ее фактического материала относится к российскому крестьянству, причем, он извлечен из малодоступных и малоизвестных источников.

Важнейшим блоком эмпирического обеспечения изучения обычного права крестьян дореволюционного периода являются документы официального законодательства о крестьянстве и крестьянского судопроизводства, в частности, закон Российской империи «О Волостном суде. Временные правила о Волостном суде в местностях, в которых введено Положение о Земских Участковых начальниках»⁸⁶ и «Народные юридические обычаи по решениям волостных судов»⁸⁷. Закон о волостном суде — это один из наиболее полных официальных юридических актов, касающихся народного судопроизводства. Именно на основе положений этого документа осуществлялось крестьянское правосудие на рубеже XIX—XX вв. Без учета этих положений невоз-

⁸³ Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Тр. Архангельского губернского Статистического комитета за 1867 и 1868 гг. Вып. 3. Архангельск, 1869.

⁸⁴ Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск, 1907.

⁸⁵ Якушкина Е. И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // ЭО. 1891. № 2.

⁸⁶ Свод законов Российской империи. В 5 кн. Издание неофициальное. Кн. 3. Т. 8. Ч. 2—11. Отд. 4. О Волостном Суде. СПб., 1912.

⁸⁷ Народные юридические обычаи по решениям волостных судов // Тр. этнографическо-стат. экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским русским географическим о-вом. Юго-Зап. отдел. Материалы и исслед., собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 6, изданный под наблюдением чл.-сотр. П. А. Гильдебрандта. СПб., 1872.

можно адекватно представить себе крестьянскую правовую культуру того времени, так как они оказывали на нее существенное влияние. Если указанный закон представлял собой некую идеальную модель крестьянского правосудия, то решения волостных судов — это ее практическая реализация, в которой сталкиваются официальные юридические предписания с крестьянскими обычаями. Это столкновение нередко имеет вид несовместимого сочетания, что особенно интересно для исследователя обычного права. Приведенные в указанном выше издании решения волостных судов были собраны П. П. Чубинским и его сотрудниками непосредственно из «книг записи решений волостных судов». Эти решения сгруппированы по основным разделам права — «Преступления против собственности», «Преступления против личной безопасности», «Преступления против власти, порядка управления, благоустройства и благочиния». Такая организация материала дает возможность ознакомиться со всеми аспектами правовой культуры и судебной практики крестьянства.

Важным источником по настоящей теме являются сочинения видных юристов конца XIX — начала XX вв., которые принимали участие в разработке и совершенствовании российского законодательства о крестьянах. В частности, статья А. Кистяковского «Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение»⁸⁸, помимо краткого очерка об истории крестьянского правосудия, охватывающего период от Киевской Руси до середины XIX в., дает детальный анализ процесса введения древней крестьянской правовой традиции в систему государственной юстиции. Кистяковский рассматривает юридические предпосылки введения в 60—70-х гг. XIX в. законодательных актов о волостном суде, а также дает правовую характеристику каждого из этих актов. Особый интерес представляют те разделы статьи, которые посвящены анализу волостной юстиции, построенному на сравнении волостных судов с общими государственными судами. Его отношение к волостной юстиции не лишено нелицеприятной критики — он отмечает засилье в них сельской администрации, склонность к грубым формам наказания, продажность судей, чаще всего выражающаяся в виде требований «магарыча» и др. Но в целом это отношение окрашено либерально-народническими тонами. По его мнению, волостной суд — это органичное выражение крестьянского мировоззрения, нравственности и жизненного уклада, он гораздо более мягок, чем общий суд (к примеру, за одно и то же преступление он призван назначать в десятки раз менее строгое наказание, чем общий суд). К достоинствам волостного суда он относит близость к народу, быстроту и простоту делопроизводства, что значительно уменьшает судебные расходы. В дискуссии о судьбе волостного суда, который некоторые

⁸⁸ Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение.

юристы предлагали заменить мировым судом, Кистяковский встал на его защиту.

Статья П. П. Чубинского «Краткий очерк народных юридических обычаев, составленный на основании прилагаемых гражданских решений»⁸⁹, демонстрирует довольно распространенную в пореформенной России романтическую народническую точку зрения на природу крестьянских обычаев. Чубинский однозначно воспринимает обычное право крестьян как выражение правды, нравственности и мудрости народной.

Работы С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России. Юридические очерки»⁹⁰ и А. А. Риттиха «Крестьянский правопорядок»⁹¹ лишены той выраженной идеологической направленности, которая характерна для рассмотренных выше статей. Это сугубо профессиональные юридические труды, созданные с целью объективного анализа состояния крестьянского правосудия. Особую ценность представляет то обстоятельство, что написаны они на основе огромного и хорошо систематизированного фактического материала. Труд Пахмана — это аналитическая обработка материалов, собранных «Комиссией по преобразованию волостных судов». Эта Комиссия с 1873 по 1874 г. издала семь объемных томов своих «Трудов», содержащих данные о волостной юстиции 15 губерний Европейской России. Пахман, ни на шаг не отступая от фактов (ссылки на них занимают добрую половину текста), представил все разновидности крестьянских судов (суды старост, сельских сходов, волостные суды, суды третейские, «специальные суды» и др.), а также все основные элементы судебного процесса (самопризнание, показания свидетелей, рассмотрение документов, осмотр места преступления, присяга, божба, жребий, обычай «трех пополам», исковая давность и пр.). Все это позволяет рассматривать работу Пахмана не только как юридическое исследование, но и как добротный источник по обычному праву российского крестьянства.

Труд Риттиха имеет такой же характер. Он обобщает фактический материал «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», которое сформировало в 49 губерниях России местные комитеты (губернские и уездные, общим числом 531), которые были призваны не просто собрать факты по пунктам разосланных анкет, но

⁸⁹ Чубинский П. П. Краткий очерк народных юридических обычаев, составленный на основании прилагаемых гражданских решений // Тр. этнографическо-стат. экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским русским географическим о-вом. Юго-Зап. отдел. Материалы и исслед., собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 6, изданный под наблюдением чл.-сотр. П. А. Гильебрандта. СПб., 1872.

⁹⁰ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. СПб., 1877.

⁹¹ Риттих А. А. Крестьянский правопорядок // Высочайше учрежденное Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России. СПб., 1904.

и высказать свои суждения о состоянии крестьянства и о необходимых мерах по улучшению его положения. К 1 августа 1903 г. «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» поступили в «Особое совещание», они содержали письменные доклады отдельных должностных лиц и заключения губернских и уездных комитетов. Риттих обобщил те экспертные оценки, которые касались крестьянских судов, представив широкий спектр суждений по наиболее острым проблемам судопроизводства, в частности, по проблеме телесных наказаний. Тщательное воспроизведение текстов, пришедших с мест, делает работу Риттиха хорошим источником по теме настоящего издания.

Исследования и материалы по обычному праву русского крестьянства советского и постсоветского периодов. Изучению истории и теории обычного права в науке советского времени, в отличие от XIX — начала XX вв., уделялось относительно мало внимания. Отчасти это можно объяснить тем, что в 20-х гг. XX в. началась кампания против бытующих среди народов России, в особенности кавказских и степных, норм адата⁹². Нередки были случаи трактовки отношений, регулируемых нормами обычного права, в терминах классовой борьбы, что сплошь и рядом было их идеологическим искажением⁹³.

Изучение традиционных норм обычного права как бы ушло из юридической плоскости, т. е. из системы специфических понятий и методов, свойственных юридической науке. Оно осуществлялось чаще всего в рамках этнологических и исторических подходов — собственно юридическая специфика первобытных и крестьянских обычаев нередко отходила на второй план, а основное внимание уделялось анализу социальных, экономических, хозяйственных, идеологических, психологических аспектов родовой, племенной и общинной организации, семейно-брачных отношений⁹⁴. Надо сказать, природа кре-

⁹² См.: Абазатов М. О вреде пережитков шариа и адата в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления. Грозный, 1963; Карачайлы И. Борьба против горских адатов - борьба за социализм // Революция и горец. Ростов-н/Д., 1932. № 8—9; Балабан К. Борьба с пережитками родовой быта и вызванные ими преступления // Рабочий суд. 1928. № 20.

⁹³ См.: Еренов А. Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Абрамзон С. М. Современное манаство в Киргизии // СЭ. 1934. № 6; Гаврилов М. Ф. Классовый состав «букары» горной Киргизии и «Манап» // Современный аул Средней Азии. Вып. 10. Загорная волость (Каракол-Нарынского округа Киргизской АССР). Ташкент, 1927.

⁹⁴ См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974; он же. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Кн. 1. Ч. 1—3. М., 1993; Першин А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // ТИЭ. 1960. Т. 54; Алаев А. Б. Проблемы сель-

стьянского обычного права вполне допускает подобную исследовательскую установку, так как, в отличие от права государственного, «народно-юридические обычаи» не представляют собой отдельного социального института, они «растворены» в социальном пространстве и могут быть выделены лишь специальными исследовательскими средствами. Именно по этой причине работы советских историков и этнологов внесли значительный вклад в изучения обычного права, но, тем не менее, оставили немало «белых пятен» в этой сфере, которые призвано заполнить междисциплинарное направление, иногда именуемое «юридической антропологией», или «юридической этнологией».

Обычное право народов стало специальным предметом изучения в деятельности незначительного числа исследователей, которых можно назвать пионерами советской «юридической этнологии». К ним относятся М. О. Косвен⁹⁵, а в более позднее время А. И. Першиц, Л. Е. Куббель, В. К. Гарданов, И. Е. Сеницына, С. А. Фукс, В. А. Зибарев и др.⁹⁶ Спорадически затрагивалась тема обычного права и юристами, в особенности специализирующимися по истории права⁹⁷, а также историками⁹⁸.

Изучение обычного права в нашей стране оживилось в последние два десятка лет. Группа исследователей, представляющих различные научные дисциплины, объединилась в семинар по юридической антропологии, начавший работать с июня 1995 г. По инициативе этой

ской общины в классовых обществах // *Вопр. истории*. 1977. № 2; Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (К постановке вопроса) // *СЭ*. 1967. № 6.

⁹⁵ См.: Косвен М. О. Брак-покупка // *Красная новь*. 1925. № 2; он же. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // *Кавказский этногр. сб.* 1955. Т. 1.

⁹⁶ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // *Исслед. по общей этнографии*. М., 1979; Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; Гарданов В. К. Введение // *Материалы по обычному праву кабардинцев*. Нальчик, 1956; он же. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX вв. // *СЭ*. 1960. № 5; Сеницына И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978; Фукс С. А. Обычное право казахов в XVIII — первой половине XIX вв. Алма-Ата, 1981; Зибарев В. А. Изучение обычного права народностей Севера в русской историографии XIX в. // *Вопр. методологии и историографии: Докл. науч. конф. Вып. 2*. Томск, 1974; он же. Обычное право малых народов Севера: Обзор литературы и источников // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. Томск, 1981; он же. Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). Томск, 1990; он же. Материалы по юридической этнографии малых народов Севера. Томск, 1993.

⁹⁷ См.: Крашенинникова Н. А. О некоторых актуальных вопросах истории обычного права // *Методология ист.-правовых исслед.* М., 1980; Валеев Д. Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // *Правоведение*. 1974. № 6.

⁹⁸ См.: Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // *Ежегодник по аграрной истории*. Вып. 6. Вологда, 1976.

группы Института этнологии и антропологии РАН в июне 1996 г. провел конференцию по юридической антропологии, материалы которой были опубликованы⁹⁹. В августе 1997 г. в Институте этнологии и антропологии РАН прошел XI Международный конгресс Комиссии по обычному праву и плюрализму, на котором было представлено более 130 докладов специалистов разных наук из более чем 15 стран¹⁰⁰.

В Центре по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН была создана группа во главе с Ю. И. Семеновым, которая работает над исследовательским проектом, посвященным, наряду с прочими проблемами, обычному праву народов России. Этой группой была издана серия сборников документов, освещающих правовое положение народов России, в том числе русского крестьянства¹⁰¹.

Многими участниками перечисленных мероприятий отмечалось, что отсутствие в советское время организационно оформленного научно-теоретического направления изучения обычного права, объединяющего и координирующего усилия специалистов разных дисциплин, делает весьма затруднительным поиск информации по этой теме, теоретическое осмысление многих проблем отечественной этнографии и истории, а также анализ современных процессов в общественном сознании народов России. Развитие исследований обычного права требует прежде всего нового осмысления всего того,

⁹⁹ См.: Homo juridicus: Материалы конф. по юридической антропологии / Под ред. Н. И. Новиковой и А. Г. Осипова. М., 1997; Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии (г. Звенигород, 22—29 мая 1999 г.) / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 1999; Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2000; Обычай и закон: Исслед. по юридической антропологии / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2002.

¹⁰⁰ См.: Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. Тез. докл. на XI Междунар. конгр. Комиссии по обычному праву и правовому плюрализму. М., 1997.

¹⁰¹ См.: Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / Сост. и авт. коммент. В. В. Карлов. Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1997; Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / Сост., ред. и авт. вступительной ст. Ю. И. Семенов. М., 1997; Обычное право народов России: Библиогр. указ. 1890—1998 / Сост., авт. вступительной ст. А. А. Никишенков. М., 1998; Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / Сост., ред. и авт. вступительной ст. Ю. И. Семенов. М., 1998; Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока / Сост., авт. вступительной ст. и ред. Ю. И. Семенов. М., 2000; Степной закон: Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост., авт. вступительной ст., коммент. и глоссария А. А. Никишенков. М., 2000; Власть земли. Традиционная экономика крестьянства XIX — начала XX века / Сост., авт. теоретического введения и ред. Ю. И. Семенов. М., 2002.

что было сделано в этой области как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Если изучение обычного права дореволюционной русской деревни получило развитие в советской историографии благодаря работам В. А. Александрова¹⁰², М. М. Громыко¹⁰³, И. В. Власовой¹⁰⁴, Р. С. Липец¹⁰⁵, Л. В. Милова¹⁰⁶, Н. А. Миненко¹⁰⁷ и др., то правовая культура крестьян советского и постсоветского периодов по указанным выше причинам оказалась в тени и освещалась лишь как один из аспектов народного быта в работах, посвященных изучению общественной организации, семейно-брачных отношений и т. п., а также в разделах обобщающих коллективных монографий, посвященных русскому народу¹⁰⁸, причем, в большинстве случаев обычно-правовые нормы колхозного крестьянства освещались весьма скупо. Лишь в немногих работах, написанных до эпохи сплошной коллективизации, можно встретить попытку осмысления эволюции правовой культуры русского крестьянства послереволюционного периода¹⁰⁹, что же касается более

¹⁰² Александров В. А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крестьянской деревне XVIII — начала XIX вв. // История СССР. 1979. № 6; он же. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX вв. М., 1984.

¹⁰³ Громыко М. М. Сельская община в Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Бахрушинские чтения. Вып. 2. Новосибирск, 1973; она же. Община в обычном праве сибирских крестьян в XVIII — 70-х гг. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974; она же. Традиции промысловой артели // Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1975; она же. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977; она же. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. 1980. № 5.

¹⁰⁴ Власова И. В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII—XIX вв.) // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; она же. Обычное право и закон в крестьянском землепользовании Европейского Севера и Сибири в XVII—XVIII вв. // Русские: Ист.-этногр. очерки. М. 1997.

¹⁰⁵ Липец Р. С. Изучение обычного права в конце XIX — начале XX в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 4. ТИЭ. Т. 94. М., 1968.

¹⁰⁶ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

¹⁰⁷ Миненко Н. А. Общинный сход в Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Общественный быт и культура русского населения Сибири. Новосибирск, 1983.

¹⁰⁸ См.: Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; Русские: Ист.-этногр. очерки. М., 1997; Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997; Русский народный свадебный обряд: Исслед. и материалы. Л., 1978; Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.

¹⁰⁹ См.: Видевший. Дикари из деревни Сухаревка Ухоловской волости (Обычай самосуда) // Сов. деревня. Рязск. 1924. № 17; Деятельность Михайловского отделения Общества исследователей Рязанского края в 1923 г. (Крестьянское право в

поздних работ, то крестьянское правосознание в них как правило предстает в искаженном виде, что объясняется идеологическим давлением. Характерным примером может служить известная коллективная монография «Село Вирятино»¹¹⁰, написанная в 50-х гг. на основании полевых исследований сотрудников Института этнографии АН СССР под руководством П. И. Кушнера¹¹¹.

Можно констатировать, что опубликованные этнографические источники по проблеме изучения обычного права русского крестьянства советского и постсоветского периодов весьма скудны и малорепрезентативны. Для реконструкции процесса эволюции правовой культуры русских крестьян доколхозного, колхозного и современного периодов необходимо использовать архивные материалы (органов советской власти, МВД, личные документы и записанные воспоминания крестьян, хранящиеся в семьях и местных музеях), местную периодическую печать и, в какой-то степени, художественную литературу. Основным же источником должны служить полевые исследования, проводимые по специальной методике, позволяющей зафиксировать информацию, хранящуюся в памяти старшего поколения крестьян, что позволяет «заглянуть» в условия их жизни начиная с 30-х гг. прошлого века.

2.4. Основные проблемы изучения обычного права русского крестьянства

Всю совокупность исследовательских проблем, связанных с обычным правом русских крестьян, можно разделить на два блока: 1) классические проблемы изучения бытования этого феномена в пореформенный период (до революции 1917 г.); и 2) проблемы изучения его в советское и постсоветское время.

Первый блок проблем отличается наличием огромного массива зафиксированного и, по большей части, опубликованного фактического материала и значительным количеством аналитических работ самой разной направленности. Благодаря этому обстоятельству исследовательская проблематика уже давно приобрела черты набора

Михайловском уезде. Этнографические коллекции музея) // Вестн. рязанских краеведов. Касимов, 1924. № 4; Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР. 1919—1925 гг. // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. А., 1926; Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920; Панферов А. Обычное право в структуре крестьянского хозяйства // Революция права. 1927. № 2; Селиванов А. 3. Очерки социального быта Рязанского края. // Тр. о-ва исследователей Рязанского края. Вып. 38. Рязань, 1930; Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство // Избр. тр. М., 1989.

¹¹⁰ Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. // ТИЭ. Т. 41. М., 1958.

¹¹¹ См. работу С. Алымова, специально посвященную этой проблеме: Алымов С. С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920—1950-е годы. М., 2006.

осмысленных познавательных вопросов, на которые еще в дореволюционной историографии были сформулированы определенные ответы. Мера определенности данной проблемной сферы объясняется наличием конкретного исследовательского предмета — обычное право (народно-юридические обычаи) крестьян в дореволюционный период существовало в качестве оснований деятельности официально признанного института в виде мирских и волостных судов. Версии интерпретации крестьянского обычного права, сложившиеся в дореволюционной науке, разнообразны и порой противоречивы, они вполне поддаются пересмотру и развитию с позиций современной науки, что продемонстрировали исследования упомянутых выше авторов советского времени. Для современной исторической этнографии русского крестьянства интерес представляет проблема типологии локальных обычно-правовых комплексов, которой в дореволюционной и советской историографии уделялось недостаточное внимание. Суть проблемы заключается в анализе имеющегося богатого эмпирического материала по различным губерниям России с целью выявления отличий в обычном праве в различных местностях и причин их формирования под воздействием системы факторов, среди которых необходимо обратить внимание на историческую специфику сословного статуса крестьянства, природно-климатические условия, особенности административного устройства, этническую и конфессиональную среду обитания русского крестьянства в данной местности.

Второй блок исследовательских проблем отличается рядом особенностей: учреждения, связанные с крестьянским обычным правом (волостные суды, сельские сходы и пр.), после революции перестали быть официально признанными социальными институтами, их юридические нормативные функции перешли к местным органам ЧК, НКВД, МВД, а также к новым политическим и административным структурам — комбедам, партийным и комсомольским организациям, сельсоветам, колхозным собраниям, товарищеским судам. В основании деятельности этих структур, по официальной трактовке, лежало все что угодно (партийные директивы, декреты и законы советской власти, колхозные уставы и т. д.), только не обычное право. Подобная ситуация порождает ряд специфических исследовательских вопросов: сохранились ли нормы обычного права в деятельности новых структур и если да, то в какой мере? сохранились ли нормы обычного права в жизнедеятельности крестьян вне пределов компетенции советских органов? Если эти нормы сохранились, то как они сосуществовали с советскими юридическими нормами — антагонизм либо взаимодополнение? Эти вопросы связаны с фундаментальным вопросом: можно ли считать соционормативную основу колхозов в какой-то мере продолжением таковой крестьянской общины дореволюционного времени? На последний вопрос в современной литературе существует два основных варианта ответов: 1) советская власть сделала все, чтобы

уничтожить крестьянство как образ жизни, колхозы — это не продолжение общинной традиции, а ее радикальное отрицание; 2) объективные условия сельскохозяйственного производства послереволюционной поры не могли позволить никакой власти уничтожить веками складывающуюся традицию и поэтому, какие бы политические и идеологические факторы ни действовали в колхозном строительстве, древние устои крестьянского этоса были обречены на воспроизводство в новых условиях. Данные ответы чаще всего имеют публицистический характер и отражают политико-идеологическую позицию авторов, будь-то журналисты или историки. Аргументов в пользу любой версии, как известно, можно найти сколько угодно, но если речь идет о научном анализе проблемы, то нужно признать, что сколько-нибудь систематических конкретных научных исследований этой проблемы не проводилось в последние годы. Специфика этнографического подхода к данной проблематике неизбежно связана с категорией «традиция», которая в нашей науке воспринимается не как косное и простое воспроизводство неких норм и стереотипов, «динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. <...> С одной стороны, инновации служат потенциальным источником образования стереотипов культурных традиций. С другой стороны, последние выступают в качестве необходимой предпосылки креативных (т. е. продуцирующих, создающих новые формы) процессов того фонда, путем отбора и комбинации элементов которого во многом и осуществляются эти процессы. Традиции же обычно и задают им общую направленность»¹¹². Авторы прогрессистского направления нередко склонны придавать социальным процессам XX в. характер необратимых метаморфоз, считая традицию явлением прошлых эпох, по этому вопросу Э. С. Маркарян пишет: «Динамизм современной эпохи у многих создает впечатление того, что культурные традиции перестали играть в ней сколько-нибудь существенную роль. Это впечатление иллюзорно. Культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости. Без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима»¹¹³.

Этнографический подход в анализе данной проблемы предполагает рассматривать ее не только в общем виде, но концентрировать внимание на конкретных проявлениях традиции в конкретных жизнен-

¹¹² Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 81.

¹¹³ Цит. по: там же. С. 87.

но важных сферах. Можно выделить ряд узловых моментов проявления соционормативной культуры в крестьянской жизни, которые представляют собой специфические исследовательские проблемы, связанные с изучением как прошлого, так и современного состояния правовых обычаев.

■ Проблема народного восприятия категорий «преступление», «возмездие», «справедливость», «закон», «правопорядок».

■ Проблема соотношения в народном сознании права и морали: законы государства и народное их восприятие, «правильная жизнь», «греховность и праведность» — отношение к правонарушителям (отбывшие тюремное заключение, осужденные), к случаям девиантного поведения (пьянство, наркомания, разврат, проституция, тунеядство и пр.).

■ Проблема изучения обычаев, регулирующих семейно-брачную жизнь.

■ Проблема изучения обычаев, регулирующих общественную жизнь в сельском поселении (административной единице).

■ Проблема изучения обычаев, регулирующих отношения сельчан с «чужаками».

■ Проблема изучения обычаев, регулирующих отношения сельчан с органами власти.

■ Проблема изучения обычаев, регулирующих отношения сельчан с окружающей средой.

2. 5. Литература

Общие работы по нормативной этнологии (юридической антропологии).

- Абрамович К. Г. Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената. СПб., 1912.
- Белогриц-Котляревский А. С. Роль обычая в уголовном законодательстве. Ярославль, 1888.
- Белогриц-Котляревский А. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль, 1890.
- Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992.
- Венгеров А. Б., Куббель А. Е., Першиц А. И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестн. АН СССР. 1984. № 10.
- Ефремова Н. Н. Судостроительство России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1993.
- Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Сов. государство и право. 1980. № 2.

- Ладыженский А. М. Методы этнологического изучения права // Этнография. 1929. № 1; 1930. № 3.
- Никонов С. П. Крестьянский правовой порядок и его желательное будущее. Харьков, 1906.
- Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Першиц А. И., Смирнова Я. С. Этнология права // Вестн. РАН. 1997. № 9.
- Программа для собирания народных юридических обычаев // Зап. ИРГО. Т. 18. Сб. народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.
- Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 // Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 18. СПб., 1900.
- Свечникова Л. Г. Обычай в правовой системе // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. М., 1997.
- Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- Семенов Ю. И. Место обычного права среди форм общественной воли в доклассовом обществе // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. М., 1997.
- Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // ЭО. 1997. № 4.

Труды по обычному праву русских крестьян

- Александров В. А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края, XVII—XVIII вв. // Сибирский этногр. сб. Вып. 3. ТИЭ. Т. 64. М.—Л., 1961.
- Александров В. А. Общинное управление в помещичьих имениях XVIII — начала XIX в. // Общество и государство феодальной России. М. 1975.
- Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.
- Александров В. А. Семейно-имущественные отношения у крепостного крестьянства по обычному праву (XVIII — начало XIX в.) // История СССР. 1979. № 6.
- Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.
- Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян в XVIII и XIX вв. СПб., 1902.
- Алексейченко Г. А. Приговоры сельских сходо́в как источник по истории крестьянской общины в России второй половины XIX в. // История СССР. 1981. № 6.
- Ананьев П. А. О наследовании в крестьянском подворном наделе // Журн. М-ва юстиции. 1898. № 6.

- Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.
- Астров П. И. Об участии сверхъестественной силы в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. 61. Тр. ЭО. Т. 9. 1889.
- Баппмаков А. А. Общие начала крестьянского наследования // Журн. М-ва юстиции. 1906. № 1.
- Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этногр. очерки. Л., 1983.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 61. Тр. Этногр. отд. Т. 9. 1889.
- Бржесский Н. К. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этногр. бюро кн. В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губ.). СПб., 1993.
- Власова И. В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII—XIX вв.) // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989.
- Власова И. В. Обычное право и закон в крестьянском землепользовании Европейского Севера и Сибири в XVII—XVIII вв. // Русские: Ист.-этногр. очерки. М., 1997.
- Волков Н. Т. Действующие крестьянские законы. Справочная кн. СПб., 1912.
- Громыко М. М. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. 1980. № 5.
- Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII — XIX вв. // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Дружинин Н. П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897.
- Дружинин Н. П. В волостном суде и на сельском сходе // Сев. край. 1901. № 33, 36, 37.
- Дружинин Н. П. Очерки крестьянской общественной жизни. СПб., 1905.
- Дружинин Н. П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912.
- Духовский М. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891.
- Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Тр. Архангельского губ. стат. комитета за 1867 и 1868 гг. Вып. 3. Архангельск, 1869.

- Ефименко П. С. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии // Зап. ИРГО. Т. 18. Сб. народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.
- Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР. 1919—1925 гг. // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926.
- Изгоев А. С. Общинное право. СПб., 1906.
- Калинин И. Обязательство по обычаям крестьян Онежского уезда Архангельской губернии // Живая старина. 1913. Вып. 3.
- Качоровский К. Р. Народное право. М. 1906.
- Крестьянское правосудие / Сост., авт. вступительной ст., коммент. и глоссария А. А. Никишенков; под ред. Ю. И. Семенова. М., 2003.
- Кузнецов Я. О. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910.
- Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. 2-е изд. СПб., 1914.
- Липец Р. С. Изучение обычного права в конце XIX — начале XX в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 4. ТИЭ. Т. 94. М., 1968.
- Лозина-Лозинский М. А. Крестьянское право // Вестн. права. 1899. № 2.
- Мейендорф А. Ф. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права и затруднительность его упорядочения. Очерки поземельного законодательства. Вып. 1. СПб., 1909.
- Миненко Н. А. Общинный сход в Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Общественный быт и культура русского населения Сибири. Новосибирск, 1983.
- Никонов С. П. Семейное право в решениях волостного суда // Журн. М-ва юстиции. 1902. № 10.
- Никонов С. П., Якушкин Е. И. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1902.
- Новомбергский Н. По Сибири: Сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сел. хоз-ву. СПб., 1903.
- Обычное право народов России: Библиогр. указ. 1890—1998 / Сост., авт. вступительной ст. А. А. Никишенков; Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1998.
- Панферов А. Обычное право в структуре крестьянского хозяйства // Революция права. 1927. № 2.
- Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877; Т. 2. Семейные права, наследство и опека. 1879.
- Пахман С. В. Очерк народных юридических обычаев. Смоленской губернии // Зап. ИРГО. Т. 18. Сб. народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.

- Положение о сельском состоянии. Особое приложение к законам о состояниях. Изд. 1902 г. [с дополнениями и изменениями на начало 1912 г.]. Кн. 1. Общее положение о крестьянах. Разд. 2. Об устройстве сельских обществ и волостей. Гл. 3. О волостном управлении. Отд. 4. О волостном суде // Свод законов Рос. империи. Неофиц. изд. В 5 кн. Кн. 3. Т. 8. Ч. 2—11. Т. 9. Ч. 1. СПб., [1913].
- Понамарев С. Очерки народного быта. Обычное право // Сев. вестн. 1887. № 2.
- Пушкаренко А. А. Обычное право позднефеодальной эпохи. Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983.
- Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904.
- Савельев А. А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Ниж. Новгород, 1881.
- Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. Т. 1—2. СПб., 1893; 1903.
- Селезнев В. Этнографические сведения о Рязанской губернии: Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губ., собранные действительным членом стат. комитета священником Селивановым. Рязань, 1871.
- Селина Т. И., Чеснов Я. В. Обычно-правовое пространство российской крестьянственности (К обоснованию программы системных источниковедческих исследований) // Homo Juridicus. Материалы конф. по юридической антропологии. М., 1997.
- Семенов Ю. И. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // ЭО. 1996. № 1.
- Семенов Ю. И. Пережитки первобытной престижной экономики в обычаях русских крестьян вообще, сельских жителей Рязанского края в частности. // Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы Рос. науч. конф. к 100-летию со дня рожд. Н. И. Лебедевой (1-е Лебедевские чтения) 6—8 дек. 1994 г. Рязань, 1996.
- Соловьев Е. Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып. 1—2. Казань, 1888; 1893.
- Соловьев Е. Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья // Зап. ИРГО. Т. 18. Сб. народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.
- Страховский И. М. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1906.
- Танаевский В. А. Программа сбора материалов по обычному праву в Вятской области. Вятка, 1925.
- Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск, 1907.
- Тенишев В. В. Административное положение русского крестьянства. СПб., 1908.

- Хок С. А. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
- Шейн В. П. Очерк народно-обычного права Вологодской губернии // Зап. ИРГО. Т. 18. Сб. народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.
- Levin M. Customary law and the Russian rural society in post-reform era // Russian Review. Columbus (Oh.), 1985. Т. 44. N 1.
- Worobec Ch. Reflections on customary law and post-reform peasant Russia // Russian Review. Cambridge, 1985. Т. 44. N 1.

**2.6. Методические рекомендации по сбору эмпирического материала по крестьянскому обычному праву.
Вопросник для полевой работы**

Главным предметом полевого исследования является современное состояние соционормативной культуры крестьянских сообществ, что не исключает фиксацию воспоминаний старшего поколения информаторов о ее состоянии в прошлом (начиная с 30-х гг. XX в.). Рекомендуется использовать «биографический метод», т. е. при опросе населения не столько формулировать серию вопросов по основным пунктам программы, а стимулировать свободный рассказ человека о «своей жизни» и лишь в ходе этого рассказа время от времени подводить рассказчика к тем или иным аспектам культуры, делая упор на конкретных случаях из его жизни и жизни знакомых. При ведении наблюдения и опроса рекомендуется ориентироваться на следующие аспекты крестьянского образа жизни:

1. **«Преступление и наказание»:** отношение крестьян к закону и правонарушениям, представления о справедливости, конкретные случаи преступлений и нарушения общественного порядка в данной местности (целесообразен предварительный сбор сведений в органах местной власти и правопорядка), комментарии информаторов по поводу таких случаев; случаи «самосуда»; отношение к преступникам, правонарушителям, отбывшим уголовное наказание.
 - Какие законы государства особенно актуальны для современного села?
 - Нет ли противоречий между законами и насущными потребностями жизни и сельскими традициями?
 - Какие преступления и правонарушения наиболее часты и типичны для данной местности?
 - Комментарии респондента по поводу конкретных преступлений и правонарушений, случившихся в данной местности.

■ Были ли случаи, когда правонарушители подвергались общественному воздействию? В какой форме это осуществлялось?

■ Как относятся к односельчанам, склонным к правонарушениям (мелкие кражи, хулиганство и т. п.)?

■ Есть ли среди односельчан люди, осужденные и отбывшие срок заключения? Отношение к ним окружающих? Оценка респондентом меры справедливости их наказания.

■ Оценка респондентом состояния правопорядка в данной местности в прошлом и настоящем.

2. **«Нравственность и греховность»:** представления о праведности и греховности в поступках людей, конкретные случаи проявления этих качеств из жизни крестьянской округи; принципы деревенской морали в сексуальной, семейной, общественной сферах.

■ В чем разница между преступлением и грехом?

■ Влияет ли религия на поступки людей? Если да, то в чем это конкретно проявляется?

■ Чего принято стыдиться в повседневной жизни села?

■ Как относится респондент к таким явлениям, как пьянство и тунеядство? Существуют ли формы общественного воздействия на эти явления?

■ Как относится респондент к случаям внебрачных связей? Есть ли разница в оценке поведения мужчин и женщин в этой ситуации?

■ Отношение к внебрачным детям.

■ Отношение к супругам, оставившим своих детей без попечения.

3. **«Односельчане»:** обычаи, регулирующие отношения между жителями селения в повседневной жизни — конкретные случаи конфликтов, взаимопомощи; способы обсуждения жизненно важных проблем села и выработки по ним общественного мнения (места встреч, порядок проведения); неформальные лидеры села, принципы выдвижения, особенности статуса, конкретные случаи проявления авторитета.

■ Существует ли в селе общественная организация, призванная обсуждать и решать общие проблемы, если да, то где она помещается?

■ Если да, то в чем заключается ее деятельность и как строятся ее отношения с официальной администрацией?

■ Были ли случаи стихийных общесельских собраний (митингов, сходок), если да, то по каким поводам и к чему привели?

■ Бывали ли случаи коллективных добровольных действий жителей села (коллективные работы, политические акции и т. п.)? Если да, то по каким поводам они осуществлялись, как организовывались?

■ Как проходят на селе общественные праздники?

■ Есть ли на селе люди, обладающие авторитетом, признанным большинством? В чем заключается их роль, какими средствами воздействия на жизнь села они располагают?

- Есть ли разница в общественной жизни села в прошлом и теперь?
- 4. **«Свои — чужие»:** критерии разграничения и особенности отношений, конкретные случаи проявления толерантности и столкновений между «нашими» и «чужаками».
 - Имеются ли в селе временно проживающие горожане (дачники)?
 - Каково отношение респондента к этой категории населения?
 - Имеются ли в селе переселенцы из других местностей (государств), их этническая и религиозная принадлежность?
 - Каково отношение респондента к этой категории населения?
 - Имели ли место конфликты с приезжими, в чем они выражались и чем закончились?
 - Есть ли разница в правах у местных и приезжих?
- 5. **«Соседи»:** обычаи добрососедства и межсоседские конфликты (имущественные, межличностные и пр.) и традиционные способы их разрешения — конкретные проявления и комментарии информаторов по ним.
 - Общая оценка респондентом характера соседских отношений в данном селе.
 - Имели ли место конфликты между соседями?
 - Каковы наиболее типичные случаи таких конфликтов и как они разрешаются?
 - Существуют ли обычаи соседской взаимопомощи, в чем они заключаются и часто ли практикуются?
 - Отличаются ли соседские отношения в прошлом и настоящем?
- 6. **«Семья и родство»:** обычаи, регулирующие отношения между членами семьи и родственниками (фиксация местных терминов родства и реальных генеалогий) в повседневной жизни — конкретная ситуация в семье информатора и в семьях его родственников и знакомых, случаи разрешения семейных и родственных проблем (конфликты, бракосочетания, разводы, болезни, имущественные тяжбы и пр.).
 - Общая оценка респондентом состояния семейной жизни в селе.
 - В чем заключаются права и обязанности супругов?
 - Особенности положения невесток.
 - Отношения между родителями и несовершеннолетними детьми. Имеют ли место конфликты? Их причины и способы разрешения.
 - Отношения между родителями и детьми, вступившими в брак. Каковы наиболее распространенные варианты проживания — совместно или раздельно?
 - Обычные для данной местности варианты наследования имущества.
 - Отношения между свойственниками. Существуют ли обычаи взаимопомощи?
- 7. **«Народ и власть»:** отношения между населением и властями различного уровня — отражение в фольклоре и конкретные жизненные ситуации в этих отношениях (конфликты, соглашения и пр.).

■ Что думает респондент о роли местной администрации в жизни села?

■ Соответствует ли современное административное законодательство насущным потребностям жизни села?

■ Случались ли конфликты между администрацией и обществом? В чем причины конфликтов и способы их разрешения?

■ Оценка респондентом государственной политики в отношении села.

■ Есть ли разница в отношениях между селом и государством в советский и постсоветский периоды?

8. **«Общество и природа»:** состояние окружающей среды — сопоставление данных научно-экологических инстанций, этнографических наблюдений и общественного мнения населения; конкретные экологические проблемы и их место в жизни крестьян, суждения крестьян об их причинах и способах разрешения; традиционное отношение к объектам окружающей природы (пашня, луга, лес, сельскохозяйственные культуры, водоемы, животные дикие и домашние), выраженное в суждениях (фольклоре) и проявленное в конкретных жизненных ситуациях.

■ Существуют ли какие-либо экологические проблемы в данной местности?

■ Суждения респондента о причинах этих проблем, их влиянии на жизнь людей и возможных способах устранения.

■ Какие традиционные обычаи в природопользовании (эксплуатация сельхозугодий, использование ресурсов леса, водных бассейнов) известны респонденту?

■ В какой степени эти обычаи соблюдаются в настоящее время?

■ Оценка респондентом местной экологической ситуации в прошлом и настоящем.

Г л а в а т р е т ь я

Традиционные нормы поведения при общении (этноэтикет) русского крестьянства

1. 1. Общеметодические замечания. Обоснование предмета исследования

Этикет как особая сфера нормативной культуры с древности привлекал внимание всех пишущих об обычаях, быте и нравах народов мира. Со времен Геродота и до профессиональных этнографических трудов XIX — середины XX в. нормы, регулирующие поведение людей в различных ситуациях общения, тем не менее, редко выделялись в особую сферу народной культуры и еще реже именовались этикетом. Это слово чаще всего применялось по отношению к особым правилам поведения высших слоев сословно дифференцированных обществ. Ситуация стала изменяться лишь в самое последнее время, что, по мнению А. К. Байбурина, не в последнюю очередь связано с применением «лингвистических и семиотических процедур описания и анализа коммуникации в человеческом обществе». «Исключительная роль общения в функционировании всех систем культуры сделала его (этикет. — А. Н.) объектом изучения не только специалистов по теории коммуникации, лингвистики и семиотики, но и психологов, социологов, этнографов»¹.

Понятие «этикет» по расхожим представлениям, отраженным в справочниках, означает «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)»².

Простота этого определения этикета связана, на мой взгляд, с современным пониманием феномена, когда этикет зачастую трактуется как набор предписаний «приличного» поведения. Более глубокий исторический взгляд на это явление позволяет усмотреть в нем систему коммуникативного поведения, каждый элемент которой несет значительную семиотическую нагрузку. По утверждению Б. Х. Бгажнокова, «этикет — это образец, идеал коммуникативного поведения, а культура общения — его реальность»³.

¹ Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 14.

² Словарь по этике. М., 1983. С. 431.

³ Бгажноков. Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 181.

Наиболее существенное в этикете (особенно в традиционном народном этикете) — это то, что он представляет собой «язык» общения, понятийный аппарат, грамматика и синтаксис которого позволяет партнерам по общению в различных жизненных ситуациях занять ролевые позиции, соответствующие их полу, возрасту, социальному статусу.

Этикет, таким образом, это не только набор правил поведения при общении, но и феномен культуры, который подчеркивает, утверждает и санкционирует некую совокупность важных культурных ценностей, заложенных в социальной структуре. В этом смысле этикет по своим функциям как бы совпадает с ритуалом (обрядом). Не случайно в этнографической литературе такие понятия, как обычай, обряд, церемониал, этикет нередко употребляются в качестве синонимов. Основанием для этого выступает общий для этих явлений признак — все они соотносены с определенными нормами поведения, освященными той или иной культурой. Но есть между категориями «ритуал» и «этикет» и существенные отличия. Отношение между ритуалом и культурными нормами можно условно выразить схемой «сакральное мифологическое время первотворения — ритуал как его драматургическое обновление — повседневная жизнь как воплощение сакральных архетипов, выступающих в качестве норм культуры». Действия участников ритуала, в идеале, строго детерминированы традицией; отступления от принятой модели не допускаются и воспринимаются как святотатство; обыденное пространство и время в ритуале как бы отменяются и заменяются сакральным «хронотопом» с его логикой разрушения космического порядка и создания его вновь; коммуникативная природа ритуала основана на общении не людей между собой, а общества в целом с миром сакрального.

Особенности этикета в соотношении с отмеченными признаками ритуала представляют иную реальность. Нормы и ценности культуры служат для него «материалом». Он их утверждает и подтверждает, «используя» как «реперные точки» в процессе общения людей между собой. Каждая этикетная ситуация — это всегда диалог, обмен «посланиями», выраженными словесно, жестами, позами, мимикой и др. средствами. Заинтересованными субъектами в этикетной ситуации всегда выступают конкретные люди, а не общество в целом, нарушение этикетных правил — это обстоятельство, подвергающее опасности возмездия нарушителя, а не общество в целом, как это трактуется применительно к ритуалу. Да и само нарушение этикетных правил нередко является как бы особым «правилом». Ибо этикетная ситуация — это почти всегда момент творчества, в котором «правила игры» налагаются на конкретные жизненные обстоятельства, индивидуальные воли, характеры, интересы. В каком-то смысле этикет — это искусство добиваться желаемого при использовании всех средств жанра. Во многих обществах особенно ценятся мастера этикетных импровиза-

ций, которые так могут построить стратегию своего поведения в процессе общения, что даже нарушения буквы традиции будут восприниматься окружающими как признаки особой этикетной утонченности.

Следует, однако, признать, что приводимое нами жесткое противопоставление этикета и ритуала имеет смысл лишь как теоретический прием, имеющий целью вывить специфику данных категорий. В реальном пространстве культуры эти явления взаимосвязаны, а в ряде случаев выступают как почти тождественные. Это касается таких этикетных ситуаций, которые можно назвать церемониалом. Примерами могут служить сватовство, свадьба или торжественный прием почетного гостя во многих традиционных обществах, когда поведение всех участников жестко детерминировано культурной традицией, а отступления от правил однозначно осуждается всеми присутствующими.

Соотношение ритуала и этикета в ряде случаев выглядит как взаимодополнение — этикетные правила служат лишь средством, «языком» общения в ходе обряда. Каждый институт выполняет свою функцию. Но бывает и так, что логика ритуала как бы полностью отвергает этикет. Особенно это ярко выступает в т. н. обрядах перехода, обрядах размножения и в карнавальных ситуациях, правда, по разным причинам. Обряды перехода в трактовке А. Ван Геннепа и В. Тэрнера имеют трехчастную структуру и в срединной своей фазе («лиминальность») утверждают состояние ритуального хаоса, в котором отменяются все социальные нормы, связанные со статусом действующих лиц. К примеру, обряд коронации верховного вождя ндембу, проанализированный В. Тэрнером, в срединной своей фазе сопровождается нарочитым поношением претендента на престол со стороны представителей социальных низов, хотя в обыденной жизни отношения между этими социальными категориями жестко определяются этикетными нормами, нарушение которых в прошлом каралось смертью⁴.

Карнавальные ситуации (имеются в виду не только известные карнавалы в Западной Европе или Бразилии, но типологически схожие с ними явления, распространенные повсеместно) также включают в себя моменты отмены этикетных норм. В качестве примера можно привести молодежные гулянья русских крестьян — посиделки, хороводы, игры во время общественных работ, во время которых отменяются некоторые запреты. Можно, а порой даже нужно, целоваться, обниматься, говорить двусмысленности, граничащие с непристойностью, хотя в обыденной жизни юношам и девушкам порой даже разговаривать наедине считалось неприличным.

Особую проблему представляет соотношение этикета и морали. Если обратиться к этимологии слова этикет (от французского *étiquette*, восходящего к древнегреческому *ethika*), то нетрудно обнаружить его

⁴ Тэрнер В. Структура и антиструктура // Символ и ритуал. М., 1983.

связь с рядом древнегреческих понятий, в котором оно занимает определенное место: этикет — этика — этос. Узловым моментом этого ряда выступает связка «этика — этос». Понятие «этика» (древнегреческое *ethika*) образовано от *ethos* — термин античной философии, означающий обычай, нрав, характер, а в более широком значении — совокупность норм, обеспечивающих устойчивость нравственного характера какого-либо лица или общности людей. Этика, таким образом, может трактоваться как специфическая форма общественного сознания, ориентированная на поддержание определенного этоса посредством выработки и воспроизводства морально-нравственных, ценностных по своей природе, установок, позволяющих отличать добро от зла и выступающих ориентирами в общественной деятельности людей.

Впрочем, существует и иная трактовка этимологии слова «этикет». В частности, наряду с отмеченной ее приводят А. К. Байбурин и А. Л. Топорков. Они отмечают генетическую связь слова этикет с голландским «*stike*» — «колышек», «шпене», к которому в торговых заведениях привязывалась бумажка с названием товара. Эта этимология объясняет тот факт, что еще в начале XX в. словом «этикет» назывались ярлыки, наклейки на бутылках и обертки товаров с обозначением фирмы торговца и производителя⁵. Впрочем, категорично противопоставлять эти этимологии вряд ли стоит. Известно, каким порой причудливым образом срastaются в жизни языков «этимологические ветви». Я же склонен считать этимологическую связь слов «этикет» и «этика» более основательной.

Мораль и этикет объединяет тот факт, что они являются системами культурных норм, причем, в основной своей массе одних и тех же. Специфику этих двух феноменов можно было бы раскрыть, представив этикет как специфическое, чисто поведенческое, поверхностное проявление этоса и этики в сфере нормативного регулирования общения людей. Этого объяснения было бы достаточно, если бы не серьезные сомнения в жесткой связи морали и этикета. Подобно тому, как язык и речь не тождественны ценностям духовной культуры общества и не сводятся лишь к плану простого выражения некоего идеального содержания, а обладают специфической природой и логикой движения, так же и этикет не вполне может считаться простым поведенческим выражением этических принципов. Прекрасное владение языком и фигурами красноречия не всегда связаны с высокой духовностью и образованностью. Более того, нередко красноречие служит ширмой, прикрывающей бездуховность и невежество. Так же и утонченная этикетность поведения может скрывать безнравственность.

Исследовательский объект настоящей работы нуждается в обосновании. На первый взгляд, его содержание как будто очевидно —

⁵ Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этногр. очерки. Л., 1990. С. 4.

традиционные народные этикетные нормы, этнические этикетные нормы, этикет в этнической культуре. В действительности же в этом определении объекта много неясного. Сама категория «этническая культура» до сего дня в науке имеет, как минимум, две трактовки. Одна из них связана с развитием теории этноса, восходящим к трудам С. М. Широкогорова и, в особенности, Ю. В. Бромлей и ряда ведущих теоретиков возглавляемого им в 60—80-х гг. Института этнографии АН СССР. С позиций этого направления этническая культура — это культура этноса, понимаемого как «исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»⁶.

Другая трактовка восходит к более давним временам формирования этнографической науки во второй половине XIX в. «Этническая культура» и «этническое» вообще означали, наряду с прочими оттенками, народное как простонародное в противоположность цивилизованному, образованному, элитарному. В этом смысле этническая культура нередко трактовалась как аналог фольклорной культуры (Volkskultur, folk culture). В Великобритании и США понятие «ethnic» означает представителя инокультурной или инорасовой группы в составе господствующего белого, англосаксонского по происхождению большинства, с ним ассоциируется представление о маргинальности, неразвитости, приниженности⁷. Это восприятие этнического сохраняется на обыденном уровне, а в социальных науках Великобритании и США в 60-х гг. оно трансформировалось в ряд теорий этничности, которые по преимуществу связывают с этим термином ситуативные, социально-психологические установки действий индивидов вне прямой связи с историческими культурными общностями происхождения, которые в отечественной науке именуются этносами⁸.

Но в западной науке по прежнему живо и активно используется старинное понимание этнического как относящегося к народной культурной традиции, имеющей существенные отличия в своем функционировании и развитии от «высокой» т. е. урбанистической, рациональной, профессиональной культуры. Отчетливо это проявляется в американской этнологии (научная дисциплина, существующая наряду с культурной антропологией) и особенно в ее субдисциплине, именуемой «этнонаукой». Последнее связано с изучением народных (фольклорных) представлений о вселенной и отдельных ее сфер, что вылилось в особые направления — «этноботаника», «этнозоология», «этнометеорология», «этноэкология» и т. д.

⁶ Бромлей Ю. В.. Этнос и этнография. М., 1973. С. 37.

⁷ См.: Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. London, N. Y., 1996.

⁸ См.: Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural difference / Ed. By F. Barth. Bergen, London, 1969.

Подобное прочтение задач этнологии сохранилось и в отечественной науке. Оно воспроизводится благодаря авторитету глубокой исторической традиции таких исследований, за которой стоят имена классиков. Понятие «этноэтикет» в рамках данной традиции означает вполне определенное явление — народные (в противовес интеллигентным, светским, научным и т. п.) представления о правилах поведения, о причинах существования тех или иных норм, а также практическая реализация этих норм в жизни народа. В данном случае «народ» не является синонимом понятия «этнос», хотя связь между этими категориями, безусловно, существует. Учитывая существующую в мировой науке многозначность понятий, начинающихся с «этно», мы сочли целесообразным в названии раздела избежать употребления понятия «этноэтикет», хотя в тексте это делаем. Настоящая работа построена преимущественно на «старом» подходе к категориям «народное», «этническое», т. е. в ней культура общения (этикет) элитарных кругов Российского государства вообще не рассматривается, т. к. он представляет собой настолько специфическую сферу, что освещение ее требует специального научного подхода, весьма далекого от тех, которые существуют в этнографии.

Русский народ много веков существовал в состоянии сложной сословно-классовой дифференциации, что неизбежно выражалось и в культурной дифференциации — единое культурное пространство разделилось на культуру верхов и культуру низов. «Когда в докапиталистическом классовом организме существовали крестьянские общины, то члены последних одновременно жили в двух мирах: мире общины со своей собственной культурой, включая собственные нормы поведения, и в мире геосоциора с его законами. Однако, хотя духовная элитарная культура воздействовала на крестьянскую духовную культуру, она во многом была чужда крестьянской массе, несмотря на то что образованные слои общества и крестьянство принадлежали к одному этносу»⁹. Для рассматриваемой в работе темы очень важно замечание Ю. И. Семенова, — «Элитарная культура есть новообразование, хотя, конечно, и связанное с ранее единой культурой первобытности. Что же касается культуры низов, простонародной, прежде всего крестьянской, то она представляет собой прямое продолжение единой культуры первобытности. Она возникла в результате трансформации этой культуры и обладает многими чертами, роднящими ее с последней. В частности простонародная культура, как и первобытная, является бесписьменной и анонимной»¹⁰.

Культурное пространство России в нынешних ее границах с точки зрения исследователя этикета представляло собой в XIX — начале XX вв. два довольно четко разделенных мира. С одной стороны — это

⁹ Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural difference. P. 24.

¹⁰ Ibid. P. 23.

мир российской элиты (дворянство, интеллигенция, буржуазия, верхушка мещанства), которая состояла не только из этнически русских элементов, но и представителей соответствующих групп других народов. Этикет этого слоя отличался выраженной институциональной дифференцированностью, он сплошь и рядом осознанно изменялся (веяния моды, предписания высших инстанций, издания многочисленных руководств); был открыт для европейских влияний; осмысливался профессиональными литераторами и нередко подвергался критике и даже осмеянию; антиэтикетность поведения (дендизм, нигилизм) временами становилась в некоторых кругах своеобразной нормой; в целом этикет российской элиты отличался высоким уровнем единообразия основных его принципов.

С другой стороны — мир традиционной народной (крестьянской) культуры существовал во всем многообразии ее локальных вариантов. При всем этом многообразии («что ни город, то норы, что ни деревня, то обычаи») традиционная народная культура поведения при общении имеет ряд типологически общих черт: отсутствие письменной фиксации — механизм воспроизводства основан на обычае; творцом этикетных норм является народ (подобно тому, как создаются памятники устного народного творчества), авторские нововведения воспринимаются как непристойность; бессознательный характер бытования — нормы этикета не подвергаются рациональной рефлексии, их обоснование покоится на авторитете старших, а народные их этимологии имеют вторичный фольклорный характер; нормы этикета в зоне своего действия обязательны (желательны) для всех, независимо от материального достатка и социального ранга.

Отмеченные особенности народного этикета вытекают из природы культуры традиционного общества. При всей условности деление обществ на традиционные и современные (доиндустриальные — индустриальные)¹¹, которое восходит к идеям М. Вебера о жестком противопоставлении категорий традиционного и рационального, применительно к рассматриваемой теме в целом оправданно. Рассмотрение эволюции этикета от первобытности до современности позволяет утверждать, что этот феномен в контексте культур разных эпох проявляется по-разному.

В доклассовых обществах этикет бытует в характерном для подобных обществ неразрывном синтезе всех явлений культуры, он как бы растворен в ее потоке и может быть вычленен в качестве особого института только при помощи специально ориентированного познавательного подхода. В классовых обществах доиндустриальной эпохи этикет приобретает институциональную определенность при дворах правителей и в среде знати, оставаясь в скрытом, неявном виде в быту простонародья. Наконец, в индустриальную эпоху различные этикет-

¹¹ См.: Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 170—174.

ные стили в рационально и даже художественно оформленном виде распространяются в элитарных, образованных слоях общества, крестьянство же и иные группы «простого народа» по-прежнему хранят верность принципам традиционного образа жизни, в котором всё отражается во всем и является проявлением всего.

В качестве особой ритуально-коммуникативной сферы этикет отражает все богатство мировоззрения и социальной структуры народа, а порой выступает наиболее наглядным их выражением. К примеру, этикет приема гостя у центральноазиатских кочевников предписывает усаживать их в западной стороне юрты, подавать им напитки и пищу правой рукой, в поселениях юрты старших членов общины всегда сооружаются западнее младших, а в торжественных ритуальных ситуациях (общественные моления) все участники располагаются по возрастным и социальным рангам: справа и к западу — старшие, слева и к востоку — младшие. Это не что иное, как отражение мировоззренческих принципов, содержащихся в фольклорной и религиозной традиции и утверждающих за западным и правым статус священного, хорошего, чистого.

Растворенность этикета в культурном пространстве жизнедеятельности народа не избавляет нас от необходимости определения его сущности, специфических черт, отличающих это явление от других нормативно-поведенческих феноменов. Действительно, что отличает этикет от поведения, продиктованного нормами права (семейно-брачного, имущественного, уголовного и др.), морали, экономики, политики, религии?

Нам представляется, что в нормативном пространстве культуры всегда действует общественная воля. Обсуждая проблему соотношения морали и права, Ю. И. Семенов писал: «...мораль, как и право, есть форма общественной воли»¹². Изначальный синтез институтов традиционного общественного организма представляет собой взаимосвязанную систему норм, имеющую общий фундамент — императивную волю общества, которая не всегда осознается, но которая всегда чувствительно дает о себе знать при нарушениях норм, допускаемых его членами. Традиционный культурный синтез не исключает и дифференцированности функций составляющих его элементов.

Специфика этикета заключается в том, что он выступает по отношению к перечисленным выше сферам как некая предпосылка, условие и специфическое средство их реализации. Все отмеченные институты воплощаются в социальную практику только через общение людей. Этикет же выступает как специфический регулятор общения как такового. Он может рассматриваться в качестве ритуала

¹² Семенов Ю. И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997. С. 13.

общения, в качестве поведенческого «языка» общения, в котором слово, жест, поступок выступают в виде закодированных, но, тем не менее, взаимопонимаемых «посланий», индикаторов полового, возрастного и социального статусов всех участников процесса. Таким образом, этикет как бы создает ритуально-поведенческую «арматуру» общения, «освобождая руки» для решения фундаментальных жизненных проблем, будь то заключение брака, определение собственных прав на землю или выполнение религиозного обряда.

3. 2. Основные черты традиционного этикета русских крестьян

Крестьянство вплоть до эпохи кардинальной индустриализации в 20—30-х гг. XX в. составляло подавляющее большинство населения России. В силу ряда обстоятельств именно крестьянство сохраняло древние основы русского быта. Элита русского народа с начала XVIII в. активно воспринимала европейские стандарты поведения. Этот процесс, разумеется, нельзя считать простым механическим переносом французских, немецких, английских и т. п. моделей поведения в русскую среду. Это был процесс творческого отбора, приспособления к русским условиям тех или иных веяний моды, который в конце концов привел к формированию неповторимых особенностей этикетного поведения русского дворянства, богатого мещанства и купечества. Но в целом этикетная сфера этих слоев русского народа по праву может рассматриваться как национальный вариант общеевропейской поведенческой культуры, причем культуры значительно дифференцированной по профессиям, имущественному статусу и сферам общественной жизни. Она, безусловно, заслуживает изучения, но такое изучение по необходимости должно быть дифференцированным и включать такие, к примеру, разделы, как «дворянский этикет», «офицерский этикет», «придворный этикет», «этикет присутственных мест», «бальный этикет», «мелкопоместный этикет», «купеческий этикет», «этикет студенческой среды», «мещанский этикет» и т. д. и т. п.

В настоящем разделе мы опускаем все эти в высшей степени интересные сюжеты, обращаясь к крестьянскому этикету. Это, на наш взгляд, имеет особый смысл еще и потому, что в последнее время особенно возрос интерес к народным корням бытовой культуры, которыми преимущественно и занимается этнография.

Этноэтикет русского крестьянства доиндустриальной эпохи весьма трудно выделить в качестве особого предмета, вроде «правил приличия» или «хороших манер». Тот или иной тип поведения в крестьянской среде оценивался не просто с позиций «приличия» или «вежливости» — любой поступок был индикатором соответствия или

несоответствия жизненно важным состояниям. Жесткая привязанность крестьянской жизни к природному аграрному циклу обусловила ритмичную регламентированность поведения по временам года, по дням недели и по временам суток. Такая ритмичная регламентированность характерна и для жизненного цикла человека, определяя его поступки на всех этапах жизни. Крестьянин был ограничен традицией в выборе того или иного стиля поведения.

Об этом очень хорошо писал Василий Белов: «Человек менял свои возрастные особенности незаметно для самого себя... Младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, пора возмужания, зрелость, старость и дряхлость сменяли друг друга так же естественно, как в природе меняются, например, времена года... Если в детскую пору младенческие привычки еще допускались и были терпимы, то в юности они уже считались неестественными и поэтому высмеивались. То, что положено было детству, еще не отсекалось окончательно в юности, но в молодости подвергалось легкой издевке, а в пору возмужания считалось уже совсем неприличным. Например, в младенчестве человек еще не может вырезать свистульку из весеннего тальникового прутика... В детстве он ворохами делает эти самые свистульки, в юности уже стесняется их делать, хотя, может быть, и хочется, а в молодости у него достаточно других, более сложных и полезных развлечений. Можно лишь сократить или удлинить какое-либо возрастное состояние, но ни перескочить через него, ни выбросить из жизни невозможно».

И еще: «Ритмичность, сопровождавшая человека на всем его жизненном пути, объясняет многие „странности“ крестьянского быта. Считалось, к примеру, вполне нормальным, хотя и не очень почтенным то, что дитя и старик из зажиточного хозяйства вдруг пошли с корзиной по миру (значит, в хозяйстве неожиданно пала лошадь или сторело гумно, или вымокла рожь). Но никто даже и представить себе не мог бы такую картину: не дитя и не старик, а сам хозяин потерпевшего двора в разгар сенокоса пошел бы с корзиной по миру. В северных деревнях еще не так давно считалось позорным праздновать в будние дни. Женщинам и холостым парням разрешалось пить только сусло и пиво... Старики и старухи имели право нюхать табак. Но трудно сказать, что ждало подростка или молодого мужчину, осмеливавшегося бы завести свою табакерку. Всему было свое время и свой срок»¹³.

Регламентированность поведения в крестьянском быту будет понятна, если тот или иной поступок рассмотреть в контексте морально-нравственных норм. Любой поступок воспринимается как прямое и непосредственное выражение нравственной позиции, одобряемой или осуж-

¹³ Белов В. Лад и ритм // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 231—232.

даемой общественным мнением. Мораль и нравственность же в сознании русских крестьян всегда соединялась с православием. «Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры... „Креста на тебе нет“, — говорили человеку, совершившему бессовестный поступок. И наоборот, „живет по-божески“, „живет по-христиански“ — говорили о тех, кто был совестлив и милосерден»¹⁴.

Православная мораль в крестьянском быту сплошь и рядом присутствовала не в чистом каноническом виде, а в сплаве с древними народными представлениями. Такое поведенческое предписание, как запрет плевать через правое плечо, объяснялся утверждением, что «ангел-хранитель при правом боке, а дьявол при левом: на него и плетой»¹⁵, стучать по столу нельзя — он ладонь Бога¹⁶ и т. д.

Общие правила приветствия, выражения благодарности, прощания и др. у русского крестьянства имеют отпечаток христианской этики. «Русские люди, переступая чужой порог, обыкновенно молятся иконам и кланяются в пояс хозяевам: первый поклон Богу, второй хозяину с хозяйкой, третий всем добрым людям»¹⁷. Приветствие, адресованное работающим, чаще всего выражается формулой «Бог в помощь». Наиболее распространенное выражение благодарности — «Спасибо» — не что иное как редуцированное предложение «Спаси Бог», а выражение «прощай» — не что иное, как просьба о христианском прощении. Кстати, просьба о прощении — один из наиболее широко распространенных в крестьянской среде ритуальных элементов. Отправляясь в дальний путь, человек просил прощения у домочадцев и односельчан, просили прощения у мира в случае бедности и тяжелых родов, отправляясь на исповедь в церковь, просили прощения у домашних, все односельчане просили прощения друг у друга в последнее воскресенье перед Великим постом, отсюда и его название — «прощеное воскресенье»¹⁸.

Этикет семейной жизни. Традиционная культура поведения русских крестьян строится на принципах доминирования мужского начала и старшинства по возрасту. К мужчине — главе семьи и в повседневной жизни и в праздники все домочадцы относятся с подчеркнутым почтением. В избе все пространство, как правило, делится на две половины — почетную (мужскую) и женскую. По диагонали от печи всегда расположен передний угол (большой, святой, красный). В переднем углу стоит стол, висит киот с полками

¹⁴ Русские // Отв. ред.: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. С. 654.

¹⁵ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1. С. 253.

¹⁶ Байбурин А. К., Топорков А. А. Указ. соч. С. 136.

¹⁷ Максимов С. В. Русский человек в гостях // Задушевное слово. 1866. Т. 12. С. 417.

¹⁸ См.: Русские. С. 669.

для икон. В переднем углу под образами всегда сидят старшие мужчины семьи и почетные гости — мужчины. Пространство избы от устья печи до передней стены, называемое в разных местах «упечью», «середой», «чуланом», «кутей» — женская половина, она нередко огораживалась перегородкой. Мужским местом считалось также пространство между входной дверью и боковой стеной, где часто устраивалась лавка («конник»), на которой мужчины занимались хозяйственными работами.

Отношения между мужем и женой определялись жестким разделением труда в крестьянском хозяйстве, но существовали и некоторые правила приличия. Так, муж и жена не должны были идти рядом по улице деревни, публично проявлять нежные чувства и даже беседовать в общественных местах. За семейной трапезой, которая не знала отдельных приборов — все ели из общей чашки, глава семьи, помолвившись, начинал есть первым, после него все взрослые мужчины семьи, потом женщины и дети. В некоторых местностях, где сохранялись большие неразделенные семьи (преимущественно на Севере), невестки со своими детьми за общий стол не садились, трапезничая в женской кухонной половине или по углам. В старину в зажиточных и знатных семьях взрослые мужчины ели отдельно от прочих¹⁹.

Женщины крестьянской семьи по стилю поведения делятся на три категории. К первой относится жена главы семьи — хозяйка, а в неразделенных семьях еще и многодетные невестки «со стажем». Эта категория наделена большими правами и ведет себя свободно, участвуя в обсуждениях семейных дел и влияя на принятие решений. Но и они обязаны вести себя сдержанно в общественных местах и при появлении в доме старших родственников — мужчин.

Замужние женщины обязаны строго соблюдать крестьянский этикет в одежде — обязательно носить специальные головные уборы (кокошник, сорока, чепец, платок). Появление замужней женщины простоволосой в крестьянской среде считалось аморальным. Этот поступок приравнивался к супружеской измене и соответственно карался мирским сходом и общественным мнением. В старину существовали законы, в которых срывание головного убора с женщины трактовалось как преступление, равное изнасилованию²⁰.

Впрочем, и женатые мужчины были обязаны соблюдать этикет в одежде — считалось неприличным появиться на людях без шапки и без пояса. Своеобразным подтверждением этих этикетных норм служили траурные антинормы, в которых пристойным считалось как раз обратное — мужчины должны были на похоронах без шапок, а женщины с распущенными волосами.

¹⁹ См.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 128.

²⁰ См.: Байбурин А. К., Топорков А. А. Указ. соч. С. 88.

В особенно приниженном положении в крестьянской семье находились молодые невестки. Они были опутаны многочисленными ограничениями в поведении. Они должны были беспрекословно подчиняться не только мужьям, но и всем старшим родственникам мужа. На них возлагались все работы по дому. Невестка не могла сидеть в присутствии родителей мужа, она была обязана обращаться к ним с использованием всех формул почтительности, обязательно на «вы», от нее с особой строгостью требовали выполнения всех предписаний в отношении одежды.

Справедливости ради надо признать, что традиции крестьянского мира предписывали постепенное введение вчерашней девушки в статус жены и невестки. До рождения первого ребенка «молодуха» могла пользоваться некоторыми девичьими вольностями — ходить в хороводы, на гулянья, наряжаться. Мир осуждал чрезмерные строгости по отношению к ней со стороны свекра и свекрови. С рождением же первого ребенка молодая жена полностью лишалась поблажек и надолго обрекалась на подчиненное положение и лишь со временем, когда у нее выросли дети, она получала относительную свободу и привилегии.

Наибольшей свободой среди женщин крестьянской семьи пользовались девушки. Они были свободны от жестких этикетных предписаний в отношении одежды, могли ходить простоволосыми с одной косой, украшая голову лентой или лентообразным девичьим головным убором («повязка»). Во многих местностях девушки освобождались от домашней работы, если в доме были невестки, что, впрочем, не освобождало их от полевых работ. Много времени они проводили на гуляньях, посиделках, вечерках, в хороводах, часто гостили у родственников в других деревнях.

Все эти затей наряду с прочими имели цель познакомиться с будущим женихом. Это обстоятельство вызвало особые правила поведения в семьях, где было более двух непросватанных девушек. До тех пор, пока старшая сестра не выходила замуж, младшая не должна была хорошо наряжаться, проявлять особую активность в хороводах, а когда в дом приходили гости — молодые люди, ее вообще выпроваживали из избы. Считалось позором для семьи, если младшая сестра будет просватана раньше старшей.

Этикет семейной жизни органично переходил на более широкий круг родственников, среди которых особую категорию составляли родственники по браку — свойственники. Собственно говоря, свойственниками по отношению к некоторым членам семьи можно считать и хозяйку дома, и жен сыновей хозяина — невесток. Отношение к этой категории очень ярко проявляется в сложных обрядах русской крестьянской свадьбы. Многие ритуалы свадьбы выступают как бы некими архетипами, образцами поведения в обыденной жизни. Да и сам по себе цикл предсвадебных, свадебных, послесвадебных обрядов высту-

пал важной составной частью крестьянского этикета, не исполнение или не полное исполнение которых почиталось неприличным.

Решение о женитьбе сына нередко принималось на семейном сходе, куда приглашались родственники и уважаемые члены общины. Этот акт носил во многом этикетный характер, демонстрирующий уважение к общественному мнению, подтверждал общественное, а не частное значение брака и семьи. Окончательное же решение принимали родители и его никто не оспаривал.

Сватанье представляло собой выполнение целой серии этикетных норм. Согласно принципам народного православия это важное действие надлежало производить не в постные, а в скоромные дни, т. е. в воскресенье, вторник, четверг или в субботу, но ни в коем случае не в понедельник, среду или пятницу. Сваты, войдя в дом предполагаемой невесты, садыся не куда-нибудь, а именно под матицу, говорят строго определенные иносказательные предложения вроде «у вас товар — у нас купец» или «у вас курочка — у нас петушок, нельзя ли загнать в один хлевушок» и т. п. Говорить обыденными словами о причине прихода не просто неприлично, но и обидно для всех окружающих. Родители девушки также не могли свой отказ выразить прямо, этикет предписывал использовать иносказания: «у нас товар непродажный, не поспел», «не рука вам наш товар, по себе найдете» и т. п. Соглашаться в первый же приход сватов было неприлично и поэтому их засылали до трех раз и более.

Если девушку спрашивали, согласна ли она пойти замуж, то ей этикет предписывал отвечать иносказательным жестом. В некоторых местностях знаком согласия было «колупание печи» пальцем²¹, а в знак своего отказа она демонстративно уходила за перегородку в «чулан» и там снимала верхнюю одежду. В знак достижения согласия при сватовстве невеста дарила сватам «залог» в виде платка или каравай хлеба, которые сваты демонстративно проносили по всей деревне, оповещая таким образом всех об успехе своей миссии.

Предсвадебные ритуальные действия порой длились до нескольких месяцев и включали помимо сватовства смотрины невесты, рукобיתье, обручение, пропой. На каждом из этих этапов девушка или ее родители могли отказаться от брака и это, хоть и не одобрялось, но и не осуждалось общественным мнением, так как на каждом из этих этапов шли напряженные переговоры об имущественных условиях свадьбы и будущей семейной жизни молодых. Но после «пропои невесты» отказ воспринимался обществом как проявление неприличия и даже правонарушение. «Отказавшийся должен был возместить свадебные издержки и заплатить некоторую сумму за нанесенное бесчестье. В случае отказа волостные суды на основании обычного права могли взыскать убытки»²².

²¹ См.: Байбурин А. К., Топорков А. А. Указ. соч. С. 25.

²² Русские. С. 479.

Накануне свадьбы правила хорошего тона предписывали просватанной девушке *кручиниться*. В Калужской губернии это означало, что она не могла выходить на улицу, петь песен, надевать нарядное красное платье. Одета в заранее приготовленный *кручинный* наряд, состоящий из скромного однотонного сарафана, белой холщовой рубашки, белого фартука и белого же платка, она с подружками целыми днями занималась шитьем приданого и свадебного наряда для жениха. В этот период невесте принято было «голосить» или «выть», сидя у входа в избу. «Выть» было весьма непростым делом, ему девушки учились годами для того, чтобы верно выдерживать тон. Он не должен был напоминать выть по покойнику, но и печаль должна была в нем присутствовать. Неверный тон вызывал насмешки у односельчан, которые в большом количестве обычно сходились на это «представление».

Жених же, согласно этикету, посылал нарочного (обычно это был младший брат невесты) в дом невесты с просьбой, чтобы она не слишком утомляла себя шитьем и это было знаком того, что «жених жалеет невесту, не велит неволиться»²³.

В собственно свадебном обряде можно выделить немало этикетных моментов: никому нельзя было проходить между женихом и невестой — это могло привести к супружеской неверности; при венчании невеста крестилась «покрытой» рукой, чтобы богатой быть; особо следили, чтобы не погасла венчальная свеча (дурная примета); за свадебным столом жених и невеста не должны были ничего ни есть и ни пить.

Среди многочисленных ритуалов, связанных с брачной ночью, следует обратить внимание на традицию демонстрации рубашки невесты, бытовавшую во многих местностях. В случае если эта демонстрация свидетельствовала о непорочности невесты, свадьба бурно выражала свой восторг и оказывала ее родным особые знаки почтения, если же нет — они подвергались ритуальному издевательству. Им подносили вино в дырявой посуде, а кое-где надевали на шею хомут.

Этот обычай в интеллигентной среде всегда трактовался как унижение женщины, ущемление ее человеческой свободы, свидетельство того, что брак у крестьян — договор о купле-продаже и т. п., но были и другие интерпретации. Вот что по этому поводу пишет В. В. Розанов: «...у нас, у русских, до последнего времени выносилась „в пир“ и показывалась гостям снятая после совокупления сорочка ново-брачной со всеми знаками *его* силы и *ее* чистоты. Но это — не „проверка“: разве психология пира такова, чтобы „рассматривать подпись на долговой расписке“? Совершалось это вначале по наивной и открытой радости родителей, что крови начали уже сливаться. Два рода —

²³ Цит. по: Русские. С. 481.

его род и ее род — слились в одну реку, срослись в один ствол Вечно-го Дерева; что „Древо Жизни” преуспело и снесло еще яблоко»²⁴.

Как к этому обычаю ни относиться, он выступает одним из выражений морально-нравственных устоев крестьянского общества и важным фактором регулирования поведения в сфере полового этикета крестьянской молодежи.

Созданный браком новый круг родни требовал особого к себе отношения и исполнения этикетных норм. Так, в некоторых местностях было принято *ублажать гордых*. Это означало, что в течение года породнившиеся семьи наносят регулярно друг другу визиты по праздникам, сопровождающиеся угощением и подарками²⁵. Со временем, когда в новой семье подрастают дети, эта связь нередко еще больше укрепляется, т. к. существует обычай гостевания детей у родни матери. Особенно это важно для девушек, которые совершают поездки к родне в другие деревни со специальной целью на гуляньях «людей посмотреть и себя показать». Такие гости в чужой деревне окружаются особым этикетным вниманием со стороны местной молодежи — их приезд однозначно воспринимается как поиск потенциального жениха.

Отношения зятя и тещи, в городском фольклоре многократно осмеянные, в крестьянской среде оформляются в особый этикетный ритуал. Эти отношения отличаются особой предупредительностью, заботой. Зять должен регулярно навещать дом родителей жены, обязательно с подарками, оказывать (хотя бы чисто ритуально) помощь в хозяйственных делах, не говоря уже об участии в таких важных мероприятиях, как возведение новой избы, покос и т. п. Теща по правилам хорошего тона должна всячески ублажать гостя-зятя, подчивать его самыми вкусными яствами, обращаться с ним ласково — отсюда известная поговорка «Как у тещи на блинах», означающая верш блаженства.

Круг родства крестьянской семьи расширяется часто за счет т. н. духовного родства. Духовными, или крестовыми, братьями и сестрами становились люди, ритуально обменявшиеся нательными крестами и давшими взаимный обет (крестное целование) взаимной поддержки и взаимопомощи. Отношения между такими крестовыми братьями во многом были аналогичными отношениям между кровными братьями, но поведенческие нормы этих отношений на людях соблюдались более тщательно, так как общественное мнение воспринимало крестовое братство как вещь более ответственную, чем кровное.

То же самое существовало и в отношениях кумовства. Крестные родители — восприемники при крещении ребенка — были обязаны и

²⁴ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Соч. в 2 т. Т. 2. Прил. к журн. «Вопр. философии». М., 1990. С. 597.

²⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 202.

по церковным православным канонам и по народным представлениям соблюдать особые правила поведения по отношению друг к другу и к своим крестникам. Так, крестный отец не мог вступать в брак с крестной дочерью, а крестная мать с крестным сыном. Это церковное установление было принято еще в IV в. в Византии. В дальнейшем правила еще более ужесточились и в XI—XII вв. духовное родство стало считаться препятствием к браку до седьмой ступени, не могли вступать в брак лица, воспринятые одними восприемниками и их потомки²⁶.

Эти брачные правила перешли на Русь в полном объеме и если верхушка русского общества, особенно с XVIII в., часто многие из них игнорировала, то крестьянство соблюдало строго и даже еще более ужесточало. Не говоря уже о брачных связях, кумовья были обязаны вести себя с нарочитой сдержанностью. Парни и девушки на вечерках, посиделках и в хороводах всегда учитывали степень духовного родства между собой и если обнаруживали хоть отдаленное, любовные игры даже и не начинали. Такая сдержанность объяснялась не только прагматическими соображениями — «батюшка венчать не будет», но и боязнью сурового осуждения со стороны всего общества и «страхом Господним».

Народное сознание, вообще почитавшее семейные узы и родство священными, установленными Богом, к духовному родству относилось с особым почтением. В одном из духовных стихов «добрый молодец» кается в трех грехах:

«Я бранил отца с родной матерью...

Уж я жил с кумой хрёстовою...

Я убил в поле братика хрёстового —

Порубил ишо челованьице хрёстное.»

«Мать сыра земля», к которой обращается грешник, не может простить преступления именно против духовного родства:

«Во первом греху Бог простит...

А во третьем греху не могу простить»²⁷.

Сдержанность в отношениях кумовства, предписываемая народной традицией, подчас использовалась одним из супругов, подозревавшим другого в измене. Он стремился устроить так, чтобы подозреваемые в предосудительных отношениях оба оказались восприемниками при крещении какого-нибудь ребенка или «разлучница» приглашалась в крестные матери к ребенку своего «ухажера». В таком случае их отношения превращались из просто аморальных в религиозное преступление, гораздо более сурово осуждаемое обществом, что не могло не привести к их прекращению.

²⁶ Листова Т. А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2. С. 39.

²⁷ Цит. по: Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 75.

Крестных родителей с их крестниками связывали отношения взаимной ответственности. Именно к крестным обращались за моральной поддержкой. Крестные отцы и матери нередко бывали сватами, опекунами, поручителями, они — неперенные и активные участники всех ответственных событий в жизни своих духовных чад, будь то свадьба, именины, проводы в армию и т. п.

Фигура крестного отца или крестной матери настолько органично вошла в народную культуру русских, что даже в Советское время, когда и обряды крещения почти не соблюдались, подчас прибегали к тому, чтобы кто-нибудь исполнял роль крестного родителя, не будучи им. По наблюдениям Т. А. Листовой в Смоленской области в 1984 г., «участие крестных на свадьбе или при провах в армию и сейчас часто считается столь обязательным, что в случае отсутствия действительных или „условных“ кумовьев для исполнения их функций приглашаются посторонние лица, причем иногда после этого их называют „крестными“ и соответственно к ним относятся»²⁸.

Этикет общественной жизни. Стиль поведения «на миру» у русского крестьянства определялся ведущей ролью общины, которая так или иначе влияла на все сферы его бытия. Крестьянская община на протяжении всей многовековой истории Российского государства была одним из самых главных общественных институтов, но общинные традиции гораздо древнее государства.

Если для государства община была, прежде всего, административной и фискальной единицей, то для крестьян она была миром. В этом русском понятии отражено представление об общине как о социально-природном космосе, в пределах которого и по законам которого строились отношения людей к земле и друг с другом. Крестьянский мир — организатор общественных дел, будь то наделение своих членов землей, покосами, лесными угодьями или помощь пострадавшим; регулятор взаимоотношений между хозяйствами, поколениями, полами; средоточие общественного сознания и механизм контроля над соблюдением норм морали; наконец, среда общения людей между собой по определенным традицией правилам.

Организационным выражением общинного начала выступал крестьянский сход. Не вникая в сложную проблему юридических полномочий и многочисленных функций схода, рассмотрим этикетную сторону его проведения. На сход приходили в одежде, соответствующей дню его проведения: в будний день — в будничной, в праздник — праздничной. На сходе было принято демонстративное уважение к старшим по возрасту. Старики — главы семей обычно сидят, молодые мужчины стоят. Перебивать старших было не принято. Женщины, как правило, не имели права голоса на сходе, их

²⁸ Листова Т. А. Указ. соч. С. 49.

выслушивали только в том случае, если решался хозяйственный вопрос, а муж был в отлучке.

Формального голосования при решении вопросов не было, они решались путем согласия с мнением наиболее авторитетных мужиков или «криком». Не последнюю роль в таких решениях играли бывалые красноречивые крестьяне, которых называли в Ярославской губернии *горланами* или *краснобаями*. Нередко такие горланы отстаивали не только свои собственные нужды, но также и интересы зажиточных хозяев, причем небескорыстно (за угощение). Можно сказать, что в крестьянских мирах сформировалась особая категория людей, чаще всего небогатых, но бойких, которые полупрофессионально занимались общественной деятельностью. Их порой именовали *мироедами*. В. И. Даль так объясняет значение этого термина: «вообще тунеядец, шатающийся без дела, живущий за счет других; нищий от праздности; затем: старики и пройдохи, гуляющие на счет мира, общества; все должностные крестьяне; собственно дельцы-пройдохи; ходатаи за мир, коптаны, обирающие крестьян обманом и постоянно подстрекающие их к тяжбам»²⁹.

Сход считался местом, в котором слова и поступки приобретали особое значение. Оскорбление на сходе нельзя было оставить незамеченным, оскорбленный был обязан требовать разбирательства, иначе обвинение против него будет как бы санкционировано миром. При разбирательстве сход решал, кто прав и в случае напраслины не возражал против того, чтобы обиженный принародно бил обидчика. Последний же был обязан терпеть.

Вообще же драки на сходе запрещались законами и драчуны строго наказывались, хотя драки в других местах миром воспринимались довольно равнодушно, а кулачные бои по праздникам «стенка на стенку» даже почитались пристойной забавой. Что же касается драк в кабаках, то сход даже и не принимал жалоб от потерпевших в них, ссылаясь на то, что «хорошие люди в кабак не ходят, там всякое бывает, там и чинов нет»³⁰.

Одной из основных мер воздействия схода на поведение общинников было увещание, которое в некоторых местах именовалось «улещением». Убеждали поссорившихся помириться и просить друг у друга прощение; родителей непутевого парня или девушки построже следить за ними; нарушителей общинных традиций покаяться перед миром и исправиться. Противиться таким увещаниям было не принято, а не прислушиваться небезопасно — у схода были и другие меры — от штрафа до отдачи в солдаты или отправки в ссылку.

Дела, рассматриваемые мирским сходом, были весьма разнообразны, а некоторые могут вызвать удивление у современного читателя.

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 866.

³⁰ Цит. по: Громыко М. М. Указ. соч. С. 97.

Сход мог принять решение не есть какой-либо фрукт или овощ до определенного дня, когда он будет освящен местным попом. Это называлось *положить залоги*. Сход мог даже реагировать на слухи о недостойном поведении девушки и проводить разбирательство. Девушки, ворота двора которой вымазали дегтем (знак обвинения в распутстве), могла обратиться к сходу с просьбой провести расследование, причем не этого хулиганского поступка, а своего собственного поведения. Если публичное расследование показывало, что на нее возвели напраслину, виновного голым и обваленным в пуху водили по деревне, а перед девушкой весь сход снимал шапки и кланялся ей в ноги, прося прощения.

Сход мог даже принять к рассмотрению претензии парня на девушку, просватанную за другого, на том основании, что он у нее «поднимал подол юбки», причем в качестве аргумента в свою пользу парень на сходе мог поднять у «объекта» тяжбы подол. Если сход решал, что претензия не без оснований (в деревне ничего не скроешь), парень мог жениться, а родители девушки отдать ее за него³¹.

Примечательной особенностью крестьянской жизни были самые разные общественные работы, именуемые *помочами*. Это были добровольные коллективные работы в пользу кого-либо из общинников при возведении избы (*вздымки*), при уборке урожая (*дожинки, борода, каша*), при обработке льна или конопли (*толока, бабы помочи*), при вывозе навоза в поле (*назьмы*), при сооружении печи (*печебитье*), при заготовке капусты на зиму (*капустки, капустник*), при изготовлении пряжи (*супрядки, копотиха*), при прополке поля (*полотушки*), при сенокосении (*сеновницы*), при заготовке дров (*дровяницы*).

При всех отличиях в проведении таких работ у них были общие черты: кто-либо из крестьян оповещал о своей потребности в том или ином виде работ; все желающие приходили со своим инвентарем и рабочей скотиной; такие работы воспринимались как праздник, богоугодное дело, не случайно помочи допускались и даже преимущественно проводились в воскресенье и праздничные дни, когда всякая иная работа считалась грехом; хозяин — инициатор помочи организовывал угощение по ее завершении, оплата деньгами исключалась.

В помочах можно выделить следующие этические и этикетные моменты. Если собирается помочь в пользу пострадавших от пожара или семей, в которых умер кормилец, пала рабочая скотина и т. п., то отказ от участия в помочи воспринимался однозначно — как большой грех. Угощение в таких случаях устраивалось из мирских средств или вскладчину. От участия в помочи по приглашению крепкого хозяина отказаться было можно при наличии хоть сколько-нибудь уважительной причины, но редко кто отказывался, ибо все были связаны отношениями взаимности.

³¹ Громыко М. М. Указ. соч. С. 98—99.

В ходе помочи было принято придерживаться следующих правил крестьянского этикета. Хозяин-инициатор не должен был делать замечаний работающим, поторапливать их, указывать, когда начинать ту или иную трудовую операцию и когда ее заканчивать. Он, напротив, должен был прибаутками подбадривать работающих, шутливо восторгаться их ловкостью. Его жена должна была во время перерывов настойчиво потчевать работников закусками, многократно повторяя, что они «совсем ничего не едят». Во время завершающего угощения хозяин должен был лично приглашать работающих к столу и угощать их, не передоверяя это своим домочадцам.

Помочане в свою очередь придерживались следующих норм поведения. Стремилась выполнять работу как можно лучше, быстрее и даже с некоторым удавством. Это вело к своеобразной соревновательности, стимулируемой системой шутливого подтрунивания над неловкими и отстающими. Так, в Смоленской губернии при совместном вывозе навоза на поле никто не хотел быть последним, так как последний воз называли *поскребышем*, а его хозяина *телепнем*, над которым все смеялись³². Такой человек оказывался в роли ритуального шута во время завершающего угощения и не мог отказаться от этой роли, так как русская культура шутки такова, что над теми, кто обижается на подобное подтрунивание, смеются во сто крат сильнее и не с карнавальской условностью, а с издевкой.

Девушки на помочах старались особенно, работа на людях для них была своеобразными смотринами. Неумело работая, они рисковали уронить в глазах мира свою репутацию и снизить шансы на скорый и счастливый брак. Девушек, не умеющих проявить свое мастерство в супрядках (в пряже ткани), называли *непряхами*, в ткачестве — *ниткахами* и т. п. Однажды приклеенные, такие обидные клички долго держались.

Традиционный дух праздника, присущий помочам, по пословице «На миру и труд забава», делал их желанными для крестьян и в особенности для молодежи. Завершение коллективной работы всегда сопровождалось не только угощением, но и танцами, песнями и играми, нередко проникнутыми карнавальным эротизмом. Идя на помочи, крестьяне часто и одевались как на праздник, а в ряде случаев для этого шилась даже специальная одежда. Так, на Севере бытовали *сенокосные рубахи*, украшенные богатой вышивкой. На сенокосе женщины обычно работали без сарафанов в одних рубахах (санкционированное обычаем нарушение этикета) и вышивка, имеющая магический смысл, как бы компенсировала этот отход от правил. К тому же сенокос всегда сопровождался хороводами и играми молодежи, что требовало соответствующего наряда.

³² Громыко М. М. Указ. соч. С. 55.

Этикет общения молодежи. Наиболее выраженная часть этикета общения молодежи у русских крестьян сводится к правилам поведения на посиделках, вечерках, в хороводах, в поздравительных обходах деревни во время праздников.

Посиделки, они же *беседы, поседки, вечеринки, тищи, сходбища* — это санкционированные народной традицией собрания крестьянской молодежи в специально нанятой избе или по очереди в избах участников. Они делятся на посиделки, в которых девушки занимаются работой (пряжением, выпивкой), и те, на которых не работают, а только развлекаются. Последние проводились почти исключительно в праздники. Нормы поведения на них примерно одинаковы.

Наиболее характерные черты этикета крестьянских посиделок можно представить по описанию П. И. Якушкина: «Девушки приходили на посиделки первыми, рассаживались по лавкам и начинали прясть. Парни подходили по одному, по два и группами; войдя, молились перед иконами, затем приветствовали: „Здравствуйте, красные девушки!“ В ответ раздавалось приветливое — „Здравствуйте, молодцы хорошие!“ Многие парни приносили свечи (до этого горел лишь светец с лучиною в переднем углу). Парень зажигал свечку и ставил той девушке, которая нравилась. Она говорила с поклоном — „Спасибо, добрый молодец“, не прерывая работы; а если в это время пели, делала лишь поклон, не прерывая песню. Парень мог сесть около девушки; если же место было занято другим, то, поставив свечу, отходил в сторону или садился около другой. У многих прях горело по две свечи. Разговаривали вполголоса, временами пели. Под песню шла и игра-пантомима, изображавшая действия, о которых рассказывала песня. Парень, ходивший около девиц с платочком, бросал его одной из них на колени... девушка выходила на середину, заканчивалась песня поцелуем. Теперь платок бросала девушка одному из сидящих и т. д. Бросить платок сразу же парню или девушке, который (или которая) только что выбирал, считалось зазорным»³³.

Посиделки проводились в определенное время года, как правило, с осени до весны, сменяясь весной развлечениями под открытым небом — хороводами, этикет которых в основных своих принципах схож с нормами поведения на посиделках. Во время постов развлекательная часть посиделок сокращалась или вообще отменялась, а во время праздников наоборот — работа полностью заменялась весельем.

Основной целью посиделок в крестьянской среде считали работу. Для этого девушкам старшие задавали урок — определенное количество пряжи. Когда на посиделки приходили парни из другой деревни, с них брали взнос деньгами на покупку свечей, орехов, пряников. С девушек, пришедших из других деревень, денег не брали. При этом

³³ Цит по: Громыко М. М. Указ. соч. С. 226.

гостям принято было оказывать уважение — сажать на почетные места ближе к образам, уступать первую очередь в играх и т. д.

На посиделках, вечеринках и в хороводах, как правило, допускались вольности, категорически запрещенные в других обстоятельствах. Во многих местностях России допускалось и даже считалось приличным, чтобы парни садились девушкам на колени, но не наоборот. Поцелуй — неперенный атрибут любых молодежных игр. Местами было принято устраивать т. н. *гаски* — это когда парни внезапно гасят в избе свет и начинают обнимать девушек. Весной и летом во время гуляний было принято расходиться парами и «стоять за углом», причем происходило это «стояние» отнюдь не без ласк.

Обилие подобных фактов, выхваченных сторонними наблюдателями из не вполне понятной им крестьянской жизни и описанных в этнографической литературе XIX—XX вв., породило расхожее мнение о какой-то особой сексуальной распушенности крестьянской молодежи. Существует в интеллигентной среде и прямо противоположная тенденция в оценке крестьянской морали — умалчивать подобные факты или подвергать сомнению их объективность. У обеих этих тенденций есть одна общая черта — они исходят из моральных критериев образованных городских кругов и тем самым искажают реальную картину народной традиции, основанной на совершенно иных принципах.

Древняя народная традиция, пронизанная мифологическими началами, включает в себя т. н. карнавальнй элемент, который представляет собой особую форму ритуального утверждения моральных и вообще культурных ценностей посредством их нарочитого переверачивания. Здесь очень важно понять когда, где, что дозволяется и до каких пределов. Молодежный половой этикет — это правила игры, хорошо известные крестьянской молодежи. По этим правилам нарочитый эротизм сочетается с общественным идеалом целомудренности. В некоторых местностях можно сколько угодно целоваться, причем с разными девушками, в игровых ситуациях, но менять слишком часто свою «почетницу» (признанную всеми постоянную партнершу по посиделкам и хороводам) нельзя; можно лихо обнимать девок, играя в «редьку», садиться им на колени, но нельзя открыто подарить свой «почетнице» пряник, а той его съесть прилюдно.

Добрачные половые отношения в традиционной крестьянской среде в идеале вызывают негативную реакцию общины и в некоторых местностях действительно весьма редко случались. Здесь парней, прославивших соблазнителями, девушки не приглашали на посиделки, не танцевали с ними в хороводах — иначе родители не будут пускать на эти собрания. Им нередко отказывали при сватовстве, существовало мнение, что такие могут жениться только на вдовах или на «порченных» девицах. В крайних случаях распутного молодца сход мог вне очереди сдать в солдаты, не говоря уже о том, что братья и отец «обесече-

щенной» с молчаливого одобрения всей общины могли до полусмерти избить виновного. Девушке, родившей внебрачного ребенка, был закрыт вход на посиделки и в хороводы, а дальнейшая ее жизнь вообще была незавидной.

Такие строгие правила, однако, были отнюдь не повсеместны. Этнографический материал позволяет утверждать, что во многих регионах идеал добрачного целомудрия был именно идеалом и поэтому наиболее отчетливо проявлялся во внешних, этикетных формах поведения. Реальная же жизнь была сложнее и карнавального эротизма хороводов, и строгих принципов общественного сознания. Это же общественное сознание нередко воспринимало добрачных детей как признак плодovitости женщины, что повышало ее шансы на замужество.

Этикет гостеприимства и застолья. Культура приема гостей и проведения торжественной трапезы у русских крестьян сохранила очень древние обычаи. Особенно архаичные элементы отличают общественные пиры, называемые в разных местностях *братчинами, канунами, ссыпчинами, складчинами, свечой*. Все эти общественные пиры или трапезы, как правило, приурочивались к большим церковным праздникам и порой носили соответственное название — Покровщины, Ильющины, Никольщины и т. д.

Такие трапезы санкционировались и одобрялись светскими и церковными властями, известны документы, свидетельствующие об этом, относящиеся к XV—XVI вв.³⁴. Проводились они по решению мирского схода, который назначал размер вклада каждого хозяина в виде зерна для варки пива, солода, других продуктов или денег, а также срок праздника, место его проведения и ответственных лиц.

Общественные пиры устраивались после церковной службы, в них принимали участие только старшие мужчины, полноправные члены общины, но женщины в некоторых местностях отдельно устраивали свои ссыпчины. На такие трапезы принято было приглашать и тех, кто не вносил своего пая — бедняков и нищих. Порой в общественных трапезах участвовали мужчины всей волости из нескольких десятков деревень, а порой ее устраивали жители только лишь одной улицы (конца) села.

Ритуальные элементы общественных пиров были разными в разных местностях. Иногда главным ритуальным объектом выступала икона святого, в честь которого устраивался пир, а иногда свеча. Последний вариант послужил причиной наименования трапезы — *сучение свечи*.

Сучение свечи распространено в Смоленской области. Здесь поочередно хозяева в день престольного праздника организуют следующий

³⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. С. 174.

ритуал: старики (домохозяева) сходились в одну избу, где заранее накрывался стол, готовилось большое количество пчелиных сот перед иконой святого покровителя прихода; все молились перед иконой, садились за стол и, немного выпив и закусив, принимались жевать соты и выслеивать воск в чашу с водой, из этого воска сообща лепили большую свечу и ставили ее перед иконой. После этого начинался собственно пир, который продолжался до утра.

Помимо братчин в храмовые праздники устраивалась масса других мероприятий, среди которых особенно распространено хождение в гости, сопровождающееся праздничным застольем и гуляньями — хороводами, молодежными вечерками. Вообще в гости русские крестьяне ходили только по праздникам. Визиты в иные дни гостеванием и не считались, торжественными трапезами не сопровождались, а если кто-нибудь и нарушал этот обычай, это почиталось общественным мнением за грех.

Многие наблюдатели в прошлом отмечали особенное гостеприимство русского крестьянства, среди которого обычай радушного приема любого путника почитался священным. Об этом свидетельствует фольклор: «Гость в дом — Бог в дом», «В поле враг, дома гость: садись под святые, починай ендову» и т. п. Обычай гостеприимства имел два варианта, существенно отличающиеся друг от друга. Первый — прием незваного гостя, которому хоть и оказывались знаки уважения, но не принято было по поводу его прихода устраивать праздник. Его довольно быстро как бы принимали в состав семьи на правах старшего, уважаемого члена.

Второй вариант — прием званого гостя. Он был наполнен множеством этикетных элементов. Само приглашение представляло собой довольно сложный ритуал. Оно было обязательным. Приглашение делалось часто через «позывных», но считалось, что личное приглашение хозяина — знак большей чести. Принимать приглашение с первого раза считалось неприличным и поэтому было нормой делать его несколько раз. Приходить в гости первым также считалось неприличным, это могли сделать лишь очень близкие родственники хозяина.

Встречать гостей хозяин обязан был лично, при этом учитывая их возраст, общественное положение и степень родства. В соответствии с этой градацией он встречал гостя либо у ворот усадьбы, либо у крыльца, либо у входа в горницу. Гости в свою очередь тоже согласно этикету не могли въезжать во двор, а останавливались у ворот и к дому шли пешком.

Главным моментом приема гостей было застолье, трапеза. Начиналось застолье с рассаживания гостей за столом. Везде это делалось примерно одинаково: место хозяина дома было в красном углу под образами, причем принято было сидеть не прямо в углу, а немножко в стороне, чтобы не находиться на линии между главной иконой и

столом (пословица — «Между Богом и столом только дурак»); место справа от хозяина считалось самым почетным, его занимал либо самый старший гость, либо самый важный; места рядом с хозяином по лицевой стене избы занимали мужчины в соответствии со своим возрастом и положением — чем младше, тем дальше от красного угла. Женщины раньше вообще за стол не садились, в XIX в. это правило еще кое-где соблюдали, но обязательно оно было только на общественных пирах-братчинах. При гостевании на частном пиру женщины занимали места ближе к печи.

Всякое застолье, в особенности торжественное, требовало от всех соблюдения некоторых общих этикетных правил. Стол в крестьянском мировоззрении — вещь святая, «стол — то же что в алтаре престол, а поэтому и сидеть за столом и вести себя нужно так, как в церкви», не зря существовал обычай целования стола перед дальней дорогой³⁵. Таким же священным для крестьян был хлеб. Начав есть кусок хлеба, надо доедать его до конца, недоеденный кусок нельзя оставлять на столе; нельзя доедать кусок за кем-либо, в особенности мужчине за женщиной и женщине за мужчиной — этим можно отнять чужую силу; то же самое может произойти, если есть у кого-либо за спиной; нельзя, не доев один кусок, братья за другой — этим поступком обрекаешь кого-то на голод; нельзя макать хлеб в соль — своеобразная народная трактовка сюжета из Евангелия, в котором Иисус говорит об Иуде: «опустивший со Мною руку в блюдо: этот предаст Меня» (Матфей, XXVI, 23). «Кто берет соль из солонки пальцами, а не ножом или „цавьем” ложки, того смело можно считать тайным врагом дома „юдашом околелым”»³⁶. Нельзя ложку опирать о край чашки — по ней нечистая сила может перебраться.

Во время трапезы принято было, чтобы хозяин собственными руками подавал лучшие куски еды наиболее солидным гостям. Ели чаще всего руками, беря куски с общего блюда, а жидкую пищу хлебали ложками из общей чашки; если же гостей было много, то одна чаша приходилась на 3—5 человек. Наиболее почетным гостям в знак уважения было принято подавать особое («опричное») блюдо.

Такой порядок трапезы был характерен еще в XVII в. и для знатных вельмож³⁷, к началу же XX в. он удержался лишь у крестьян, да и то не везде, т. к. его вытеснили элементы мещанского этикета.

Неизбежным атрибутом праздничной трапезы с глубокой древности были спиртные напитки. Обычай пить за здоровье (впрочем, также и в «погибель») зафиксирован в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет». Известны описания жестоких попок при

³⁵ См.: Байбурин А. К., Топорков А. А. Указ. соч. С. 135.

³⁶ Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы. Цит. по: Байбурин А. К., Топорков А. А. Указ. соч. С. 143.

³⁷ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 167—172.

дворах русских царей и вельмож, когда хозяин стремился непременно спить своих гостей, провозглашая тосты за свое здоровье или здоровье государя и, наполняя полуведерные кубки крепкой брагой или медовухой (водка распространилась на Руси не раньше XVI в.) Не выпить за такой тост до дна было нельзя. Как утверждает З. Герберштейн, свидетель таких пиров в XVI в., «Кто не выпил до дна, не пожелал добра»³⁸.

Не сомневаясь в том, что подобные описания отражают реальное положение дел, необходимо отметить, что речь идет о пирах дворянской знати, которая еще с дружинных времен сохраняла особые, рыцарские по своей сути, обычаи всякого рода ристалищ, поединков и вообще соревновательности во всем.

Что же касается крестьянства, то оно до начала, если не середины XX в., в повседневной жизни потребляло спиртных напитков очень мало и по освященным традицией правилам. На торжественных пирах пили чаще всего самодельное пиво, медовуху или брагу. Еще в XIX в. в ходу был обычай пить круговую чашу, которая назвалась *братина*, так же как и общественные пиры — братчины. Пили, передавая ее по солнцу, таким образом, соблюдая возрастную иерархию. Девушки и неженатые парни во многих местностях до 30—50-х гг. XX в. вообще не имели права пить, а женщины могли выпивать только уже в зрелом возрасте.

Совершенно иное отношение к питию спиртного отмечалось в праздничные дни. К престольным праздникам и к некоторым иным большим торжествам во многих местностях было принято варить огромное количество пива и браги и, соответственно, потреблять его. В праздничные дни чрезмерность в еде и питье почиталась как бы обязательной, принимающая сторона считала делом своей чести накормить и напоить гостей до отвала. В этом обычае слышны отзвуки древних дарообменных отношений и престижной экономики, которые связаны со старинными представлениями о ритуально-магической природе общественной трапезы и с представлениями о доминировании и авторитете отдельных людей и, главным образом, коллективов.

Обычай гостевания на престольные праздники предусматривал переход из одного дома в другой, так как крестьянский мир представлял собой плотную сеть родства, свойства, кумовства, побратимства, которая связывала каждого человека с огромным числом людей. Эта связь обязывала каждого посылать приглашения ко дню престольного праздника в своей деревне и принимать приглашения от многочисленной родни (кровной, свойской, духовной) из всех окрестных деревень. Таким образом, каждый «двунадесятый» праздник превращался в серию пиров, которые длились по несколько дней.

³⁸ См.: Байбурин А. К., Топорков А. А. Указ. соч. С. 152.

Традиционный народный этикет и современность. Отношение к этикету и этикетности поведения в современном российском обществе отражает глубокие изменения в культуре нашего государства, происходившие в XX в. В послереволюционное время зародилась тенденция к безэтикетности и даже антиэтикетности поведения, так как дореволюционные этикетные нормы не без оснований ассоциировались с «чуждыми» пролетариату слоями населения — дворянством, буржуазией, интеллигенцией. Они и упразднялись вместе с этими слоями. Что-нибудь определенное о пролетарском этикете рубежа веков вряд ли можно сказать, а традиционная крестьянская культура поведения в годы коллективизации и индустриализации подверглась значительной эрозии.

В советском обществе постепенно складывалась особая культура поведения и общения, «антиэтикетность» которой стала лишь элементом нового советского этикета. Научный анализ последнего еще, насколько нам известно, никем не проводился и здесь не место для него, но некоторые черты этого феномена, проявляющиеся по сей день, рискну отметить. Сами понятия «этикет» и «этикетность» приобрели в массовом сознании стойкий оттенок чопорности, манерности, холодной отчужденности. Им противопоставлялись в качестве неких идеальных, правда, никем не сформулированных, норм поведения искренность, непосредственность, безыскусственность, прямота, а в официальной советско-партийной сфере — т. н. принципиальность, беззаветная преданность, бескомпромиссность, товарищество и т. п.

Я лично несколько не сомневаюсь, что какая-то часть советского народа — в определенные периоды истории весьма значительная — искренне воспринимала подобные категории как отвечающие высокому этическому стандарту и в своем поведении стремилась им соответствовать. Но, закрепляясь в качестве моделей одобряемого поведения, они неизбежно превращались в некие формальные структуры, относительно независимые от этического содержания, т. е. в этикет. В этом качестве они и дошли до конца 80-х гг. и, рискну заметить, многими после 60-х гг. воспринимались как «правила хорошего тона» и почти не соотносились с глубокой мировоззренческой мотивацией поведения.

В советском обществе никогда полностью не исчезали и элементы старой поведенческой культуры. Они существовали в виде островков «настоящей» интеллигентности в культурном массиве совслужащих и работников умственного труда, крестьянских поведенческих норм в колхозно-совхозном быту.

С середины 80-х гг. в стране начались известные процессы, среди которых было т. н. возрожденческое движение — инициируемая интеллигенцией риторическая волна с призывами к возрождению «общечеловеческих ценностей», «традиций дореволюционной культуры и государственности», «национальных культур», «крестьянских

традиций» и т. п. Идеалы и ценностные ориентиры переместились из пространства «светлого будущего» в пространство «светлого прошлого».

Новое отношение к традиционной культуре народов России и к традиционному этикету в частности можно условно назвать этнографическим романтизмом³⁹. Этнографический романтизм — это тенденция (мировоззренческая, эстетическая, а порой и социально-политическая), исходящая из примата (абсолютного или относительного) ценностей доиндустриальной, доурбанистической культуры для воспроизводства полноценной личности и гармоничных общественных отношений. Целевые установки сторонников этой тенденции можно условно свести к трем основным; реконструировать по уцелевшим (в народной или личной памяти, в крестьянском быту или в исторических источниках) осколкам народную традиционную культуру и путем пропаганды сделать ее ценности достоянием современного общественного сознания и нормами современной общественной практики.

Возможна ли буквальная реализация этих целей? Мы убеждены, что не возможна — по следующим причинам: традиционная культура в отмеченном ретроспективном значении — это форма определенного исторического бытия, имеющего конкретный социально-экономический фундамент, возврат к которому невозможен в силу необратимости исторического процесса; ценности традиционной культуры для современных людей имеют в принципе иную функциональную определенность — если для предков они были самоочевидными, естественными проявлениями живой жизни (во многом существующими в сфере бессознательного), то для потомков они выступают как осознанные и переосмысленные символы их этнической принадлежности.

Означает ли это, что этнографический романтизм является просто иллюзией, не отвечающей реальностям современного бытия? Мы уверены, что это не так. Этнографический романтизм — это не выдумка, а тенденция общественного сознания, имеющая объективную природу, возникающая в кризисные периоды истории и направленная на то, чтобы восстановить сильно нарушенный баланс между естественностью, спонтанностью самодвижения народной духовности (этнокультурная традиция) и рационализмом, субъективностью политических, идеологических и прочих доктрин.

Как объективный феномен этнографический романтизм не принимает однозначных этических и, тем более, политических оценок (плохо — хорошо, прогрессивно — реакционно и т. п.), он может найти воплощение в самых разных субъективных концепциях — от «реакционного романтизма», отвергающего достижения научно-технического

³⁹ См.: Никишенков А. А. Возрождение народных традиций и этнографический романтизм // Традиции в многонациональном обществе. Минск, 1990. С. 137—138.

прогресса и городской культуры, до концепции развития фольклорных жанров.

В настоящее время этнографический романтизм в литературе и искусстве — неизбежное явление кризисного состояния общества. Он является своеобразным выражением подспудного стремления к ценностной реабилитации народной культурной традиции, которая на самом деле никогда полностью не пресекается, но и никогда не остается неизменной. Этнографический романтизм — это в чем-то оправданная критическая оппозиция по отношению к явным негативным последствиям индустриального и урбанистического процессов (исторические аналоги — руссоизм, раннее славянофильство). Этнографический романтизм — это, зачастую, призыв к творческому переосмыслению достижений народных культур и превращению их в новые ценности национальных культур (исторические аналоги — деятельность представителей романтического направления в Западной Европе и «будителей» среди западных и южных славян в XIX в.).

Традиционный народный этикет у многих народов России из всех явлений традиционной культуры прошлого, на мой взгляд, в наибольшей степени поддается «возрождению». Во-первых, потому, что каркас и основные элементы традиционных систем общения сохранились гораздо лучше, чем прочие компоненты традиционных культур (система хозяйствования и природопользования, религиозно-обрядовая сфера, общественные структуры и др.). Во-вторых, сама по себе знаковая природа этикета, ориентированная на демонстрацию чего-либо (социального, полового и возрастного статусов, уважения, скорби, радушия и т. п.), оказалась востребованной в условиях оживления этнического самосознания — нормы этикета теперь нередко исполняют ранее не свойственные им функции этнических маркеров. В-третьих, все углубляющийся процесс распада социальных связей в нашем обществе породил острый дефицит в нормативных основах общения, что у многих порождает повышенный интерес к смыслу традиционных этикетных норм.

Нормы эти, даже в том трансформированном виде, в каком они дошли до наших дней или сохранились в народной памяти, несут в себе изрядный потенциал поддержания общественной солидарности и равновесия, так как за ними скрываются освященные вековой традицией этические принципы справедливости, толерантности, радушия, взаимности и т. п. Пускай этикетное, поверхностное «обозначение» древних добродетелей и не является подлинной добродетелью, для оздоровления общественного психологического климата в условиях повышенной конфликтности и этого порой бывает достаточно.

Роль этикета особенно возрастает в ситуациях межэтнических контактов. В таких ситуациях порой весьма важным бывает хотя бы элементарное знание того, что является недопустимым при общении с представителями другого народа. Иногда даже символическое обозна-

чение осведомленности в обычаях этого народа вызывает добрую обратную реакцию.

3. 3. Источники и литература по теме крестьянского этикета

При изучении данной темы приходится собирать факты по крупицам из довольно большого количества литературных источников самого разнообразного плана, так как специальных монографий по народному этикету до недавнего времени в этнографической литературе не было. Лишь в последние годы проблемы этикета и в частности народного этикета стали объектом научного анализа в этнографии. В этой связи нельзя не отметить новаторские труды А. К. Байбурина, А. Л. Топоркова, Б. Х. Бгажнокова, М. М. Громыко⁴⁰, а также небольшую книгу А. А. Никишенкова⁴¹. Из указанных трудов лишь книга М. М. Громыко специально посвящена культуре поведения при общении русских крестьян. В этой книге содержится богатый фактический материал, относящийся к периоду XIX — начала XX вв., почерпнутый из этнографических описаний и архивных источников этого периода. Что же касается советского периода и современного состояния этого феномена, то труды на эту тему практически полностью отсутствуют. Коммуникативная культура крестьян советского и постсоветского периодов по указанным выше причинам оказалась в тени и освещалась лишь как один из аспектов народного быта в работах, посвященных изучению общественной организации, семейно-брачных отношений и т. п., а также в разделах обобщающих коллективных монографий, посвященных русскому народу⁴², причем, в большинстве случаев этикетные нормы колхозного крестьянства освещались весьма скупо.

Можно сказать, что опубликованные этнографические источники по проблеме изучения этикета русского крестьянства советского и постсоветского периодов весьма скудны и малорепрезентативны. Для реконструкции процесса эволюции коммуникативной культуры русских крестьян доколхозного, колхозного и современного периодов необходимо использовать архивные материалы (личные документы и записанные воспоминания крестьян, хранящиеся в семьях и местных

⁴⁰ Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. соч.; Байбурин А. К. Указ. соч.; Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет; он же. Очерки этнографии общения адыгов; Громыко М. М. Указ. соч.

⁴¹ Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России (XIX — начало XX вв.). М., 1999.

⁴² См.: Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; Русские: Ист.-этногр. очерки. М., 1997; Русские. Серия «Народы и культуры». М., 1997; Русский народный свадебный обряд: Исслед. и материалы. Л., 1978; Русский Север: Пробл. этнографии и фольклора. Л., 1981.

музеях), местную периодическую печать и, в какой-то степени, художественную литературу. Основным же источником должны служить полевые исследования, проводимые по специальной методике, позволяющей зафиксировать наблюдаемую реальность и информацию, хранящуюся в памяти старшего поколения крестьян, что позволяет «заглянуть» в их повседневную жизнь, начиная с 30-х гг. прошлого века.

3. 4. Основные проблемы изучения традиционной культуры поведения при общении (этноэтикета) русского крестьянства

Специфика положения этикета в традиционной культуре придает особое значение разнообразию методологических подходов, ориентированных на разные аспекты коммуникативного поведения, позволяющих «улавливать» этикетное измерение всевозможных жизненных ситуаций. В современной науке сложилось немало таких подходов. Наиболее традиционным и привычным является изучение вербальных проявлений этикетного поведения как его основы, когда фиксируются стандартные формулы приветствий, прощаний, благодарности, извинений, применение иносказаний, неинформативной (фатической) речи, наличие запретов на те или иные выражения и т. п.

Существенным для изучения традиционного этикета являются подходы, ориентированные на выявление и фиксацию т. н. паралингвистических феноменов — интонации и громкости речи, междометий, смеха, плача и других явлений, имеющих смысл, как правило, лишь в контексте речи.

Важным также является и то, что изучает особая субдисциплина *кинесика* — жесты, движения, мимика, позы и т. п., которые могут дополнять речевые формы этикета, но могут иметь и самостоятельный смысл. Важно учитывать, какие кинемы в системе этикетных норм являются обязательными, какие недопустимыми.

В последние десятилетия исследователи традиционного этикета все больше обращают внимание на семантику пространства, в котором разворачивается этикетная ситуация. Изучение этого аспекта этикетного поведения получило название *проксемики*⁴³, в поле зрения которой находятся такие вещи, как ценностная топография жилища, поселения или иного места (выяснение вопроса, какие места более почетные, а какие менее); особенности дистанций между участниками этикетного общения и т. п.

Для адекватного понимания сущности этикетного поведения необходим анализ знаковой нагрузки предметов, используемых партнерами

⁴³ См.: Hall E. T. A system for the notation of proxemic behaviour // American Anthropologist. 1966. Т. 65.

в общении или окружающих их при этом (*семиотика*) — части одежды, оружие, орудия труда, детали жилища, мебель, хозяйственная утварь, пища. А также вещи, имеющие специальное этикетное назначение, к примеру, жезлы, символические дары и т. д.

Как уже отмечалось, нормы этикета являются органической частью традиционной культуры народов России, которые отличаются значительным разнообразием. Но в этом разнообразии этнография уже давно обнаружила поразительные сходства, которые дали основание еще классикам эволюционизма сформулировать идею умственного единства рода человеческого⁴⁴. Аргументация классиков сейчас кажется несколько наивной, но единообразие многих обычаев остается фактом.

Об этих общих моделях стоит упомянуть в настоящем разделе и дать их интерпретацию с позиций ограниченного набора существующих научных подходов, не претендуя на исчерпывающее объяснение.

В любой из этикетных ситуаций русского крестьянства (как и всех без исключения народов России, сохранивших традиционную культуру) половая дифференциация имеет сходные черты — всё женское отчетливо отделяется от мужского и даже противопоставляется ему; этикетная топография традиционного жилища всегда четко разделена на женскую и мужскую половины; этикетное поведение всегда выражает доминирующее положение мужчины; при торжественных застольях, а порой и при любой трапезе женщины или вообще исключаются, или занимают наименее почетные места; вещи, орудия труда противоположного пола очень часто этикетно табуируются. Все эти особенности традиционной культуры общения представителей разных полов резко контрастируют с европеизированными нормами этикета российской элиты, в которых явственно присутствует отзвук рыцарского служения «прекрасной даме».

Варианты общетеоретического объяснения подобных норм многочисленны: с эволюционно-стадиальной точки зрения в них отражена характерная для первобытности ситуация напряженности в отношениях с чужим родом, откуда по закону экзогамии приходит женщина в коллектив своего мужа (или наоборот, если брак уксорилокален), женщина выступает носителем интересов (материальных, политических и т. п.) чужого рода и носителем магической силы чужих духов, которые часто ассоциируются с ее волосами, менструальной кровью и т. п. (отсюда обычаи, запрещающие женщинам появляться перед мужчинами с непокрытой головой, прикасаться к некоторым предметам во время месячных). Косвенным подтверждением этого объяснения служит более свободное поведение в семье «своих» женщин — дочерей, сестер, теток. К примеру, свои девушки могут ходить с непокрытой головой.

⁴⁴ См.: Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 17—35.

Со структурно-функциональной точки зрения взаимное поведенческое дистанцирование полов является этикетным выражением фундаментального для большинства традиционных обществ противопоставления двух линий (мужской и женской) происхождения и наследования статуса, имущества, прав и обязанностей — каждый человек в таких обществах связан сетью отношений как с родней отца, так и родней матери, а также с родственниками супругов своих сестер, братьев и т. д. и отношения эти часто бывают не лишены противоречий и взаимной напряженности.

С производственно-экономической точки зрения рассматриваемые этикетные нормы могут трактоваться как отражение фундаментального для крестьянского хозяйства полового разделения труда.

Дифференциация этикетных поведенческих моделей, связанных с возрастной градацией, — не менее характерная черта традиционных обществ. В любом традиционном обществе существуют специальные этикетные средства выражения почтения к старшему по возрасту или генеалогическому поколению. Словесно это воплощено в специальных формулах обращения, приветствия и т. п. Кинесика фиксирует наличие предписанных этикетных жестов, поз, поступков, адресованных старшим или совершаемых в их присутствии. Проксемика отмечает большое количество норм, указывающих достойное место старшего в пространстве общения. Общее объяснение этого блока этикетных норм в эволюционной плоскости можно кратко представить следующим образом: отмеченное отношение к старшим по возрасту уходит в эпоху первобытности, когда старейшины воплощали в себе многопоколенный опыт и знание. Они воспринимались всеми как хранители священного предания, выступающего средоточием общественной воли, регулятором жизнедеятельности коллектива; образ жизни стариков (предков вообще) — идеальная модель жизни для молодежи, а отступление от него — грех⁴⁵.

Со структурно-функциональной точки зрения этикетная почтительность к старшим по возрасту — отражение важных социальных институтов традиционных обществ — чем дольше живет человек, тем больше у него потомков, чем больше потомков, тем для большего количества людей он выступает знаковой фигурой, символом их групповой солидарности, соединительным звеном с аналогичными генеалогическими группировками. У русских крестьян в эпоху широкого распространения больших неразделенных семей «большак» и «большуха» выступали обладателями реальной власти над своими женатыми сыновьями и их семьями, и нормы почтительности по отношению к ним имеют очевидные основания. Почтительность эта сохранилась и в

⁴⁵ См.: Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. М., 1988; Элиаде М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторения) // Космос и история. Избр. работы. М., 1987.

эпоху массового разложения больших семей во второй половине XIX в., но имела уже чисто этикетный характер. Особенности традиционного хозяйства, таковы, что практический опыт стариков в нем жизненно необходим, даже если они и лишены властных полномочий.

Бросается в глаза однообразие некоторых этикетных приемов, применяемых при подготовке заключения брака (сватовство, ухаживание, сговор и др.), особенно богатый репертуар иносказаний. Практически у всех народов России по традиции не рекомендуется при сватовстве прямо говорить о цели прихода сватов, этикет предписывает прибегать к стандартным фольклорным сюжетам («покупка красного товара», «поиск отбившейся от стада скотины» и т. п.). Сват и его свита садятся не куда-нибудь, а на строго определенное место (во многих местностях — под матицу)⁴⁶, их поступки жестко регламентированы, т. к. каждое движение имеет характер закодированного послания, к примеру, у некоторых локальных групп русских крестьян «забытая» после неудачного сватовства рукавица означает твердое намерение свата прийти еще раз с той же целью и т. п. Такой же знаковый характер имеют иносказания, жесты и поступки невесты и ее родственников, к примеру, задувание девушкой свечи перед иконой означает ее отказ, а «колувание» ею пальцем печи — согласие.

Однозначного объяснения всех этих этикетных иносказаний, очевидно, предложить нельзя. Но то, что, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, так это общие для традиционных обществ черты самого феномена бракосочетания. Это явление порождает целую сеть очень важных для двух групп связей. Брак подобен установлению дипломатических отношений, процедура бракосочетания является узлом переплетения имущественных, хозяйственных, юридических и пр. отношений. На предварительных этапах партнеры по необходимости должны вести себя осторожно, т. к. каждая из сторон рискует быть опозоренной отказом (группа жениха) или вызвать гнев порой могущественного претендента (группа невесты) — у некоторых народов отказ породниться порой служил поводом для войны. Иносказания в столь напряженной обстановке как бы переводят проблему в ритуально-игровую сферу, смягчают неприятные моменты и создают возможность косвенно прозондировать все обстоятельства, не прибегая к прямым вопросам, которые могут показаться бесцеремонными и не деликатными. Таким же образом язык иносказаний может помочь молодым в символической форме выразить свои чувства и матримониальные намерения.

Ситуация торжественного застолья (трапезы) в этикетном смысле наделена сходными чертами. Это не просто этикетная ситуация, а

⁴⁶ Матица — основная балка, поддерживающая доски потолка. С этим предметом в русском фольклоре и обрядах связывается множество религиозно-магических и поэтических воззрений.

церемониал с выраженными ритуальными признаками — обязательная фиксация статусов всех участников (по родству, свойству, возрасту, социальному рангу), обязательное рассаживание в соответствии с принятой в данном обществе шкалой значимости этих статусов и оказание других знаков внимания в соответствии с ней же.

Структурно-функциональная интерпретация отмеченной черты застольного церемониала кажется очевидной — это подтверждение общественной значимости позиций и ролей, составляющих ключевые моменты в традиционной социальной структуре. Отдельные церемониальные элементы торжественной трапезы дифференцируют общество, разделяют его членов по рангам, другие наоборот — соединяют воедино, символизируют солидарность всего коллектива независимо от имущественного или социального положения. К последним можно отнести повсеместно распространенный обычай приглашать к торжественной трапезе всех, невзирая на материальное участие в ее подготовке — бедняков, нищих и даже случайных прохожих. Такую же интегративную функцию исполняет и обычай обязательного вкушения еды и питья из общей чаши, что опять-таки, встречается у всех народов России и не только России. Сам факт совместной трапезы нередко воспринимался как созидание родственных уз⁴⁷.

Еще одной примечательной чертой, общей для традиционного этикета многих локальных групп, является обязательность в ряде ситуаций одаривания и такая же обязательность эквивалентного отдаривания. Впрочем, даром может считаться в культуре общения не только ценный или символический предмет, но и пир, торжество, праздник (Ю. И. Семенов разработал детальную типологию подобных явлений, которые он назвал «дароторжеством», «дароугощением», «дачеугощением» и т. п.)⁴⁸, услуга или помощь, благопожелание, благословение и даже исполнение песни.

Здесь нет нужды обосновывать глубокую укорененность в общественной и культурную среду, а также универсальность феномена дара. Это впервые в науке на теоретическом уровне сделал М. Мосс⁴⁹ и развил в своем трехтомном фундаментальном исследовании Ю. И. Семенов⁵⁰. Уместно лишь подчеркнуть, что феномен дарообменных отношений как «целостный социальный факт» обладает, по Моссу, закономерностью, выраженной формулой «давать — брать — возвращать». Эта закономерность в высшей степени отвечает природе этикета и не только в том смысле, что этикетное поведение предполагает иногда обмен подарками, но и потому, что этикет, как культура

⁴⁷ См.: Бутинов Н. А. Родство и сродство в Меланезии // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М., 1981.

⁴⁸ См.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1—3. М., 1993.

⁴⁹ См.: Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общество, обмен, личность. М., 1996.

⁵⁰ См.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология.

общения, обладает диалогической природой, в нем каждая словесная формула вежливости, жест, поступок могут расцениваться как адресованный партнеру дар, который «взывает к отдару» и от этой «системы тотальных поставок» безнаказанно не может уклониться никто.

Традиционный крестьянский этикет для удобства сопоставления и сравнительного анализа целесообразно представлять по схеме, в которой достаточно условно выделены следующие разделы — этикет семейной жизни, этикет общественной жизни, этикет общения молодежи и этикет гостеприимства и застолья.

3. 5. Литература

Общие работы, посвященные традиционной культуре поведения при общении (этноэтикету)

- Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
- Байбурин А. К., Топорков А. А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.
- Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура: (К определению предмета этнографии общения) // СЭ. 1978. № 5.
- Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
- Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
- Иванова Ю. В. Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России (XIX — начало XX вв.). М., 1999.
- Словарь по этике. М., 1983.
- Hall E. T. A system for the notation of proxemic behaviour // American Anthropologist. 1966. T. 65.

Работы, посвященные этноэтикету русских крестьян

- Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.

- Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. 2-е изд. М., 2007.
- Даль В. Пословицы русского народа. М., 1984.
- Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. 1914. № 3—4.
- Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Крюкова С. С. Брачные традиции крестьян южнорусских губерний во второй половине XIX в. // ЭО. 1992. № 4.
- Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
- Листова Т. А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2.
- Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989.
- Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. М., 1991.
- Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Ист.-этногр. исслед. (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973.
- Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987.
- Розанов В. В. Соч. в 2 т. Прил. к журн. «Вопр. философии». М., 1990.
- Русские / Отв. редакторы: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997.
- Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989.
- Русский народный свадебный обряд: Исслед. и материалы. Л., 1978.
- Русский Север: Пробл. этнографии и фольклора. Л., 1981.
- Русский Север: Этническая история и народная культура XII—XX века / Отв. ред. И. В. Власова. М., 2004.
- Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967.
- Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961.
- Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.
- Селиванов А. З. Очерки социального быта Рязанского края // Тр. о-ва исследователей Рязанского края. Вып. 38. Рязань, 1930.
- Село Вириятино в прошлом и настоящем: Опыт этногр. изучения русской колхозной деревни // ТИЭ. Т. 41. М., 1958.
- Семенова-Тан-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Зап. ИРГО. Т. 39. 1914.

Соловьев К. Н. Родное село. Быт, нравы, обычаи и поверья. СПб., 1906.

Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

3. 6. Методические рекомендации по сбору полевого эмпирического материала о культуре поведения при общении русских крестьян

Культура поведения при общении (этноэтикет) в поле фиксируется преимущественно при наблюдении, в ходе которого необходимо обращать внимание на приведенные ниже аспекты повседневной жизни. Для изучения исторической динамики этого явления целесообразно спрашивать у респондентов об особенностях правил поведения в прошлом, предлагая им сравнивать их с современной ситуацией.

- формулы приветствия при встрече и расставании: идеальные нормы и конкретные наблюдаемые ситуации.
- поведение «среди своих» (в семье и кругу родства и свойства): возрастная иерархия — поведенческие модели во взаимоотношениях между старшими и младшими, статус главы дома; «мужское — женское» — половая дифференциация в поведенческих моделях; «этикетная топография жилища» — почетное место (красный угол), более этикетно сниженные места; свадьба как «ритуальная матрица» поведения в пределах крестьянской семейно-родственной корпорации; особенности поведения в общении с невестками, зятями, тестями, тещами, свекрами, свекровьями и другими свойственниками; поведение в отношениях между крестовыми родственниками и кумовьями.
- поведение «на миру»: стиль поведения в общественных местах — на собраниях, в учреждениях, на производстве, при проведении общественных празднеств.
- поведение «на пиру»: этикет гостеприимства и застолья — ситуации приема гостей (типы «гостевания» — обыденное, званое, праздничное), приглашение, рассаживание за столом и правила поведения за ним, ритуальное значение стола, различных блюд, напитков, «потчивание», здравицы (тосты), проводы гостей.
- поведение в молодежной среде: поведение в «кругу парней» и в «кругу девушек»; молодежные развлекательные собрания — посиделки (вечерки), хороводы, танцы (дискотеки) и др.; ухаживание — принципы сексуальной этики, правила поведения при сватовстве, обручении.

Г л а в а ч е т в е р т а я

Традиционные нормы воспитания детей в крестьянской среде

Главный предмет данного раздела — крестьянское детство в прошлом и теперь (от рубежа XIX—XX вв. до наших дней). Проблемы материнства и детства входят «в единый комплекс соционормативной культуры», им присуща та или иная степень «унификации поведения, позволяющая составить инвариант культурной традиции, характерной для данного времени»¹. Однако вопросы, связанные с воспитанием и отношением к детям, — тема, требующая от этнографа особого такта.

Ее можно, конечно, изучать по литературным данным, но ценнее использование полевых материалов²: воспоминаний информаторов о детстве их самих, их родных и знакомых. При работе с информаторами следует стремиться использовать «биографический метод», побуждая их самих рассказывать в свободной форме о своем детстве и юности. Желательно, чтобы информатор дал свою оценку общей ситуации, связанной с воспитанием детей в его местности (приводя примеры из жизни знакомых и родственников).

Все материальные объекты, имеющие отношение к детям, — детские игрушки, детская одежда, предметы обихода, созданные специально для детей, — важный источник информации. Не меньшую ценность имеют фотографии и книги, связанные с детской тематикой.

Оценка современного отношения к детям предполагает и наблюдение за отношением взрослых к детям в различных жизненных ситуациях, описание состояния детских образовательных и спортивных учреждений в населенном пункте, где проводится исследование.

Принципы сбора материала по обозначенной теме хорошо изложены в пособии «Православие в народной жизни. Программы сбора

¹ Листова Т. А. Программа-вопросник для сбора полевого материала по теме «Отношение к деторождению и представлению о душе. Уход за детьми и воспитание» // Православие в народной жизни. Программы сбора полевого этнографического материала / Отв. ред. М. М. Громыко. М., 2000. С. 51.

² Основным источником для написания главы послужили материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, относящиеся к концу XIX в., и полевые материалы, собранные экспедициями кафедры этнологии истфака МГУ в Архангельской, Владимирской, Калужской и Тульской областях в 2007—2009 гг.

полевого этнографического материала»³. В нем представлены программы, разработанные группой исследователей из Отдела этнографии русских Института этнологии и антропологии РАН. Для наших целей из них особенно полезны такие, как: Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и народная культура»: разделы «Крещение» (с. 18), «Праздники» (с. 28), «Христианские основания нравственности и воспитания» (с. 44), «Православное мировоззрение и хозяйство» (с. 46); авторская программа-вопросник Т. А. Листовой для сбора полевого материала по теме «Отношение к деторождению и представление о душе. Уход за детьми и воспитание» (с. 50) и «Программа этнографического изучения православной семьи в современном городе» (с. 103), разработанная Н. В. Шляхтиной. (Последняя программа, хотя она создавалась в расчете на изучение городской семьи, во многом подходит и для исследования семьи сельской.)

Глубокое изучение темы воспитания детей невозможно без понимания семейных установок на воспитание, поэтому столь важно обратить внимание процессы трансформации семьи, происходившие на протяжении XX в.

4. 1. Семейный уклад жизни крестьян

Трудно представить жизнь русских крестьян вне семьи: «иметь семью и детей было так же необходимо, так же естественно, как необходимо и естественно было трудиться», — подчеркивал знаток жизни русского Севера Василий Белов⁴.

До революции в России существовали разные типы семей. Хотя уже с XVIII в. господствующим типом стала малая семья⁵, вплоть до начала XX в. существовали и большие (неразделенные) семьи. Корреспондент «Этнографического бюро» в 1899—1900 гг. писала: «В большой семье не приходится нанимать ни батрачек, ни конюхов, ни нянек, чем сокращается денежный расход. В маленьких же семьях частенько приходится кого-нибудь летом принанять, что бывает обременительно, где в доме один работник на всю семью»⁶.

³ Православие в народной жизни. Программы сбора полевого этнографического материала / Отв. ред. М. М. Громыко. М., 2000.

⁴ Белов В. И. Повседневная жизнь русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., 2000. С. 119.

⁵ Александров В. А., Власова И. В. Семейный уклад и домашний быт крестьянства (XVII — середина XVIII вв.) // Русские: Ист.-этногр. очерки. М., 1997. С. 97. Александров В. А., Власова И. В. Семейный уклад и домашний быт крестьянства (середина XVIII в. — 1860-е гг.) // Там же. С. 102.

⁶ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губ. СПб., 2005. С. 70. (Далее — Рус. крестьяне. Т. 3.)

В больших семьях хозяйством заведовали чаще всего старшие мужчины (большаки), работами по дому — старшие женщины (большухи)⁷. В семьях бытовали четкие нормы и правила: младшие слушали старших, женщины — мужчин (хотя известны и исключения из этого правила)⁸. Такие отношения, как свидетельствуют полевые материалы, можно было еще наблюдать в 20—30-е гг. XX в.: «когда деде был живой, то дед был хозяин», — говорила одна из наших информаторов 1928 г. р.⁹

Дружба в семье во многом зависела от равномерного распределения работ: «Одна крестьянка говорила мне, что в их семье нет ссор между женщинами благодаря свекрови, которая всегда равняет их работу, а когда между ними начинается спор, кому сделать какую-нибудь работу, свекровь идет и делает сама», — писала в своем отчете корреспондент «Этнографического бюро» В. И. Зорина¹⁰. Отметим, что здесь речь идет о женских, домашних работах, т. к. мужские, хозяйственные работы распределялись большаком. Формально большак отвечал за благосостояние всей семьи. Вот как описывала семью своей матери крестьянка (1928 г. р.) из Калужской области: «Были семьи до 20 человек (братья, жёны), пока родители живы были. Весь порядок в семье матери вел свекор. В ее семье все слушали деда (от отца)»¹¹. Семья ее родителей уже была малой, хотя с ними проживал дед.

Причины разделения семей были разные: «отстроились —отселились», умерли родители — произошёл раздел имущества, иногда разделялись при живых родителях — из-за постоянных ссор или случаев «снохачества»¹². После революции одной из причин разделения стала боязнь раскулачивания. Семьи делились, чтобы их не посчитали зажиточными¹³. Кроме того, земля после революции перераспределялась «на новых началах» — по числу членов семьи, что тоже способствовало семейным разделам¹⁴.

Ряд исследователей справедливо считает, что с течением времени межпоколенные связи во многих русских семьях были нарушены. На это повлияло активное включение русских в глобальные социальные

⁷ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 171—172.

⁸ Там же. С. 172, 174.

⁹ Записано со слов Метрашёвой Галины Михайловны, 1928 г. р., д. Балва Калужской обл. Полевые материалы Калужской этнографической экспедиции 2008 г. (проходила на территории Мосальского и Баятинского р-нов Калужской области; далее — КЭЭ-2008).

¹⁰ Русские крестьяне. Т. 3. С. 72.

¹¹ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2) Калужской обл. КЭЭ-2008.

¹² Русские крестьяне. Т. 1. С. 330, 478; Там же. Т. 3. С. 291.

¹³ КЭЭ-2008.

¹⁴ Чижикина Л. Н. Изменения сельских поселений в 1920—1980-е годы // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 229—230.

события и процессы XX в (фетишизация социальных связей в идеологии 20—40-х гг., вынуждавшая людей в целях самосохранения скрывать свою родословную, а также гибель миллионов людей в годы войны)¹⁵. Они считают, что преемственность в русской семье начала восстанавливаться лишь начиная с 60-х гг. XX в.

В середине XX в. большая часть семей представляла собой двухпоколенные семьи; третье поколение было чаще всего представлено одним из «стариков» (обычно бабушкой), часто выполнявших функции воспитателей подрастающих детей. Поскольку современная молодежь старается уехать из деревни в город, то нередки случаи, когда бабушки зимой живут у своих детей и внуков в городе, а летом — с внуками у себя в деревне¹⁶. Случается, что бабушки не хотят оставлять свой дом, и тогда дети и внуки приезжают к ним помогать по хозяйству — в выходные дни или на время отпуска.

На протяжении всего XX в. происходила все большая демократизация отношений в семье. Главенствующая роль того или иного члена семьи стала все больше зависеть от его (ее) способностей и предпочтений, а не от пола и возраста человека. Однако в деревне такая демократизация происходила медленнее, чем в городе. Это было во многом связано с традиционностью уклада деревенской жизни, зависящего от сезонности земледельческого труда и связанной с ней философии «цикличности» и ритмичности.

4. 2. Половозрастное деление в крестьянской среде

По мнению признанного знатока русского крестьянского быта писателя В. И. Белова, многие «странности» крестьянского быта объясняются не чем иным, как ритмичностью крестьянской жизни, сопровождавшей человека на всем его жизненном пути: «всему было свое время и свой срок»¹⁷.

По данным исследователя половозрастной стратификации русской общины Т. А. Бернштам, в русском крестьянском обществе начала XX в. существовало три основные возрастные категории — дети, взрослые и старики¹⁸. В локальных традициях их могло быть как

¹⁵ Гришаев И. А., Коротеева В. В., Новицкая А. П. Семья и семейная жизнь // Русские (этносоциологические очерки). М., 1992. С. 151.

¹⁶ Власова И. В. Брак и семья у севернорусского сельского населения // Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX века. М., 2004. С. 466.

¹⁷ Белов В. И. Повседневная жизнь русского Севера: Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., 2000. С. 125.

¹⁸ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 24.

меньше (дети и взрослые), так и больше (дети, подростки, молодежь, взрослые, старики)¹⁹.

Для каждой половозрастной категории действовала своя система правил общения, за соблюдением которых следили все члены крестьянской общины. Наши информаторы отмечали, что когда они были детьми, то всегда знали, что об их действиях станет известно родителям. По сведениям Т. А. Бернштам, отношение взрослого населения общины к детям в целом отличалось «заботой и терпимостью», детский возраст «повсеместно считался „глупым“, неразумным, причем эта характеристика... относилась иногда к подросткам и даже к молодежи», им многое прощали (например, называние взрослых уличным уставом, подражание взрослому поведению)²⁰. Постепенно сами дети понимали, что им разрешено, а что нет: «то, что было положено детству, еще не отсекалось окончательно в юности, но в молодости подвергалось легкой издевке, а в пору возмужания считалось неприличным»²¹.

Социализация детей происходила постепенно, права и обязанности детей расширялись в соответствии с их возрастом: «В крестьянской семье всякому находится дело, начиная с семилетнего возраста и до преклонных лет. Работа делается, сообразуясь с возрастом и силами человека»²².

Переходы на новые био- и социовозрастные ступени проявлялись в изменении не только общественно-трудовых, но и в религиозно-обрядовых функций, закрепленных народной традицией²³. Дети знали, что в циклично повторяющейся крестьянской жизни наступит и их черед для определенных занятий: так, в больших деревнях существовало до трех посиделок: «маленькая», «середка» и «большая». Взрослея, овладевая навыками прядения и песенным репертуаром, девочки, по мере «освобождения мест» (выхода замуж их старших подруг), переходили в последующие посиделки²⁴. То же происходило и с хороводами: младшие дети сначала ходили смотреть на хороводы, уходя с наступлением сумерек домой и тем самым не мешая старшим и не составляя им «конкуренции»; когда же наступал их черед быть полноправными участниками хороводов, они уже знали, как себя вести²⁵.

Взрослеющий ребенок знал, что его ожидает на каждой следующей стадии его развития и был подготовлен к этому крестьянским обществом. Это касалось всех этапов развития, в том числе и возраста совер-

¹⁹ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 25.

²⁰ Там же. С. 57.

²¹ Белов В. И. Указ. соч. С. 124.

²² Русские крестьяне. Т. 3. С. 70.

²³ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 53.

²⁴ Некрылова А. Ф., Головин В. В. Уроки воспитания сквозь призму истории. Традиционные формы воспитания у крестьян в XIX — начале XX в. СПб., 1992. С. 20.

²⁵ Там же. С. 22—23.

шеннолетия, границы которого тоже были закреплены традицией и физиологией (известно, что в северных областях биологическое взросление девушек наступает позже, чем в южных)²⁶. Девушки считались совершеннолетними по достижении 13 (в южных областях) — 16 (на севере) лет²⁷, для юношей жесткой возрастной границы не существовало; со второй половины XIX в. они признавались совершеннолетними с 17—18-летнего возраста²⁸.

4. 3. Ценностный статус детей в крестьянском обществе

На протяжении веков в дореволюционной России отношение к детям в крестьянском обществе было обусловлено христианской православной этикой: дети воспринимались как «благословение Божье»²⁹. Кроме того, действиям детей придавалось большое обрядово-хозяйственное значение. Русские отождествляли суточный цикл с годовым и человеческим, выделяя начало и конец, соотносимые с рождением и смертью. Поэтому столь значимой была роль детей в качестве зачинальщиков в трудовых акциях (первый выгон скота, помочи при жатве, сенокосе) и обрядах (встреча весны, святки) и т. п. До недавнего времени в деревнях верили в силу благопожеланий и угроз, произносимых детьми во время исполнения обрядов³⁰.

Несмотря на высокий уровень смертности, в том числе детской, в начале XX в. население России имело высокие темпы прироста³¹. Это было связано с высоким уровнем рождаемости: так, состоявшая в браке вологодская крестьянка рожала в течение жизни — в 1871—1915 гг. — в среднем 10,2 раза, в 1921—1925 гг. — 10,3 раза³². Нередко женщины рожали 10 и более детей.

²⁶ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 41.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Там же. С. 50.

²⁹ Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков. М., 2001. С. 36; Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 101; Русские крестьяне. Т. 3. С. 94. В материалах по той же (Калужской) губернии можно встретить информацию о том, что в бедных семьях, где было много детей, рождение детей встречалось как «наказание Божье», хотя подобное отношение считалось греховным. См.: Там же. С. 318, 434.

³⁰ Некрылова А. Ф., Головин В.В. Указ. соч. С. 29.

³¹ Смертность детей до 1 года до революции в России доходила до 30% на 100 рождений. См: Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М., 1973. С. 218.

³² Славянский К. Ф. К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки. Здоровье. 1874—1875. № 10. С. 214. Цит. по: Миронов Б. Н.

Манипуляции по предотвращению зачатия считались греховными³³. Тем не менее, в крестьянской среде были известны такие средства, как «майский бальзам», обращение к «бабкам»³⁴ и ряд других — вроде поддавания на каменку водой, в которой стирали белье со следами менструальной крови³⁵.

Аборт воспринимался как страшный грех: «изгнание плода народ считает столь же тяжким грехом, как и детоубийство, а это последнее считается по понятиям народа самым тяжким и греховным видом убийства», — писал корреспондент Н. Путковский об отношении к абортам в Солигаличском уезде Костромской губернии³⁶. По правилам православной церкви за плодизгнание на женщину накладывалась епитимья³⁷. Вплоть до начала XX в. за избавление от плода женщина подвергалась уголовному преследованию³⁸.

Все это приводило к тому, что случаи рождения незаконнорожденных детей были известны как среди незамужних девушек, так и среди «солдаток». В народе говорили: «Умела блудить, умей и родить, да сумей выходить». В случае установления беременности за забеременевшей девушкой устанавливался строгий контроль с целью сохранения ребенка, в случае необходимости ей оказывалась материальная помощь со стороны общины³⁹. После рождения незаконнорожденного ребенка, девушка вряд ли могла рассчитывать на помощь «незаконного отца»⁴⁰. Ребенка могли называть по его имени, если оно было установлено, но в большинстве случаев называли по имени крестного отца, деда или «в насмешку по матери, например, „Матренич“, „Дарыч“ и т. п.»⁴¹

Отношение к незаконнорожденным детям было неодинаковым — от пренебрежительного до доброжелательного. Даже в пределах одной области. Так, по сведениям корреспондента Этнографического бюро В. И. Зориной, в конце XIX — начале XX в. в Жиздринском уезде Ка-

Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 96.

³³ Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков. М., 2001. С. 37.

³⁴ Русские крестьяне. Т. 3. С. 559.

³⁵ Костоловский И. В. Народные поверия жителей Ярославского края // Живая старина. 1916. Вып. 2—3. С. 35. Цит по: Шустрова И. Ю. Этнография русских Верхнего Поволжья: семья и семейный быт крестьян в XIX — начале XX в. Ярославль, 1996. С. 28.

³⁶ Русские крестьяне. Т. 3; Т. 1. С. 357.

³⁷ Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению... С. 39.

³⁸ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. // Русский Север: этническая история и народная культура XII — XX века. М., 2004. С. 579—580.

³⁹ Там же. С. 579—580.

⁴⁰ Русские крестьяне. Т. 3. С. 558.

⁴¹ Там же.

лужской губернии народ осуждал тех, кто преследовал незаконнорожденных детей. «Ребенок ничем не виноват, — говорят крестьяне, — даже мужья к незаконным детям относятся хорошо, хотя первое время их не ласкают»⁴². В то же время, по данным другого корреспондента, И. И. Григорьева, в Мещовском уезде — той же губернии — незаконнорожденные дети девушек или поступали в Московский воспитательный дом (тогда ни мать, ни отец о них больше не заботились) или умирали от плохого ухода. Матери-девушки стыдились кормить своих младенцев; смех окружающих доводил их до злобы на неповинных детей⁴³.

По сведениям Т. А. Бернштам, в конце XIX — начале XX в. наличие внебрачных детей у девушек не служило препятствием для их вступления в брак, особенно в Западной Сибири, где «детей до брака „приживали“ даже специально, доказывая тем самым свою способность к деторождению»⁴⁴. Хотя подобное отношение сочеталось с насмешливыми прозвищами незаконнорожденных детей.

По нашим данным, отношение в деревне к детям, рожденным вне брака, до сих пор остается весьма различным. По данным полевых наблюдений И. Ю. Шустровой в Ярославской области, «пренебрежительные названия незаконнорожденных... продолжают, если не бытовать, то быть понятными представителям старшего поколения информаторов»⁴⁵. Это такие эпитеты, как «крапивное семейство», «кукушкины дети», «подзаборники»⁴⁶.

В дореволюционной России имели место и случаи подкидывания детей, при этом они «звались теми же именами, как незаконно прижитые дети»⁴⁷.

Отношение к подкидышам зависело от ряда обстоятельств. По материалам Тенишевского этнографического бюро, относящимся к разным губерниям, многое зависело от семьи, куда дети попадали: бывало, что они становились «родными», а случалось (если они попадали в большую семью или в «семью, где их не желали»), что о них почти не заботились⁴⁸. Корреспондент Тенишевского бюро И. И. Григорьев сообщал, что в Мещовском уезде Калужской области таких детей почти всегда подкидывали в семью, где не было детей и где поэтому должны были их жалеть. Подкидывали также в семью, где жил винов-

⁴² Русские крестьяне. Т. 3. С. 93.

⁴³ Там же. С. 558.

⁴⁴ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 51.

⁴⁵ Шустрова И. Ю. Этнография русских Верхнего Поволжья: семья и семейный быт крестьян в XIX — начале XX в.: Учеб. пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1996. С. 27.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Русские крестьяне. Т. 3. С. 559.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 479; Т. 3. С. 559.

ник рождения ребенка. По данным Григорьева, случаи подкидывания были очень редки — раз в несколько лет⁴⁹.

В целом по России до начала XX в. на незаконнорожденных детей приходилось около 2% рождений в русской деревне⁵⁰. Православная этика была сильна, и аборт в крестьянской среде были редки⁵¹.

После революции отношение к абортам в России стало более либеральным. В 1920 г. они были легализованы (СССР стал первой страной в мире, где законодательно были разрешены аборт — в больницы обстановка, по медицинским и социальным показаниям)⁵².

На фоне ослабления позиций церкви, а также новой «поощрительно-разрешительной» политики государства в отношении морали число аборт постепенно увеличивалось⁵³. Тем не менее, многие женщины-крестьянки боялись общественного осуждения и потому предпочитали скрывать аборт, избавляясь от плода без обращения в специализированные лечебные учреждения. Такая ситуация сохранялась вплоть до 20-х гг. XX в.⁵⁴ Впоследствии «прерывание беременности» стало осуществляться в специализированных лечебных учреждениях. В 1936 г. было принято постановление правительства о запрете аборт, отмененное в 1955 г.⁵⁵ Исследования не выявили прямой зависимости уровня рождаемости от запрета или разрешения аборт⁵⁶.

По данным полевых наблюдений Т. А. Листовой в Центральные и Южные области России (начало 1990-х гг.), многие женщины, прибегавшие к аборт, впоследствии глубоко раскаивались в содеянном, считая, что совершили страшный грех⁵⁷. Восприятие аборт как грех имеет под собой глубокую религиозную почву: в крестьянской православной среде принято считать, что Бог наделяет ребенка душой еще в

⁴⁹ Русские крестьяне. Т. 3. С. 559.

⁵⁰ Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 101.

⁵¹ Русские крестьяне. Т. 3. С. 479.

⁵² Демографическая политика в современном мире / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1989. С. 13—14; Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 580.

⁵³ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 580; она же. Религиозно-нравственное отношение к деторождению... С. 40.

⁵⁴ Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 206—207. Цит. по: Шустрова И. Ю. Этнография русских... С. 38; Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению... С. 41.

⁵⁵ Киселева Г. П. Демографическая политика в СССР // Демографическая политика в современном мире / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1989. С. 14 (5—19).

⁵⁶ Там же. С. 17.

⁵⁷ Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению... С. 41—44.

утробе матери (отсюда фразы беременных: «О две души хожу»). Известно, что вплоть до конца 80-х гг. XX в. рождаемость на селе значительно превосходила рождаемость горожан⁵⁸.

Рождение детей в крестьянской (христианской) среде издревле считалось Божьим благословением, в то время как бездетность рассматривалась как наказание за грехи⁵⁹. «У кого детей нет — во грехе живет», — гласит народная мудрость⁶⁰. Именно поэтому люди, у кого детей не было, брали «себе в дети» сирот⁶¹. Делали это и семьи с детьми. Чаще всего «приемышами» становились дети родственников⁶². Мальчиков брали охотнее, чем девочек, рассчитывая, что «мальчик будет кормить под старость»⁶³. Приемный сын становился полным наследником всего имущества усыновителя, называл воспитателя отцом, а усыновитель звал его сыном⁶³. Когда брали девочек, потом к ним принимали зятьев⁶⁴. Известны случаи (в Калужском уезде Калужской губернии), когда усыновляли детей «бедных родителей, обремененных большой семьей» — иногда в двадцатилетнем возрасте⁶⁴.

Помимо усыновления в крестьянской среде распространенным явлением было опекуновство. За имущество сирот опекун отвечал перед сходом, община строго следила за соблюдением наследственных прав детей, лишившихся родителей. Сироты, у кого не было никакого имущества, «воспитывались за счет общества», живя поочередно в каждом доме⁶⁵. Когда с детьми оставалась одна мать, она становилась опекуницей («если ее поведение и отношение к детям были вполне благонадежны») и могла рассчитывать на помощь со стороны общины. В некоторых уездах (например, в Калужском) она признавалась «полной хозяйкой дома» и бесконтрольно распоряжалась оставшимся имуществом детей, за исключением земельной собственности, которой опекуны имели право пользоваться, но не имели права продать или заложить «до возраста сирот»⁶⁶; в других уездах (например, северорусских), все ее действия контролировались обществом⁶⁷. Опекун не имел права,

⁵⁸ Коэффициент суммарной рождаемости в период с середины 60-х гг. XX в. до 1989 г. на селе составлял в среднем 3,2—3,7, а в городе — менее 2,1. См: Киселева Г. П. Указ. соч. С. 5.

⁵⁹ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 576.

⁶⁰ Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1994. С. 239.

⁶¹ Русские крестьяне. Т. 3. С. 94.

⁶² Там же. С. 51.

⁶³ Там же. С. 52.

⁶⁴ Там же. С. 287.

⁶⁵ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 640.

⁶⁶ Русские крестьяне. Т. 3.

⁶⁷ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 660.

по народным воззрениям, «пользоваться прибытком от имущества малолетних или приплодом от их скота», хотя и получал небольшое денежное вознаграждение за управление их имуществом⁶⁸.

По мнению Т. А. Лисовой, институты усыновления и опекуна в крестьянской среде действовали почти идентично: опека над мальчиками продолжалась до 18-лет, над девочками — до замужества. По достижении сиротами 12-летнего возраста общество часто направляло их на заработки⁶⁹. Вообще, в крестьянской среде приучение к труду являлось жизненной необходимостью, и данная мера была обусловлена не столько нежеланием кормить бедных сирот, сколько необходимостью привить им привычку к труду.

Случаи опеки и усыновления детей встречаются и в современной деревне. По нашим сведениям, они крайне редки⁷⁰. В некоторых деревнях существуют интернаты. Отношение к детям, в них живущим, доброе, но факты усыновления или установления опеки над кем-либо из них нам не известны.

В целом отношение к детям (как к своим, так и к приемным) в начале XX в. во многом зависело от численности и обеспеченности семьи. В бедных многодетных семьях детям приходилось нелегко, а в семьях побогаче их старались баловать. Так, в описях крестьянского бюджета можно найти такие статьи: «на гостинцы детям — 4 руб.»⁷¹ По тому времени эта сумма была сопоставима с годовой платой пастуху, тогда как весь доход упомянутого зажиточного крестьянина составлял 140 руб. плюс 190 руб., которые он получал от сыновей⁷².

По сведениям, относящимся к концу XIX — началу XX вв., в крестьянской семье мальчики ценились выше девочек, хотя для матери все дети были равны⁷³. На мальчиков смотрели как на будущую опору семьи, продолжателей хозяйства. Кроме того, на них (в отличие от девочек) выделялся земельный надел — именно мальчики увеличивали доход того или иного хозяйства. Девушки же после замужества уходили в семью мужа (случаи проживания мужа в семье жены были крайне редки). Многочисленные поговорки иллюстрируют это явление: «Сын дом держит, а дочь за дверь смотрит»⁷⁴, «Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет»⁷⁵; «Сына корми — себе пригодится, дочь корми — людям снадобится»⁷⁵.

⁶⁸ Данные по Тверской губ. См: Русские крестьяне. Т. 1. С. 424.

⁶⁹ Лисова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 640.

⁷⁰ За 3 года полевых исследований в разных регионах России мы зафиксировали лишь два рассказа об усыновлении детей (Калужская область, 2008 г.).

⁷¹ Опись прихода и расхода зажиточного крестьянина Алексеева дер. Прилеп, Грибовской вол. (Русские крестьяне. Т. 3. С. 78).

⁷² Там же. С. 28.

⁷³ Там же. Т. 1. С. 471.

⁷⁴ Там же. Т. 3. С. 434.

⁷⁵ Даль В. Указ. соч. С. 240.

После революции различия в отношении к мальчикам и девочкам, как ценности для семьи, сгладились. По сообщению одной крестьянки, оставшейся у своих родителей единственным ребенком и чье детство пришлось на довоенную пору, «родители жалели ...конфеты — гостинец большой, а то бутылочку морса привезут»⁷⁶.

В современных деревенских семьях каких-то явных предпочтений, связанных с полом ребенка, мы не заметили.

4. 4. Уход за маленькими детьми

Вопреки расхожему мнению, распространенному в том числе и в отечественной науке, крестьянские дети зачастую росли без надлежащего присмотра со стороны взрослых, которые были заняты работами по хозяйству. Труд на земле отнимал много времени и сил, особенно в летне-осенний период. Понятно, что в этих условиях матери не имели возможности уделять много времени детям. Корреспондент «Этнографического бюро» А. А. Лебедев, собиравший сведения в Калужском уезде Калужской губернии, писал в 1899 г.: «Крестьянские дети с первых же дней своего существования пользуются совсем неудовлетворительным уходом, что ясно доказывается большой смертностью их»⁷⁷.

Когда матери не было дома, за детьми присматривали другие члены семьи, чаще всего бабушки⁷⁸. В их отсутствие «ребенок, будь он грудной или на рожке», находился на попечении «маленьких ребят в возрасте от 6 до 10 лет; они его купают, пеленают, кормят и убаюкивают»⁷⁹, но предпочтение отдавалось девочкам-нянькам⁸⁰. Случалось, что няньку нанимали «рубля за три в лето»⁸¹. По сообщению корреспондента «Этнографического бюро» Н. П. Аврамова (1898—1899), в Калужской губернии «при уходе малолетних нянек происходит то, что грудные дети (пьют) сосут из рожка скисшее молоко или скисшую соску, лежат часто мокрые и в нечистотах...»⁸².

Когда ребенок начинал самостоятельно ходить, уход за ним, если в семье не было «стариков», перепоручался от няньки ребенку, рожденному перед ним и который зачастую был лишь на год-два старше его⁸³.

Наши информаторы, описывая свое довоенное детство, упоминали случаи, когда старшие братья и сестры брали маленьких с собой на

⁷⁶ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

⁷⁷ Русские крестьяне. Т. 3. С. 319.

⁷⁸ Там же. Т. 1. С. 252, 254.

⁷⁹ Там же. Т. 3. С. 435.

⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 252.

⁸¹ Там же. Т. 3. С. 70.

⁸² Там же. С. 435.

⁸³ Там же. Т. 1. С. 255.

улицу или оставляли без присмотра⁸⁴. «Мне исполнилось в январе 7 лет, и родилась сестренка, в 28-м году, — рассказывала о своем воспитательном опыте Антонина Ивановна, вологодская крестьянка (1921 г. р.). — Тогда было единолично хозяйство, надо было работать на земле. И вот меня, маленькую такую, оставляли с крошкой. Разбудят — мне спать хочется, а тут заставляют катать. Вот так. Потом уж я стала учиться, правда. В начальную школу убегала: оставляла ребенка, убегала, — но родители меня не ругали, что я в школу. Ну, как?». На вопрос, с кем оставалась маленькая сестренка, Антонина Ивановна ответила, что не знает: «кто придет — покатает», может быть, ее бабушка, так как та им помогала⁸⁵. А вот что вспоминала другая — калужская — крестьянка (1928 г. р.) о наказании за недосмотр за младшим братом: «Ругать меня и не за что. Один раз помню — дедушка меня наказал. Брат еще маленький был. А я загулялась с подружкой. Он меня прутиком: «Надо с Васькой!» — Я заплакала. Дедушка есть дедушка — и накажет, и пожалеет».

Постепенно функции по уходу за маленькими детьми стали выполнять специализированные учреждения: ясли⁸⁶, которые были организованы еще до войны: «При колхозе были организованы ясли. Отец нес в ясли по деревне. Далековато — в деревне грязно было»⁸⁷. После войны «ясли были от больницы. Финансировались от совхоза»⁸⁸. В яслях работали пожилые женщины, которые не могли работать в поле — «по две бабушки на 10—12 ребят»⁸⁹. Приходили туда со своими подушками. Едой ясли обеспечивались за счет колхозов и совхозов — «коровы были свои, кормили детей хорошо»⁹⁰.

4. 5. Пища

За редкими исключениями, маленьких детей кормили грудью. Очень немногие кормили детей «коровьим молоком из рожка или из

⁸⁴ Архангельская этнографическая экспедиция 2007 г. (далее — АЭЭ-2007) работала на территории Лешуконского р-на Архангельской области, Тульская этнографическая экспедиция 2009 г. (далее — ТЭЭ-2009) — на территории Богородицкого и Юхновского районов Тульской области.

⁸⁵ Записано со слов Антонины Ивановны, д. Драчево; Центральная промышленная экспедиция 2008 г. (далее — ЦЭЭ-2008) работала на территории Владимирской, Нижегородской и Тверской обл.

⁸⁶ Записано со слов Василия Васильевича, 1941 г. р., с. Иевлево. Богородицкого р-на. ТЭЭ-2009.

⁸⁷ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

⁸⁸ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

⁸⁹ Записано со слов Антонины Ивановны, 1931 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

⁹⁰ Записано со слов Нины Евдокимовны (г. р. неизв.), д. Фомино. КЭЭ-2008.

пузыря», на который надевалась гутаперчивая соска⁹¹ или вымоченный в соленой воде сосок от коровьего вымени⁹². Молоком кормили в среднем «три поста»⁹³. Со второго года жизни детей приучали к взрослой пище. С этого времени они начинали соблюдать посты: «Не давали взрослые (яйца, мясо. — *И. П.*) — первую неделю особенно не давали»⁹⁴. После войны, судя по нашим сведениям, дети посты уже не соблюдали⁹⁵.

В послевоенные годы (впрочем, как и до войны) женщины выходили на работу практически сразу после родов, поэтому многие вынуждены были «прибегать с работы», чтобы покормить детей. В некоторых местах бригадир давал наряды, чтобы детей для кормления привозили в поле⁹⁶.

Детей постарше по утрам кормили те члены семьи, кто в это время был дома: «Дед кормил. Супа (щей), молоко, яички — баловали, как одну. И кур особенно кормить нечем. Больше всё сеяли рожь»⁹⁷. В обед за столом собиралась вся семья⁹⁸. За общий стол детей сажали на четвертом году жизни: мальчика — на колени к отцу, а девочку — к матери⁹⁹. Вот как вспоминала обеды одна из наших информаторов (из Калужской области): «Мама подавала еду. Обед был. И приходили... Мать лепешек напечет, сметанки добавит. Могла есть в любое время с молочком»⁹⁷. Собирались семьи и на дневные чаепития¹⁰⁰. После войны традиция совместных семейных трапез была прервана. Новый рабочий график изменил распорядок крестьянской жизни. Ряд информаторов, чье детство пришлось на 30—40-е гг., вспоминали, что еды было мало: «ели картошку, ели эти... клеверные головки — собирали в поле, сушили, толкли... пистики, это самое, в поле росли... щавель это. Называли их еще пистиками, ходили, эти пистики собирали — тоже очень вкусный суп варили из них, и яичницу делали из них, пироги стряпали. В общем, травой питались»¹⁰¹. Особенно мало еды было после войны.

⁹¹ Русские крестьяне. Т. 3. С. 435.

⁹² Некрылова А. Ф., Головин В. В. Указ. соч. С. 5.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Записано со слов Алексея Михайловича, 1922 г. р., с. Иевлево, Богородицкого р-на. ТЭЭ-2009.

⁹⁵ Записано со слов Николая Дмитриевича, 1931 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

⁹⁶ Записано со слов Рогова Василия Ильича, с. Иевлево, Богородицкого р-на. ТЭЭ-2008.

⁹⁷ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

⁹⁸ Белов В. И. Указ. соч. С. 150—151.

⁹⁹ Некрылова А. Ф., Головин В. В. Указ. соч. С. 5—6.

¹⁰⁰ Записано со слов Галины Михайловны, 1928 г. р., д. Болва. КЭЭ-2008.

¹⁰¹ Записано со слов Надежды Александровны, 1936 г. р., д. Ирданово, Никольского р-на. ВЭЭ-2008.

Подводя итог, отметим, что во все времена пищевой рацион крестьян не отличался разнообразием, поэтому в крестьянской среде нередки рассказы о том, как дети утоляли «витаминный голод», собирая в лесу травы, листья и ягоды¹⁰².

4. 6. Приемы воспитания детей

Воспитанием детей в традиционной крестьянской семье больше занималась мать. Она — воспитательница; на ее руках — все дети, пока за ними нужен уход и присмотр; мальчик только с десятилетнего возраста переходит к отцу, дочь же находится с матерью до замужества¹⁰³. Мать заставляет дочь выполнять работу по дому, учит разным работам, собирает ей приданое... Отец — властелин дома, всем распоряжается, по его усмотрению сын идет в школу... Его власть над детьми прекращается только тогда, когда сын отделяется, а дочь выходит замуж¹⁰⁴. Дети должны были относиться к родителям с почтением, во всем им повиноваться, кормить под старость¹⁰⁵. Таковы представления крестьян конца XIX в. о взаимных правах и обязанностях детей и родителей.

Отношения родителей и детей наделялись магическим смыслом: «Родительская молитва от всякой гибели спасает, со дня моря вынимает. Клясть детей — грех тяжкий... Отцово проклятие не так страшно, как материно, потому что мать свое дитя во чреве носила»¹⁰⁶. Недаром перед свадьбой родители благословляют детей на счастливую совместную жизнь.

Добрые отношения между родителями и детьми крайне важны. «Это всегда так бывает, как человек относится к своему отцу, так и к нему относятся дети»¹⁰⁷, — говорила корреспонденту В. И. Зориной крестьянка Агафья Жукова, приводя в пример поучительную историю о том, как один мужик отвез своего старого отца умирать, а потом, вернувшись домой, испугался слов сына о том, что тот его тоже под старость на санках увезет, да и забрал отца назад¹⁰⁸.

Подобные истории, безусловно, обладали педагогической окраской, формируя у крестьянских детей представление о долге перед родителями и перед миром. Все это подкреплялось православным мировоззрением. Существует обоснованное мнение о том, что «не сущест-

¹⁰² Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

¹⁰³ Русские крестьяне. Т. 3. С. 54.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Русские крестьяне. Т. 3. С. 471.

¹⁰⁷ Там же. С. 55.

¹⁰⁸ Там же.

вовало традиционной культуры русских вне Православия»¹⁰⁹. Отметим, что детей крестили даже в советское время, когда подобная практика не одобрялась. Случалось, что для этого их возили в другую деревню, чтобы не узнали на работе или если своей церкви в деревне не было¹¹⁰. В крестные чаще всего брали кого-нибудь из родственников.

С раннего возраста детей приучали молиться Богу: «Молись, дитятка, Боженьке — вон, вишь, Боженька на полке» (говорила, указывая на божницу, мать)¹¹¹. Одна из наших информаторов вспомнила присловье своей матери, что нет-де пути-дороги без Бога, рассказала, что в ее семье «крестились перед едой и после, и на ночь»¹¹². Калужский крестьянин 1931 г. р. вспоминал, что бабушка его «заставляла молиться» перед едой, иначе — «даст по лбу ложкой»¹¹³. Крестьянка из той же местности рассказывала, что в семье ее родителей было принято по воскресеньям молиться всем вместе¹¹⁴: мама, папа, она и дедушка¹¹⁵.

В воспитании подрастающего поколения большую роль играли бабушки и дедушки наряду с братьями и сестрами. Особое внимание уделялось обучению полезным навыкам. Так, дедушка подружки одной из калужских крестьянок водил ребятишек за семь километров от дома собирать грибы, объяснял, как отличить хорошие грибы «подосиновички, подберезовички, белые» от плохих¹¹⁶.

Жительница деревни Долгое Калужской области (1931 г. р.) вспоминала: «Я любила лес с детства... Родители сказали, какие [грибы] съедобные... Грибы говорушки рано появляются, растут, как опята, около дерева, такое название, может, потому, что раньше всех появляются... Сморчки рано появляются...»¹¹⁷.

Таким образом, дети естественным путем приобретали крайне важные и полезные навыки. Помимо семьи, огромное воспитательное влияние на них оказывала «улица». Помогая взрослым по хозяйству, дети одновременно общались, иногда играли. «Картошку собирали в

¹⁰⁹ Кузнецов С. В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 168.

¹¹⁰ ТЭЭ-2009, КЭЭ-2008.

¹¹¹ Русские крестьяне Т. 3. С. 419.

¹¹² Записано со слов информатора из д. Фомино (имя и г. р. неизв.). КЭЭ-2008.

¹¹³ Записано со слов Николая Дмитриевича, 1931 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

¹¹⁴ Отметим, что судя по данным «Этнографического общества» из разных губерний, крестьяне знали одну-две молитвы.

¹¹⁵ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

¹¹⁶ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

¹¹⁷ Записано со слов Антонины Ивановны, 1928 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

плетушки (их дедушка плел)», ходили «в конец деревни встречать скот — и как прыгалки — зацепимся, крутишь... забегали по одному — и мальчики и девочки»¹¹⁸. Так незаметно полезное прочно срасталось с приятным¹¹⁹.

«Элемент игры в трудовом акте, впервые испытанный в детстве, во многих видах обязательного труда сохранялся если не на всю жизнь, то очень надолго. Все эти шалашки на покосе, лесные избушки... костры с печением картошки... езда на конях — все это переходило в последующие возрасты с изрядной долей игры, детского развлечения», — писал в своей книге знаток жизни русского Севера В. И. Белов¹²⁰.

Крайне важную роль в усвоении трудовых навыков играла репутация. Желая прослыть умельцем или умелицей, крестьянские дети старались не отстать от сверстников. Страшным клеймом на девушку ложилась репутация «непряхи» и «нитках»¹²¹.

Немало работ написано о крестьянском труде и приобщении к нему¹²². Не повторяясь, хочется остановиться на том, как происходило включение детей и подростков в трудовую деятельность с приходом советской власти. В сущности, многое осталось неизменным. «Мы воспитывали детей по-свойски, по-деревенски. К детям — с любовью. Своих детей приучали работать лет с десяти. Таскали с собою на сене»¹²³, — рассказывала нам Евдокия Егоровна, наш информатор из Калужской области. Как и прежде, детей приучали к труду с очень ранних лет. Однако теперь за работу для колхоза подростки могли получить «трудодень».

Маленькие дети пололи огород, собирали картошку, присматривали «за утymi» и курами — «это детская работа»¹²⁴. Мальчики с 10—12 лет помогали загонять скот, девочки в этом возрасте уже пряли (до войны)¹²⁵. В 14 лет мальчики уже работали пастухами: «скот берегли, по шестидесят голов было»¹²⁶, «лошадей водили на пастбище»¹²⁷, девочки помогали по хозяйству.

Некоторые информаторы полагают, что сейчас ситуация в деревне несколько изменилась: «Раньше в деревне работали. Пашут — и дети

¹¹⁸ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

¹¹⁹ Белов В. И. Указ. соч. С. 133.

¹²⁰ Там же. С. 134.

¹²¹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 108—109.

¹²² См. работы Бернштам Т. А., Громыко М. М., Листовой Т. А. и др.

¹²³ Записано со слов Евдокии Егоровны, 1928 г. р., д. Цветовка (Фомино-2). КЭЭ-2008.

¹²⁴ Записано со слов Нины Евдокимовны (г. р. неизв.), д. Фомино. КЭЭ-2008.

¹²⁵ См. прим. 124.

¹²⁶ Записано со слов Николая Дмитриевича, 1931 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

¹²⁷ Записано со слов Антонины Ивановны, 1931 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

папуг. А сейчас — сложнее»¹²⁸. Некоторые сожалеют о том, что строй изменился и жизнь у молодежи беспокойная, однако и сейчас многие крестьянские дети никакой работы не боятся. Так, дети семи—девяти лет помогают родителям собирать картошку¹²⁹, ходят на рыбалку, с 11—12 лет помогают ухаживать за скотиной.

Деревенские дети гораздо самостоятельнее городских. Они умеют работать и отдыхать (сами могут организовать свой досуг). В некоторых их играх присутствует трудовой элемент. Так, в Тульской области мы видели шалаш размером 3 x 2 метра, построенный детьми 10—12 лет в отдалении от села, «чтоб зимой сидеть»¹³⁰.

4. 7. Особенности детской культуры

Желание уединиться, скрыться от глаз взрослых характерно для подросткового возраста. В деревне, где всё на виду, сделать это непросто. Раньше эту потребность удовлетворяли молодежные посиделки, которые, в отличие от хоровода, были закрыты от посторонних глаз, так как проходили в избе (часто съемной). Молодежные посиделки проходили осенью и в первой половине зимы (после уборки урожая) и заканчиваясь к Святкам¹³¹.

В больших деревнях организовывалось по несколько посиделок. Так, корреспондент Этнографического бюро писал, что в Тверской губернии, «например, в Никольской пустыни, снимаются четыре изобки, в иных — три, а в третьих — две, и собираются в каждой из них только лица определенного возраста: в одной взрослые, в другой малые, лет 12—13, в третьей — 14—15 лет»¹³². Девушки приглашали к себе или снимали избу у одинокой женщины. Формы оплаты бывали разные — деньгами или помощью по хозяйству. В Костромской губернии, например, в конце XIX в. «по уговору с каждой девки [бралась] известная плата... по 5 копеек деньгами, по возу дров плашником, по десятку льну, кроме того, девки должны [были] отоплять и освещать избу по очереди во все время беседок, а также мыть пол и носить воду»¹³³. По нашим данным, в 20-е гг. XX в. избу сдавали за керосин или дрова.

В Центральной России и на Русском Севере посиделки устраивали регулярно по вечерам (кроме выходных и праздников), на юге России

¹²⁸ Записано со слов Александра Ильича, 1959 г. р., д. Долгое. КЭЭ-2008.

¹²⁹ Записано со слов Саши, 1990 г. р., с. Иевлево. ТЭЭ-2009.

¹³⁰ Записано со слов «Ватсона», 1997? г. р., с. Иевлево. ТЭЭ-2009.

¹³¹ Шангина И. И. Русские девушки. СПб., 2008. С. 172.

¹³² Русские крестьяне. Т. 1. С. 464.

¹³³ Там же. С. 53.

они были нерегулярными¹³⁴. Основной целью посиделок было общение молодежи; бывали посиделки как с работой (на них девушки пряли, шили и вязали), так и без работы (здесь происходил своеобразный смотр невест). На посиделки старших девушек приходили и парни. Они считались гостями. Приход парней был ожидаем: девушки пели проголосные песни, давая знак, что посиделка собралась, а если ребята не приходили, то могли быть использованы иные способы: наказанием за невнимание мог стать «бардак» перед домом, учиненный девушками, или шутливое прокладывание дорожки от дома парня-заводилы до посиделок¹³⁵. Ожидалось, что парни придут с гостинцами. Если на посиделки приходили парни из других деревень, с них брали выкуп в пользу посиделки¹³⁶; случались и драки, но чаще все обходилось мирно¹³⁷. Общение молодежи из соседних деревень было более распространено на праздничных посиделках (беседах); случалось, что на одной посиделке могло побывать до четырех-пяти групп (ватаг) ребят из разных деревень¹³⁸. Там происходил своего рода смотр невест. Подобные смотры были возможны еще на хороводах, и в гостях. Однако более близкое знакомство девушек с парнями происходило именно на посиделках. Этому во многом способствовали игры, в которые играла молодежь («Сосед», «Слепой козел» и др.). «Быть выбранной парнем и вообще иметь ухаживателя на посиделках является честью для девушки, но иметь полюбовника — это не честь, а бесчестье»¹³⁹. Корреспондент из Тверской губернии описывает случай, когда сельский староста по приказанию начальства запретил посиделки, но «это вызвало такую бурю негодования, что он принужден был махнуть на это рукой и отказаться от исполнения приказа начальства»¹³⁹.

После войны традиция посиделок прекратилась. Появились дома культуры, библиотеки. В современной деревне основным местом встречи молодежи служит улица. Самое большое скопление молодых людей наблюдается перед домами культуры во время дискотек, которые устраивают в их помещениях. На эти мероприятия приезжает молодежь из соседних населенных пунктов — зачастую появление чужаков служит поводом для драк. Кроме дискотек, в домах культуры имеются кружки по рисованию, пению и т. п. К сожалению, материальное обеспечение домов культуры наводит на мысль о том, что через несколько лет молодежи не останется ничего иного, как сидеть на развалинах их бывших домов культуры.

В деревне, как и прежде, существуют локальные группировки, имеющие порой крайне необычные названия. Так, в Тульской области

¹³⁴ Шангина И. И. Указ. соч. С. 173.

¹³⁵ Там же. С. 175.

¹³⁶ Там же. С. 174.

¹³⁷ Русские крестьяне. Т. 1. С. 464.

¹³⁸ Шангина И. И. Указ. соч. С. 177—178.

¹³⁹ Русские крестьяне. Т. 1. С. 465.

мы столкнулись с тремя подобными группами: ФОКС, КОСТА, БЕЛКИ (часто названия образуются из первых букв имен девочек, например, КОСТА: Ксения, Ольга и т. д.). Это — женские группы. Девочки 12—14 лет носят одинаковые браслеты или футболки. Это их отличительные знаки — символы единства, дружбы. Девочки из группы КОСТА, встречая на улице девочек из группы БЕЛКИ, говорят: «Вон, Белки идут».

В деревне принято называть друг друга по прозвищу. Часто прозвище дается человеку уже в детстве или в юности, а потом уже может быть унаследовано его детьми. На рубеже XIX—XX вв. многие крестьянские прозвища преобразовались в фамилии¹⁴⁰. У современных деревенских детей тоже существуют прозвища (хотя и не у всех). Прозвище дается за сходство с персонажем фильма (например, «Ватсон» или «Мистер Фикс») или за особые заслуги. Нам рассказывали следующую историю: «Парень плясун был. Как пойдет плясать — его прозвали „Копытье“. Он пел: „На горе стоит корова“. Гриша Копыт. А теперь — сын „копыт“ и внуки „копытята“»¹⁴¹. Существовали и обидные прозвища, тоже прилипавшие к человеку на всю жизнь: «Деда одного прозвали „Погулье“, так и дети его стали „погулята“». Избавиться от прозвища практически невозможно¹⁴². Иногда жители деревни не знают фамилий друг друга, но прозвища известны всем («Так вон там Глаз живет», «Пойдите, поговорите с Богом — он много чего вам расскажет»)¹⁴³.

4. 8. Крестьянское мировоззрение и его воспитательное значение

Мы уже не раз подчеркивали важность Православного мировоззрения в формировании крестьянского типа личности. Как известно, христианские праздники и обычаи тесно переплелись с языческими, что не могло не создать противоречий в крестьянском взгляде на ряд вещей. Например, даже верующие крестьяне очень боялись (и до сих пор боятся) сглаза. Так, жительница деревни Упертовка Тульской области рассказала нам, как сглазили ее дочь, когда та была маленькой. Чужая женщина заглянула за марлечку (повешенную на коляске специально для того, чтобы оградить ребенка от посторонних глаз), после чего девочка двое суток плакала. Пришлось звать знакомую бабушку, которая целые сутки читала над девочкой псалтырь, зевая при этом

¹⁴⁰ Белов В. И. Указ. соч. С. 341.

¹⁴¹ КЭЭ-2008.

¹⁴² Белов В. И. Указ. соч. С. 340.

¹⁴³ ТЭЭ-2009.

(зевание означает, что «сглаз» снимается)¹⁴⁴. Это помогло, и девочка успокоилась. Подобные истории нередки в современной деревне, особенно на Севере¹⁴⁵.

Смешение христианских и языческих представлений о мире поныне — отличительная черта мировоззрения многих крестьян. Все это происходит на фоне постепенного усиления позиций церкви. По наблюдениям М. М. Громыко, увеличивается число лиц, исповедующихся и ходящих к причастию, при этом их возрастной состав расширяется за счет молодежи: частью из семей, где традиция Православия не прерывалась, но в большинстве случаев, где она «возрождается после перерыва в одном, двух, а то и трех поколениях»¹⁴⁶. Однако и в поколениях «неверующих» детей зачастую возили крестить.

До сих пор некоторые крестьяне верят в магическую функцию имени¹⁴⁷. Одни при наречении детей выбирают имя из святцев, другие в честь кого-то из родственников, иные — приглянувшееся имя («какое понравится»). Считается, что наречение имени по святцам обеспечивает крещеному человеку покровительство в земной жизни. Из-за подобной практики имянаречения раньше в деревнях имели место случаи, когда в одной и той же семье были дети с одинаковыми именами. Так в народе возникла мысль о том, что это может «повлечь смешение судьбы новорожденного с судьбою другого лица»¹⁴⁸. О подобном «смешении судеб» нам говорили и наши информаторы, но в несколько другом аспекте. По их словам, такое «смешение судеб» может произойти, если кумой девочки станет незамужняя девушка, а кумом мальчика — неженатый парень; при этом считается, что несчастным станет кума или кум, так как их счастье (видимо, ассоциирующееся с созданием семьи) перейдет к крестным детям¹⁴⁹.

Роль кумовьев в жизни крестников трудно переоценить. Кумовья становятся «духовными» родственниками. В исполнении ряда обрядов их роль порой была более важной, чем роль родителей¹⁵⁰. При

¹⁴⁴ Записано со слов Ольги Сергеевны, 1960 г. р., д. Упертовка. ТЭЭ-2009.

¹⁴⁵ АЭЭ-2007.

¹⁴⁶ Громыко М. М. Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божией // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв.: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 209.

¹⁴⁷ Раньше, «если ребенок родился крайне слабым... ему сразу же нарекали имя, причем девочке давали имя матери, мальчику — отца; если же ребенок появлялся на свет бездыханным, то его „окрикивали“, что заключалось в том, что повивальная бабка, а вслед за ней и все присутствовавшие, выкрикивали имя отца (реже отца и матери). Эти действия дополнялись похлопыванием, окуриванием горящими предметами, выделяющими едкий запах (например, петушиным хвостом — петушиный крик отгонял нечистую силу, тряпкой или бумагой) Цит. по: Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 48—49.)

¹⁴⁸ Там же. С. 49.

¹⁴⁹ ТЭЭ-2009.

¹⁵⁰ Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению... С. 49.

совершении таинства крещения они отрекаются за окрещиваемого от дьявола, вводя ребенка под покровительство святых, выполняя тем самым религиозно-магическую функцию, и, одновременно, приобщая крестника к православной общине, т. е. выполняя социально-религиозную функцию. М. М. Громыко пишет, что в наши дни авторитет крестных родителей и духовного отца помог многим молодым людям выработать позитивное отношение к причастию, приобщить их к более или менее регулярному посещению храма¹⁵¹. Приобщение к храму возможно в случае, если в деревне есть храм или хотя бы священник. К сожалению, во многих деревнях и селах до сих пор не восстановлены церкви, разрушенные в советское время. Духовное воспитание детей в этих местах целиком лежит на плечах родителей, родных и учителей.

4. 9. Источники и литература

Источники

- Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1994.
Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М., 1988.
Потешки, считалки, небылицы / Сост. А. Н. Мартынова. М., 1989.
Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004; Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005.

Литература

- Абрагина И. В. русские народные подвижные игры как средство воспитания нравственного поведения в процессе обучения: Дис. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. СПб., 2007.
Александров В. А., Власова И. В. Семейный уклад и домашний быт крестьянства (XVII — середина XVIII вв.) // Русские: Ист.-этногр. очерки. М., 1997. С. 85—100.
Александров В. А., Власова И. В. Семейный уклад и домашний быт крестьянства (середина XVIII в. — 1860-е гг.) // Русские. Ист.-этногр. очерки. М., 1997. С. 101 — 113.
Белов В. И. Повседневная жизнь русского Севера: Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., 2000. С. 119.
Бернштам Т. А. Проблема половозрастных групп в обрядовой жизни русской общины // Краткое содержание докладов научной сессии

¹⁵¹ Громыко М. М. Покаяние в народной жизни. С. 209.

- Института этнографии АН СССР, посвященной 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980.
- Власова И. В. Размещение и численность русских в 1930—40-е годы // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 128—131.
- Власова И. В. Движение населения в 1950—1990-е годы // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 131—140.
- Власова И. В. Сельское хозяйство после 1917 года // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 202—210.
- Власова И. В. Семейно-брачные отношения в 1917 — 1990-х годах. Сельская семья // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 436—444.
- Власова И. В. Брак и семья у севернорусского сельского населения // Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX века. М., 2004. Разд. Брак и семья в 1917—1990-е гг. С. 458—472.
- Внуков Р. Я. Противоречия старой русской семьи. Орел, 1929.
- Волков Г. Н. Этнопедагогика. М., 2000.
- Голикова Н. В. Ценностные основы воспитания детей в крестьянской семье: на примере Олонецкой губернии XIX—XX вв. Дис. ... канд. пед. наук. 13. 00. 01. Петрозаводск, 2007.
- Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII—XIX вв. // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Громыко М. М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 653—685.
- Громыко М. М. Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божией // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 202—228.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994.
- Комарова О. Д. Об этнодемографическом подходе к изучению семьи // Семья: традиции и современность. М., 1990. С. 240—250.
- Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социолог. исслед. 1978. № 3.
- Кон И. С. К проблеме возрастного символизма // СЭ. 1981. № 6.
- Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921—1931 гг. М., 1961.
- Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
- Кузнецов С. В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 168—181.

- Кузнецов С. В. Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 189—197.
- Кузнецов Я. И. Родители и дети по народным пословицам и поговоркам. Владимир, 1911.
- Листова Т. А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2.
- Листова Т. А. Ребенок в русской семье: рождение, крещение. 2-я половина XIX — XX в. // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995.
- Листова Т. А. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 685—701.
- Листова Т. А. Начало жизни: представления о душе и религиозно-нравственные нормы деторождения // Традиционная культура и мир детства. Ульяновск, 1998.
- Листова Т. А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 7—35.
- Листова Т. А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001. С. 36—52.
- Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX века. М., 2004. С. 575—660.
- Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
- Некрылова А. Ф., Головин В. В. Уроки воспитания сквозь призму истории. Традиционные формы воспитания у крестьян в XIX — начале XX в. СПб., 1992.
- Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России XIX — начало XX века. М., 1999.
- Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1989.
- Равкин З. И., Ротенберг В. А., Шабаетова М. Ф. Основные этапы развития советской школы и педагогики за 50 лет // Очерки по истории советской школы / Под ред. В. М. Кларина, В. А. Ротенберга, М., 1969.
- Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989.
- Русские. Ист.-этногр. очерки. М., 1997.
- Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997.
- Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Тульцева Л. А. Календарные праздники и обряды // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 616—646.

- Чижилова Л. Н. Изменения сельских поселений в 1920—1980-е годы // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 229—235.
- Чижилова Л. Н. Изменения в сельском жилищном комплексе в 1920—1980-е годы // Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997. С. 286—295.
- Чистякова М. А. Педагогический потенциал русской народной крестьянской культуры как основа формирования этнической идентичности у старших дошкольников: Дис. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. Ниж. Новгород, 2007.
- Шангина И. И. Русские девушки. СПб., 2008.
- Шустрова И. Ю. Этнография русских Верхнего Поволжья: семья и семейный быт крестьян в XIX — начале XX в.: Учеб. пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1996.

4. 10. Методические рекомендации по сбору эмпирического материала по теме « Крестьянское детство »

- Деторождение. Отношение к контрацепции, к абортам.
- Ребенок. Граница детского возраста (паспорт, начало трудовой деятельности).
Важен ли был для родителей пол ребенка (давали землю и т. п.)? Место ребенка в доме (есть ли отдельная комната и т. д.).
- Крестины. Кто выступал инициатором крещения ребенка? Кого приглашали в крестные?
- Имя: кто выбирал ребенку имя, в честь кого называли? Кто и как называл респондента в детстве?
- Ребенок в семье. Разница в возрасте между детьми. Взаимоотношения членов семьи: бабушек, дедушек, матерей, отцов, братьев и сестер (кто ухаживал за младшими детьми, в т. ч. когда они болели, кто готовил детям еду, кто учил пользоваться предметами обихода, орудиями труда и т. п.).
- Дом. Место ребенка в доме. Разрешено ли было приглашать друзей?
- Пища. Место за столом. Возможность перекусов, «кусочничанья». Какие лакомства были у детей?
- Воспитание детей. Распределение обязанностей (какие обязанности у ребенка до 6 лет, до 12 лет, 16 лет). Поощрения и наказания (кто и в какой форме). Нормы/правила, существовавшие в семье. Кто ухаживает за малолетними детьми? Кто помогает детям с уроками?
- Детский фольклор. Сказки и колыбельные, истории, приметы, которые рассказывали в детстве. Кто их рассказывал, читал? Какие книги были в доме?

- Игрушки. Любимые игрушки. Были ли среди игрушек уменьшенные копии инструментов (колыбель, молоток и т. п.)? Были ли самодельные игрушки (Какие? Кто и из чего их делал?). Какие подарки дарили детям и когда?
- Игры. Кто и в какие игры играл (девочки и мальчики, возрастной состав)? Подражали ли в играх деятельности взрослых (рубил дрова, качали кукол и т. д.)?
- Праздники. Какие праздники отмечали с участием детей? Какие праздники отмечают сейчас? Кого приглашали на них?
- Религия. Иконы в доме. Советская власть и вера: крестили ли детей, учили ли их Закону Божию и т. п.
- Отношение к природе; приучение к трудовой деятельности. Когда взрослые стали брать детей с собой в поле, в лес? Кого брали чаще (мальчиков или девочек)? В чем заключалась помощь детей?
- Образование. Школа (ценность образования в семье — пропускал ли ребенок занятия во время посевных работ и т. д.).
- Город и деревня. Отношение к городской жизни. Желание или нежелание отправить детей в город, отношение к бракам с «городскими».
- Взаимоотношения между поколениями. Голос кого из членов семьи был решающим? Кто оставался с престарелыми родителями? Кому передавали в наследство дом, ценные вещи?
- Поведение в молодежной среде: поведение в «кругу парней» и в «кругу девушек»; молодежные развлекательные собрания — посиделки (вечерки), хороводы, танцы (дискотеки) и др.; ухаживание — принципы сексуальной этики, правила поведения при сватовстве, обручении.
- Отношение к сиротам. Часты ли случаи усыновления? Как к ним относятся в крестьянской среде? Какие бывают поводы для усыновления? Кого усыновляют: мальчиков или девочек и кого чаще? Какое обычно бывает соотношение между возрастом приемного и усыновившего? Усыновляют ли только малолетних сирот?

* * *

Вопросы, которые могут быть заданы в процессе интервью (формулировку вопроса следует скорректировать с учетом возраста информатора):

- Верующий ли Вы человек?
- В чем, по Вашему, преимущества жизни в деревне по сравнению с жизнью в городе? В чем ее недостатки?
- Назовите качества, которые Вы больше всего цените:

- в мужчинах?
- в женщинах?
- Назовите качества, которые Вам не нравятся:
 - в мужчинах?
 - в женщинах?
- Кто сыграл наиболее важную роль в Вашем воспитании?
- Когда Вы были ребенком и не слушали родителей и старших, что они делали?
 - За что мог быть применен тот или иной способ наказания?
 - Когда Вас не слушали Ваши дети, какой способ наказания применяли Вы?
- За что Вас поощряли Ваши родители? Как они это делали?
 - Как Вы поощряли своих детей?
- Какие обязанности были у Вас:
 - до 7 лет?
 - до 12 лет?
 - до 14 лет?
 - до 18 лет?
- Кто был главным в семье Ваших родителей? От чего это зависело?
 - Сколько детей было в семье Ваших родителей?
 - Кто главный в Вашей семье? Сколько детей в Вашей семье?
- В какие игры Вы играли в детстве?
- Какие праздники отмечались в семье Ваших родителей?
 - Какие праздники отмечаете Вы в Вашей семье?
- Советовали ли Вам Ваши родители при выборе профессии?
 - А Вы советовали ли Вашим детям выбрать какую-либо профессию?

Вместо заключения

Историко-этнологическое изучение земледельческого населения России, в особенности русского крестьянства — актуальная задача по многим соображениям. В чисто научном плане разработка сформулированных в предлагаемом учебно-методическом пособии исследовательских проблем призвана восполнить существующий пробел в познании существенных факторов (экология крестьянского труда, трудовая этика, социальные нормы, воспроизводство крестьянской личности), фундаментальным образом определяющих историческое развитие не только крестьянства, но и всего российского общества. Общественная значимость заявленных исследовательских направлений определяется необходимостью создания более адекватного образа крестьянства в российском общественном сознании. Этот образ на протяжении длительного времени формировался под воздействием взаимоисключающих «элитарных мифов» — с одной стороны сусального почвенического мифа о «крестьянине-богоносце», носителе какой-то мистической мудрости, а с другой стороны либерально-просветительского мифа об «идиотизме деревенской жизни», о какой-то особой косности, консерватизме, экономико-технологическом невежестве крестьянства. Наше общество обладает неадекватными и скудными представлениями о крестьянстве, недаром известный британский крестьяновед Теодор Шанин назвал выпущенную им хрестоматию о крестьянстве «Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире»¹. В политическом плане разработка заявленных в данном издании проблем призвана обеспечить информационную и аналитическую базу для более адекватных подходов в насущном реформировании сельскохозяйственного производства и социальной сферы в русской деревне. В этом смысле особо важным моментом, на наш взгляд,

¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992.

является научно обоснованное моделирование специфически крестьянского типа личности, типа, который формировался веками в контексте системной взаимосвязи общины, природной среды и государства. Есть основание полагать, что драматические, а порой и катастрофические процессы прошедшего века не уничтожили полностью этот тип. Трудовые традиции, природосберегающая стратегия, ценностные установки крестьянства, воплощенные в обычаях и передаваемые от поколения к поколению, должны исторически реконструироваться, научно фиксироваться в современном их состоянии и учитываться всеми, кто причастен к принятию важных для судьбы русской деревни решений.

Содержание

Введение	3
Глава первая. Соционормативные практики в хозяйственной деятельности	7
1. 1. Общеметодические замечания (к обоснованию предмета изучения)	7
1. 2. Литература и основные источники для изучения традиционного хозяйства русских крестьян	11
1. 3. Основные проблемы изучения традиционного хозяйства русских крестьян	17
1. 4. Источники и литература	34
1. 5. Методические рекомендации по сбору эмпирического материала о крестьянском хозяйстве. Вопросник для полевой работы	42
Глава вторая. Нормы обычного права русского крестьянства ..	47
2. 1. Общеметодические замечания (к обоснованию предмета изучения)	47
2. 2. Из истории крестьянского обычного права в юридической системе Российского государства	49
2. 3. Источники и литература по обычному праву российского крестьянства	61
2. 4. Основные проблемы изучения обычного права русского крестьянства	79
2. 5. Литература	82
2. 6. Методические рекомендации по сбору эмпирического материала о крестьянском обычном праве. Вопросник для полевой работы	87
Глава третья. Традиционные нормы поведения при общении (этноэтикет) русского крестьянства	91
3. 1. Общеметодические замечания. Обоснование предмета исследования	91
3. 2. Основные черты традиционного этикета русских крестьян	99
3. 3. Источники и литература по теме крестьянского этикета	121
3. 4. Основные проблемы изучения традиционной культуры поведения при общении (этноэтикета) русского крестьянства	122
3. 5. Литература	127
3. 6. Методические рекомендации по сбору полевого эмпирического материала о культуре поведения при общении русских крестьян	129

Глава четвертая. Традиционные нормы воспитания детей в крестьянской среде	130
4. 1. Семейный уклад жизни крестьян	131
4. 2. Половозрастное деление в крестьянской среде	133
4. 3. Ценностный статус детей в крестьянском обществе	135
4. 4. Уход за маленькими детьми	141
4. 5. Пища	142
4. 6. Приемы воспитания детей	144
4. 7. Особенности детской культуры	147
4. 8. Крестьянское мировоззрение и его воспитательное значение	149
4. 9. Источники и литература	151
4. 10. Методические рекомендации по сбору эмпирического материала по теме «Крестьянское детство»	154
Вместо заключения	157

Учебная литература

Никишпенков А. А., Перстнева И. П., Тугорский А. В.

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
(СОЦИОНОРМАТИВНАЯ КУЛЬТУРА)**

Учебно-методическое пособие

Компьютерная верстка и макет:
Мехедов Н. А.

Налоговая льгота —
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 28 июня 2010.
Формат 60х90/16. Гарнитура Гaramонд.
Печать РИЗО. Уч.-изд. л.?? Тираж ??? экз.

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-916-346-8273
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novohron.info>

Отпечатано в отделе оперативной печати
исторического факультета МГУ
119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,
МГУ им. М. В. Ломоносова